

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

Учредители

Алтайский государственный университет
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д.ф.н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В. В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Уханова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, И. Ю. Колесов, Г. В. Кукуева, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова, М. Г. Шкуропацкая

Секретариат

С. В. Доронина, М. П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, институт массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405а.

Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: http://www.fmc.asu.ru/philo_journal/

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Человек. Текст. Коммуникация

Т.В. Чернышова. Филолого-коммуникативные исследования в начале XXI века: наследие и перспективы	7
Е.А. Савочкина, И.А. Широких. Теория эвокации: слово об учителе	11
Э.В. Малыгина. Лингвоэвокационное исследование педагогической межперсонажной коммуникации: на материале фрагмента художественного текста.....	15
Г.А. Копнина. Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурс: проблема распознавания.....	30
Е.А. Савочкина. Применение фасетной классификации для уточнения природы речевого жанра (языковой аспект).....	47
А.А. Шмаков. Риторический идеал поколения Z (на материале социолингвистического эксперимента).....	61

Статьи

Д.В. Кротова. А. Блок в поэтическом мире В. Шаламова	76
Е.Д. Трухан. Роман «Бедные люди» в контексте писем Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий	88
У.Н. Текенова. Рай («Ўстиги Ороон») и ад («Алтыгы Ороон») на материале произведений Дибаша Каинчина	102
Л.Л. Шевченко. Способы объективации категории метатекстуальности в художественном тексте и их роль в репрезентации авторской картины мира (на материале романа Айрис Мердок «Дитя слова»)	117

В.В. Катермина, Н.С. Соловьева. Религиозные метафоры в спортивном газетном дискурсе: функциональный аспект (на материале британских газет) 130

Т.П. Павлюк, З.А. Дубинец. Особенности концептуализации понятия «карантин» в современном интернет-фольклоре 145

О.В. Лушинская. Структурно-организационные и содержательные характеристики медийного дискурса на примере веб-сайта «The Guardian» 158

Научные сообщения

А.С. Пчелинцева. Комплекс средств взаимодействия с читателями в примечаниях А.Д. Кантемира к русскому переводу «Разговоров о множестве миров» 174

Е.С. Бугрышева, А.Н. Моисеев. «Свои» и «чужие» реалии в текстах песен рэпера Оксимирона..... 183

В.Д. Ившин, Ю.М. Зинина. Синонимические ряды экспрессивной лексики в произведениях К. Эмиса..... 189

Люди. Факты. События

Н.В. Бубнова, Н.В. Ланге. Наука о человеке в эпоху пандемии: обзор XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» 197

Резюме 202

Наши авторы..... 216

CONTENTS

Man. Text. Communication

- T.V.Chernyshova.** The Philological and communication studies at the beginning of the XXI century: heritage and prospects. On the 80th anniversary of the birth of the first editor of the journal «Philology & Human» Alexey Andreevich Chuvakin 7
- E.A. Savochkina, I.A. Shirokikh.** Theory of Evocation: about the Teacher 11
- E.V. Malygina.** Lingvocation Research of Pedagogical Interpersonal Communication: Based on an Excerpt of a Literary 15
- G.A. Kopnina.** Verbal Manipulation in Mass Media Text / Discourse: the Problem of Recognition..... 30
- E.A. Savochkina.** Faceted Classification Scheme Applied to Specify Speech Genre (Language-Specific Aspect) 47
- A.A. Shmakov.** The Rhetorical Ideal of Generation Z (Based on a Sociolinguistic Experiment) 61

Articles

- D.V. Krotova.** A. Blok in the Poetic World of V. Shalamov 76
- E.D. Truhan.** The Novel «Poor Folk» in the Context of Dostoevsky's Letters of the time of the Kuznetsk Events..... 88
- W.N. Tekenova.** Heaven (“Ustigi Oroon”) and Hell (“Altygy Oroon”) as Seen in Works of Dibash Kainchin 102
- L.L. Shevchenko.** Forms of Metatextuality Actualized in a Literary Text and Their Role in Representation of the Author's Worldview (Based on the Novel «Word Child» by Iris Murdoch)..... 117

V.V. Katermina, N.S. Solovyova. Religious Metaphors
in Newspaper Sports Discourse: Functional Aspect
(Based on the Material of British Newspapers).....130

P. Pavluk, Z.A. Dubinets. Peculiarities of Conceptualization
of the Notion «Quarantine» in Modern Internet Folklore 145

O.V. Lushchinskaya. Structural, Organizational and Content
Characteristics of Media Discourse (Based on the Web-Site
The Guardian) 158

Scientific reports

A.S. Pchelintseva. Totality of Means of Interaction with the Reader
in the Footnotes of A.D. Cantemir to the Russian Translation
of Conversations on the Plurality of Worlds..... 174

E.S. Bugrysheva, A.N. Moiseev. Realia (Culturally Specific Lexical
Units) as «Ours» and «Theirs» in Rapper Oxxxymiron's Texts 183

V.D. Ivshin, Y.M. Zinina. Synonymous Groups of Expressive
Vocabulary in Works by K. Amis 189

People. Facts. Events

N.V. Bubnova, N.V. Lange. Human Science in the Pandemic Era:
Review of the XVIII International Scientific Conference
«Onomastics of the Volga Region» 197

Summary202

Our authors216

ЧЕЛОВЕК. ТЕКСТ. КОММУНИКАЦИЯ

ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: НАСЛЕДИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI 10.14258/filichel(2021)3-01

26 марта 2021 года свой восьмидесятый день рождения отметил основатель алтайской школы коммуникативистики, профессор, доктор филологических наук, почетный профессор Алтайского государственного университета, первый редактор журнала «Филология и человек» Алексей Андреевич Чувакин.

Благодаря усилиям Алексея Андреевича в 2006 году четыре ведущих алтайских вуза из Барнаула, Бийска и Горно-Алтайска стали учредителями научного журнала «Филология и человек», который уже на следующий год вошел в «Перечень ведущих рецензированных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кан-

дидата наук», и продолжает успешно развиваться. Профессор А.А. Чувакин был его первым главным редактором, а сейчас возглавляет редакционный совет журнала.

*

Алексей Андреевич Чувакин родился 26 марта 1941 года в городе Томске, в семье преподавателей. В 1958 окончил с серебряной медалью среднюю школу №1 в Бийске Алтайского края, в 1962-м — с отличием филологический факультет Бийского государственного педагогического института, где и работал первые годы после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации. В 1975 году был приглашен на кафедру русского языка Алтайского государственного университета: сначала на должность доцента, а затем профессора.

Создатель научной школы филолого-коммуникативных исследований в Алтайском государственном университете, прекрасный педагог, талантливый исследователь, успешный организатор, многие годы возглавлявший филологический факультет АлтГУ, а затем кафедру, А.А. Чувакин внес неоценимый вклад в развитие отечественного филологического образования. Он стал одним из авторов концепций реформирования высшего филологического образования в классических университетах России, участвовал в составлении Государственных образовательных стандартов и документальном обеспечении образовательного процесса по направлению и специальности «Филология» в университетах России.

Под руководством А.А. Чувакина в 1994 году в Алтайском государственном университете (одном из первых в России!) открыта магистерская подготовка по направлению «Филология», в том числе по программам «Русский язык», а затем и по программам «Риторика и речеведение», «Теория и практика речевой коммуникации». Последняя из перечисленных программ в 2014 году получила сертификат об профессионально-общественной аккредитации образовательной программы, ее идеи развиваются в новых программах кафедры.

Научные интересы Алексея Андреевича распределяются между русским языкознанием и проблемами высшего филологического образования. Им предложена коммуникативная модель риторики и основания коммуникативной теории текста; разработаны основы лингвистической теории эвокации и теории текстодериватологии; созданы принципы энциклопедического представления языка писателя, которые реализованы в исследовании языка прозы В. М. Шукшина; на стыке фи-

лологии и теории коммуникации разрабатывается филологическая теория коммуникации. Научные и учебные идеи нашли отражение в более чем 350 научных и учебно-методических работах, в том числе монографиях и учебных пособиях.

На счету А.А. Чувакина успешное руководство несколькими научными и образовательными проектами, в том числе международными. Назовем лишь некоторые из них:

в 2004–2007 годах под руководством и при активном участии профессора Чувакина (грант РГНФ № 96-04-06090) осуществлен выпуск энциклопедического словаря-справочника «Творчество В. М. Шукшина» в трёх томах (Барнаул, 2004–2007), авторский коллектив которого награждён дипломом «Лучшая книга Алтая — 2007»;

с 1997 по 2017 год А.А. Чувакин является научным и ответственным редактором ряда продолжающихся изданий, в которых публиковались исследования по наиболее актуальным аспектам коммуникативных исследований в России: сборник статей «Человек — коммуникация — текст» (Барнаул, 1997–2007); международный ежегодник «Филолого-коммуникативные исследования» (Барнаул, 2014–2017, при участии И.В. Силантьева);

с 2006 на филологическом факультете АлтГУ начинает работу лаборатории коммуникативистики и риторики, научным руководителем и организатором ряда научных международных конференций и научных проектов также является А.А. Чувакин;

в 2009 году профессор Чувакин входит в состав редакционной коллегии издания собрания сочинений В.М. Шукшина в восьми томах под общей редакцией проф. О.Г. Левашовой (Барнаул, 2009);

с 2013 по 2017 год А.А. Чувакин руководит международным научным семинаром «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» (совместно с Т.В. Чернышовой); профессором Чувакиным коллектив факультета успешно реализует образовательные проекты, нашедшие воплощение в двух учебных изданиях для магистратуры: «Филология в системе гуманитарного знания» (Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014) и «Филология и коммуникативные науки» (Москва : Флинта, 2015);

в 2018 году А.А. Чувакин — руководитель российско-казахстанского проекта, осуществленного совместно с Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Астана), итогом которого стал выход в свет учебного издания «Риторика. Учебная книга для магистратуры по направлению/специальности «Филология» в вузах России и Казахстана» (Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018).

Заместитель председателя, а затем председатель диссертационного совета Д 212.005.01 при АлтГУ, научный руководитель магистрантов и аспирантов — на этом трудоемком пути Алексей Андреевич подготовил 18 магистров филологии, 34 кандидата и трех докторов филологических наук, которые работают в классических университетах, а также в педагогических, технических и других вузах и иных организациях России.

Педагогическая и научно-просветительская деятельность Алексея Андреевича Чувакина отмечена многочисленными государственными наградами и почетными званиями; свидетельством международного признания деятельности профессора А.А. Чувакина явилось избрание его членом-корреспондентом Международной академии наук педагогического образования.

Редколлегия журнала «Филология и человек», коллеги по кафедре общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, институту гуманитарных наук Алтайского государственного университета поздравляют Алексея Андреевича с прекрасным юбилеем, символизирующим гармоничное сочетание мудрости и богатого разностороннего опыта. Желаем крепкого здоровья Вам и Вашим родным и близким, реализации намеченных планов и всего самого наилучшего!

Т.В. Чернышова

ТЕОРИЯ ЭВОКАЦИИ: СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Е.А. Савочкина, И.А. Широких

DOI 10.14258/filichel(2021)3-02

Как красиво, но непонятно для обывателя, да и просто несведущего человека звучит сочетание «теория эвокации»! Данное научное направление, как представляется, прошло следующие этапы развития: ужас — полное непонимание — толкование научным руководителем — смутные догадки — попытки применить настоящую теорию к собственному фактическому материалу диссертации — этап «что-то получается» — понимание ее универсальности и полезности — защита диссертации — огромная благодарность Учителю.

Теория эвокации была разработана на материале художественной речи А.А. Чувакиным и определена как «деятельность человека говорящего, содержанием которой является целенаправленная, эстетически значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка, посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной действительности говорящего (автора) и слушателя (читателя) в коммуникативных ситуациях эстетической деятельности» [Чувакин, 1996, с. 8]. Вопрос о соотношении структуры речи в литературных произведениях с бытовой жизненной ситуацией, принципах воспроизведения и преобразования общедоступных речевых форм в литературных произведениях был выдвинут чешским ученым В. Скаличкой [Skalička, 1963], который ввел понятие «художественная эвокация» (от лат. *evocation* — вызов, призыв; англ. *evocation* — воскрешение в памяти, припоминание; чешск. *evokace* — восстановление в памяти).

Осмелимся предположить, что у всех аспирантов, которые постигали, «грызли», любили или ненавидели теорию эвокации, в тексте диссертационного исследования присутствует следующее положение: вслед за А.А. Чувакиным мы рассматриваем эвокационную деятельность в аспектах компонентной и уровневой структуры. «Эвокационная деятельность включает в себя следующие компоненты: 1) предметные: объект воспроизведения, средство воспроизведения, продукт воспроизведения; 2) процессуальный: процесс воспроизведения» [Чувакин, 1996, с. 20].

А далее каждый из нас предлагал свое видение и свою интерпретацию эвокации. «В настоящем исследовании объектом воспроизведения

выступает конструкция, функционирующая в тексте оригинала и передающую бытийную семантику [Широких, 2004, с. 30]. Средством эвокации является естественный язык как «средство категоризации и интерпретации» (Э. Бенвенист) объекта эвокации в тексте. «Центральные оппозиции, на которых базируется функционирование средств эвокации, проистекают из активной роли *Nomo Loquens* и естественного языка» [Основы теории текста, 2003, с. 123]. Русский язык (переводящий язык) рассматривается в аспекте средства воспроизведения.

Э. Бенвенист указывает, что в науке о языке подлжит анализу не только языковая форма, но и функции языка. Именно языку присуще активное начало в воспроизведении действительности. Источник «таинственной силы» языка кроется в его способности к символизации. «Под этим мы понимаем способность представлять (репрезентировать) объективную действительность с помощью «знака» и понимать «знак» как представителя объективной действительности и, следовательно, способность устанавливать отношение «значения» между какой-то одной и какой-то другой вещью» [Бенвенист, 2002, с. 28]. «Продукт воспроизведения — это результат процесса воспроизведения, то есть категоризированный и интерпретированный специальными приемами посредством языковых знаков (знаковых последовательностей) объект воспроизведения, включенный в художественный текст» [Чувакин, 1996, с. 21]. Продуктом воспроизведения обозначим бытийную конструкцию переводного текста трилогии Дж. Голсуорси «Современная комедия» [Широких, 2004, с. 31].

И мы действительно следовали теории эвокации, толковали ее на свой лад, использовали ставшие привычными термины и доказывали вынесенные когда-то на защиту положения, еще и еще раз в дискуссиях на научных семинарах и конференциях [Саланина, Савочкина, Широких, 2016]. Универсальность эвокации и дальновидность научного руководителя сделали свое дело: пять преподавателей кафедры иностранных языков: И.А. Широких (2004 г.), О.С. Саланина (2005 г.), Е.А. Савочкина (2007 г.), Т.Н. Василенко (2008 г.), О.А. Сим (2009 г.) — успешно защитили диссертации на соискание степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 — Теория языка. Наши вторые языки (английский, немецкий, французский), ставшие родными, «приняли» методику эвокационного сопоставления.

Обучаясь в аспирантуре, соискатель перенимает стиль работы своего научного руководителя, примеряет его к себе, общаясь с собственными студентами. Сейчас мы так же, как и Алексей Андреевич, даем зада-

ния своим подопечным на определенный период и строго спрашиваем о том, что было сделано; мы научились отвечать на самые нелепые вопросы, скрывая улыбку, как это делал А.А. Чувакин; несем ответственность за творческие изыскания каждого бакалавра или магистра; скрываем волнение на защитах работ, как это получалось у нашего руководителя. И вслед за А.А. Чувакиным мы утверждаем, что любая единица языка реализуется в ТЕКСТЕ, а текст — это самый благодарный материал исследования. Только текст может состоять как из одного высказывания, так и из нескольких томов!

Как известно, текст представляет собой сложное структурное и содержательное целое, коммуникативный потенциал которого гораздо больше совокупного содержания составляющих его высказываний. При этом в русле коммуникативного подхода к тексту его можно определить как «коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Homo Loquens, обладающий признаками эвокативности и ситуативности, механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости» [Основы теории текста, 2003, с. 31].

Как было заявлено ранее, англ. evocation — это воскрешение в памяти, припоминание. Представляется возможным утверждать, что бывшие аспиранты А.А. Чувакина не припоминают, а очень хорошо помнят все уроки (и жизненные в том числе), полученные от нашего Алексея Андреевича. Мы благодарны за все: за Ваши знания, время, похвалу и порицания, чувство юмора, искреннюю любовь и уважение к науке, которую и мы начали воспринимать иначе. Каждый из нас идет своим путем, но никто и никогда не забывает, у кого мы всему научились.

Библиографический список

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002.
Основы теории текста. Барнаул, 2003.
Саланина О.С., Савочкина Е.А., Широких И.А. Эвокационный подход в лингвистических исследованиях. Барнаул, 2016.
Чувакин А.А. Основы эвокационной теории художественной речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1996.
Широких И.А. Опыт эвокационного анализа бытийной семантики в тексте : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
Skalička, V. Text, kontext , subtext. Praha, 1963.

References

- Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. [General linguistics]. Moscow, 2002.
- Osnovy teorii teksta*. [Fundamentals of Text Theory]. Barnaul, 2003.
- Salanina O.S., Savochkina Ye.A., Shirokikh I.A. *Evokatsionnyy podkhod v lingvisticheskikh issledovaniyakh*. [Evocative approach in linguistic research]. Barnaul, 2016.
- Chuvakin A.A. *Osnovy evokatsionnoy teorii khudozhestvennoy rechi*. [Fundamentals of the Evocative Theory of Artistic Speech]. Abstract of Philol. Dokt. Diss. Barnaul, 1996.
- Shirokikh I.A. *Opyt evokatsionnogo analiza bytiynoy semantiki v tekste*. [Experience of evocation analysis of existential semantics in the text]. Diss. Cand. Philol. Barnaul, 2004.
- Skalička V. *Text, kontext, subtext*. Praha, 1963.

ЛИНГВОЭВОКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЕЖПЕРСОНАЖНОЙ КОММУНИКАЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ ФРАГМЕНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Э.В. Малыгина

Ключевые слова: эвокативность, интерпретативность, межперсонажная педагогическая коммуникация, вербальный коммуникативный акт, художественный текст.

Keywords: evocativeness, interpretativeness, interpersonal pedagogical communication, verbal communication act, literary text.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-03

Значительный вклад профессора Алексея Андреевича Чувакина состоит в развитии лингвоэвокационного исследования современного филологического знания, базирующегося на коммуникативной природе текста. Работы специалистов (И.А. Широких, Е.А. Савочкиной, Т.Н. Никоновой, О.А. Сим и др.), выполненные под руководством А.А. Чувакина, демонстрируют комплексность объектов, методик и принципов деятельности лингвоэвокационного изучения текста, раскрывают механизм взаимосвязи и особенность «креативных» отношений, в которые вступают сообщение, автор и адресат.

Под лингвистической эвокацией понимается «специфическая деятельность Человека Говорящего, содержанием которой является целенаправленная, эстетически значимая, творчески протекающая реализация репрезентативной функции языка посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной деятельности говорящего (автора) и слушающего (читателя)» [Чувакин, 2020, с.132]. Эвокационная деятельность, по мысли профессора А.А. Чувакина, состоит из предметного (объект, средства, продукт) и процессуального компонентов. Механизм деятельности воспроизведения базируется на идее преобразования объекта эвокации (фрагмента реальной ситуации) посредством языковых и текстовых средств в продукт эвокации (фрагмент художественного текста).

В соответствии с изучаемыми объектами и задачами дополняется и модифицируется методика лингвоэвокационного исследования.

В статье «Внутриречевая коммуникация в прозе В.М. Шукшина: эвокационное исследование кризисной межперсонажной коммуника-

ции в рассказе «Генерал Малафейкин» [Малыгина, Чувакин, 2016] в связи с комплексным характером природы объекта эвокации (кризисной коммуникации) методика лингвоэвокационного анализа была дополнена идеями чешского исследователя Р. Паролека о дуплановости деятельности моделирования. В рамках эвокационного исследования авторами названной статьи рассматривались план первичного моделирования и план вторичного моделирования. План первичного моделирования представлен «языковыми знаками (создается текстом художественного произведения)» [Малыгина, Чувакин, 2016, с. 87], им формируются «входные ворота в произведение» (понятие Р. Паролека). План вторичного моделирования составляет авторская художественная модель мира и человека, «эвоцированная текстом в наших представлениях» [Малыгина, Чувакин, 2016, с. 87–88]. Эвокационный потенциал текста базируется на принципе взаимосвязи и взаимозависимости словесного текста и авторского представления модели мира и человека.

В настоящем исследовании продуктом эвокации является модель педагогической (школьной) коммуникации в художественном тексте. Обозначим некоторые особенности данного типа взаимодействия как объекта эвокации. Для указанного профессионального дискурса характерны четкая формулировка цели, ролевые характеристики участников общения, типовая фиксированность обстоятельств общения (см.: [Карасик, 2002; Скребцова, 2020]). Применительно к педагогической коммуникации уместно говорить о ее позитивном характере, который отличают «конструктивность, окрашенность положительными эмоциями и эффективность» [Позитивная коммуникация, 2020, с. 19]. Параметр эффективности коммуникации состоит в том, что она приносит удовлетворение всем участникам общения. Т.Г. Скребцова, ссылаясь на учение британского лингвиста М. Хэллидея, иллюстрирует набор единиц педагогического дискурса (интерактивный акт, коммуникативный или интерактивный ход, обмен ходами, транзакция и речевое событие) (см.: [Скребцова, 2020]). Исследователь приходит к выводу, что особенностью педагогического дискурса является структурное соединение единиц друг с другом для получения единиц более высокого порядка. Соответственно, процесс общения преподавателя и обучающегося характеризуется комплексной (осложненной) природой коммуникативных компонентов. Например, А.К. Михальской предложены параметры «ядерного типа» педагогических речевых ситуаций. К ним относятся «участники — учитель и ученик (ученики как аудитория); тип дискурса — дискурс урока; обстоятельства — классная аудитория» [Михальская, 2015, с. 276].

В настоящем исследовании для изучения особенностей эвоцирования модели внутритекстовой педагогической межперсонажной коммуникации обратимся к параметрам вербального коммуникативного акта, описанным Б.Ю. Городецким [Городецкий, 2003]: коммуниканты, обстоятельства общения, система коммуникативных замыслов (практические и коммуникативные цели), коммуникативные процессы, коммуникативный текст.

Рассмотрим компоненты модели педагогической межперсонажной коммуникации, воспроизведенной писателем средствами эвокации, на материале фрагмента текста романа О. Камаевой «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы»:

— *Не хотите говорить о Зое Борисовне, поговорим обо мне. Представьте, что теперь биологию у вас веду я.*

Неожиданный поворот сработал: класс сразу подобрался, ожил, в глазах появился интерес. Вот теперь можно и поговорить.

— *Но с Зоей Борисовной у меня много общего: училась в институте, потом много лет работала в школе. Имею большой стаж, а значит, опыт. Выпустила сотни учеников. Мне нравится мой предмет, и я стараюсь передать вам то, что знаю сама. Да, иногда срываюсь, поскольку некоторые недалекие ученики мешают мне работать. А теперь повторяю вопрос: и что вас не устраивает?*

Рубин с Хохловым переглянулись:

— *Елена Константиновна, вопрос к вам как к биологу: вот у человека тридцать два зуба, а у птиц сколько?*

Сама напросилась. И попробуй не ответь... Судорожно закопошилась в маленьком и почти пустом чуланчике, хранящем мои скудные зоологические познания.

— *Если не ошибаюсь, — начала я осторожно, — у них клювы...*

— *Вот! — обрадованно подхватил Хохлов. — Даже вы знаете! А ее послушать, у птиц за клювами зубы растут не хуже, чем у акулы! Вроде не настолько старая, чтобы птеродактилей застать.*

Класс весело хохотнул. И посыпалось:

— *Не знает, что у насекомых есть сердце! Думает, они твари бессердечные!*

— *По-моему, вы слишком категоричны. Учитель не может всего знать, — попыталась я сгладить ситуацию. И спохватилась:*

— *Кстати, в учебнике про это написано?*

С последним слупила, конечно. И сразу попала на свой же крючок.

— *А что, учителю только учебник знать положено? — искренне удивилась Яковлева.*

— Нет, конечно, — как выкрутиться из неловкой ситуации я не знала, поэтому поехала по старым рельсам:

— Но, повторяю, все знать невозможно...

— А мы все и не требуем! — Хохлова понесло. — Но как, скажите, жить дальше, если мы про медведей — и не каких-нибудь, солнечных! — ничего не знаем? И никто не хочет рассказать!

Он хитро ухмыльнулся:

— Может, вы, Елена Константиновна, просветите?

Разговор грозил закончиться балаганом, в котором в лучшем случае вдоволь потешатся над биологичкой, а в худшем — и надо мной тоже.

— Приятно видеть у тебя, Хохлов, столь безмерную тягу к знаниям. Но хочу напомнить, что самообразование никто не отменял.

Хохлов театрально вздохнул:

— Понятно... Значит, и вы не объясните...

— А самообразование и для Зяблика никто не отменял, — ловко подловил меня Рубин на второй крючок.

— Не Зяблик, а Зоя Борисовна. Не груби, — одернула я автоматически.

Больше сказать было нечего.

Опять я ничего не добилась. Опять жди сорванных уроков, истерик, требований прекратить безобразие, наладить дисциплину, вызвать родителей, а потом хмыканья в спину: «Молодая... первый год... какой с нее спрос...» (Ольга Камаева, 2013).

Продемонстрируем особенности эвоцирования автором романа модели педагогической коммуникации на этапе «вхождения» читателя в текст (плана первичного моделирования).

Коммуниканты. Участниками педагогического речевого акта как объекта эвокации являются преподаватель и ученик, причем педагогу отводится роль «главного лица».

В данном фрагменте текста как продукте эвокации воспроизводятся следующие персонажи внутритекстовой педагогической коммуникации: учитель Елена Константиновна и учащиеся (Рубин с Хохловым, Яковлева). Персонажи Рубин и Хохлов, доля речевых партий которых количественно преобладает, показаны в качестве активных участников процесса диалоговедения. Им принадлежит функция поддержания контакта с преподавателем в воспроизведенном акте речевого взаимодействия. Посредством лексемы со значением экспрессивности речевого высказывания (*одернула я автоматически*), включенной в речевой слой учителя, в межперсонажной коммуникации воссоздается неравенство статусов субъектов изображаемого общения, прерывание диалогического взаимодействия. Наличие в речевой партии персонажа Еле-

ны Константиновны императивного высказывания «*Не груби!*» сигнифицирует в содержательном текстовом слое изображаемое автором нарушение гармонизации общения субъекта обучающего и субъектов учаемых. В художественной интеракции эвоцируется модель, в которой представлено социальное превосходство преподавателя в финальной части беседы над классом. Поэтому эксплицируемое автором романа право учителя оставить за собой последнее слово является фактором, замыкающим циркуляцию смыслов в педагогическом взаимодействии.

Обстоятельства общения. В педагогической коммуникации как объекте эвокации обстоятельства общения (ситуация, контекст) играют важную роль, так как они определяют характер речевого взаимодействия субъектов. По мысли Т.Г. Скребцовой, речевое событие (интеракция) не может быть описано «лингвистическими терминами...эта последовательность обусловлена исключительно внешними, неязыковыми факторами» [Скребцова, 2020, с. 93]. К ним могут быть отнесены введенные А.К. Михальской «ядерная» и «периферийная» ситуации. Традиционно процесс взаимодействия учителя и учеников происходит в хронотопе урока, класса, школы как элементов «ядерной» ситуации.

В рассматриваемом нами текстовом фрагменте романа воспроизведен комплексный тип фактора ситуации. Он представлен четырьмя планами: соответствующего моменту речи, предшествующего ему, планом ирреального события, планом будущего события.

План ирреального события эвоцируется в речевом слое персонажа Елены Константиновны посредством глагольной лексемы повелительного наклонения, не предусматривающей включение слушающего в действие («*представьте, теперь биологию у вас веду я*»). Автор моделирует событие ирреальной модальности, которое выполняет функцию установления контакта с аудиторией, ослабления напряженного характера общения с классом.

Обстоятельства коммуникативного акта преподавателя и учеников, соответствующие моменту речи, эвоцируются в хронотопе урока посредством грамматических форм глаголов настоящего времени (*мешают мне работать, не устраивает, стараюсь передать, срываюсь*). Перечислением представленных лексем воссоздается ядерный семантический компонент ситуации: нарушение дисциплины на уроке.

Сигналом хронотопа, предшествующего моменту речи, является высказывание оценочной модальности, принадлежащее речевому слою персонажа Хохлова. В реплике персонажа воспроизводится особенность манеры преподавания биологии Зоей Борисовной (*А ее послушать, у птиц за клювами зубы растут не хуже, чем у акулы! Вро-*

де не настолько старая, чтобы птеродактилей заставить). Форма глагола «*послушать*» в моделируемом речевом акте становится одним из средств пресуппозитивного компонента коммуникации, содержащего сведения о некомпетентности преподавателя биологии, проблеме качества процесса обучения.

План будущего события изображается в несобственно-прямой речи преподавателя (*Опять жди сорванных уроков, истерик, требований пре-кратить безобразие, наладить дисциплину, вызвать родителей*). Его языковыми регистрами являются следующие перечисляемые лексемы: *истерика, сорванные уроки, безобразие*. Они образуют наименования жанровых форм неэффективного общения преподавателя с классом, а посредством их сгущения создается эффект пролонгированности неоптимального характера педагогического дискурса.

Первые три ситуации принадлежат «ядерному» дискурсу педагогического общения, четвертая — «периферийному». Подобная эклектичность фактора обстоятельства общения позволяет автору романа не только выстроить парадигму смысловых блоков в структуре фрагмента текста, но и продемонстрировать читателю коммуникативную природу сообщения, его функциональный потенциал, способность перемещаться между хронотопами.

Система коммуникативных замыслов. К прагматическим целям коммуникативного дискурса относят передачу знаний и процессы социализации личности (см.: [Карасик, 2002]).

Одну из проблематик содержательной части фрагмента текста романа О. Камаевой составляет дидактическое воспитание преподавателем учеников, формирование уважительного отношения к человеку. Языковыми средствами эвоцирования данного информативного потенциала модели межперсонажной трансакции является повтор высказываний, принадлежащих речевому слою преподавателя, со значением категоричной модальности (*Учитель не может всего знать / Но, повторяю, все знать невозможно...*). В представленных высказываниях автор романа акцентирует внимание читателя на факторе субъективности коммуникации, проблеме личности человека.

Для иллюстрации качественной характеристики речевого поведения учеников, их неспособности выстраивать компромиссный вариант общения автор романа вводит в реплику учителя высказывание «*По-моему, вы слишком категоричны*».

Изображаемый процесс назидательного общения преподавателя с классом дополняется коммуникативной установкой персонажа Еле-

ны Константиновны подчеркнуть статус значимости субъекта обучающего (фигуры преподавателя). Средством воздействия на класс в речевой партии Елены Константиновны служит перечисление предикатов, раскрывающих фактор личностных достижений Зои Борисовны (*училась в институте, работала в школе, имею большой стаж, выпустила сотни учеников* и т.д.).

Коммуникативная задача преподавателя также подчинена сохранению установленного контакта. Однако смещение тематики высказываний Елены Константиновны в предметную плоскость иной дисциплины порождает утрату контакта, провал коммуникации, потерю авторитета у аудитории. В финальной фразе, конструируемой автором романа по типу внутренней речи, используется элемент чужеречного слоя (*потом хмыканья в спину: «Молодая... первый год... какой с нее спрос...»*). Данное средство становится для читателя сигналом внешнего оценочного восприятия персонажа Елены Константиновны учениками и их родителями в «периферийной» ситуации. Семантическим ядром высказывания «*Молодая... первый год... какой с нее спрос...»* является параметр невысокой социальной значимости личности начинающего преподавателя.

Таким образом, в представленном фрагменте изображается нарушение реализации коммуникативных и прагматических целей педагога в межперсонажном общении. Для того чтобы рассмотреть этапы развития дисгармоничного характера акта педагогической коммуникации, обратимся к описанию ее коммуникативных процессов.

Коммуникативные процессы. Процессы в акте общения субъектов обусловлены коммуникативностью текста, реализуемой «в его отношении к участникам коммуникативного акта: говорящему и слушающему» [Чувакин, 2020, с. 300], а также коммуникативной активностью субъектов коммуникативной деятельности.

В рассматриваемом нами тексте художественного произведения категорией коммуникативности воспроизведенных высказываний (сообщений) определяется смена тактико-стратегических действий персонажей.

Установка героини продемонстрировать значимость уважительного отношения к преподавателю воспроизводится автором произведения посредством нескольких этапов. Первым из них является подготовка аудитории к беседе (*Неожиданный поворот сработал... Вот теперь можно и поговорить*). Иллюстрацией успешной начальной фатической функции изображаемого педагогического акта является тактика отступления от шаблона речевого жанра беседы, включение нового способа

подачи информации. Высказывание «*Не хотите говорить о Зое Борисовне, поговорим обо мне. Представьте, что теперь биологию у вас веду я*» построено по принципу отождествления субъектов коммуникации (Зои Борисовны и Елены Константиновны), сфера деятельности которых принадлежит разным предметным областям. Следствием нарушения логического закона тождества становится моделируемый автором романа в композиционно-речевой структуре текста перечень уточняющих вопросов в репликах учеников, к которым субъект обучающий оказывается неподготовленным.

Второй этап характеризуется воссозданием начального диалогического взаимодействия преподавателя с аудиторией. Его отличает преобладание нескольких предметов речи, смещение жанра беседы в жанр ответа на вопросы учеников. Отступление от темы общения вводится в текст в репликах обучающихся следующим перечнем предметов речи: количество зубов у птиц, наличие сердца у насекомых, существование солнечных медведей. Участие Елены Константиновны в предметной области «*скудных зоологических познаний*» является сигнификатом неэффективной рече-коммуникативной тактики преподавателя, обуславливающей непрогнозируемую реакцию класса, затрудняющую процесс управления им. На данном этапе речевой жанр дидактической беседы переходит в жанр аттестации знаний преподавателя учениками. Подобная модель приобретает структуру коммуникации-«перевёртыша», в которой происходит обмен социальными статусами учеников и учителя.

Третий процесс развития диалоговедения, в котором изображена доминирующая позиция обучающихся, отличается преобладанием провокативной тактики опроса преподавателя (*Может, вы, Елена Константиновна, просветите?*). О.С. Иссерс указываются два признака речевой провокации в публичном диалоге: «преднамеренность, осознанность данного поведения и... негативный характер последствий для вовлеченного в провокацию адресата» [Иссерс, 2009, с. 93]. Посредством лексемы «*просветите*» в речевой партии Хохлова воспроизводится акт приглашения преподавателя к участию в беседе, относящейся к предметной области биологии. Негативным последствием участия преподавателя в обсуждении проблемы «солнечных медведей» может быть угроза потери авторитета в связи с отсутствием сведений о материале (*в лучшем случае вдоволь потешатся над биологичкой, а в худшем — и надо мной тоже*).

Тактика коммуникативной самозащиты преподавателя как способ выхода из провокативного дискурса в акте межперсонажной комму-

никации изображается в финальном процессе (*Разговор грозил закончиться балаганом*). Речевая самозащита эвоцируется посредством переключения на другую тему, ее маркером является лексема *самообразование*. Следующий способ усиления данной тактики воспроизводится в финальной реплике посредством синтаксической конструкции со значением отрицания («*Не Зяблик, а Зоя Борисовна*»). Преобразование имени собственного *Зяблик* в форму официально-делового обращения *Зоя Борисовна* в тексте становится одним из приемов статусной реконструкции социальной значимости педагога в акте коммуникации, установления его позиции над классом.

Перечисленные процессы раскрывают читателю переходы актов начального диалогического общения в финальное монологическое. Подобная трансформативность процессов взаимодействия персонажей оказывает существенное влияние на специфику текстообразующих средств.

Коммуникативный текст. С категорией коммуникативности текста в филологии связаны не только коммуникативная активность субъектов общения, но и отбор средств построения сообщения.

Сообщение как элемент активной функционирующей системы в представленном фрагменте художественного текста моделируется автором посредством знаков смешанных систем (языковых и коммуникативных). Речевые партии обучающихся отличаются иллюстрациями экспрессивно-образных элементов, ориентированностью на процесс словотворчества (*Вроде не настолько старая, чтобы птеродактилей заставить. Думает, они твари бессердечные!*). Посредством риторических высказываний в реплике персонажа Хохлова (*Но как, скажите, жить дальше, если мы про медведей и не каких-нибудь, солнечных! — ничего не знаем? И никто не хочет рассказать!*) усиливается эмоциональность ситуации, воссоздается эффект театрализованности коммуникации. Конструкция «*как жить дальше...*» является маркером глобализации обсуждаемой проблемы. Эффект гротеска ситуации в реплике ученика выступает способом продемонстрировать читателю оправданность недисциплинированного поведения по отношению к Зое Борисовне, а также регистром перехода на другую тему общения.

Посредством лексических повторов (*всего, все, учебник, знать, учитель*) автор выстраивает диалогические реплики персонажей по принципу стимул — речевая реакция. Повторы в репликах героев являются коммуникативным элементом заинтересованности учеников в предмете речи, семантизируют читателю коммуникативную активность во взаимодействии с преподавателем, готовность поддерживать беседу.

Коммуникативные средства изображаемого взаимодействия персонажей представлены в описательных конструкциях в речевом слое автора-повествователя, указывающих на заинтересованность / незаинтересованность класса в обсуждаемой проблеме (*Неожиданный поворот сработал*). Манеру речевого общения персонажа Елены Константиновны с классом в межперсонажной коммуникации составляют элементы паралингвистической природы («*начала я осторожно*», «*обрадованно подхватил Хохлов*», «*театрально вздохнул*»). Посредством указанной группы предикатов, позволяющих автору построить текстовую модель игрового взаимодействия персонажа Елены Константиновны и класса, в тексте воспроизводятся акты установления контакта с аудиторией, этап начального диалогического взаимодействия персонажей, этап развития диалогического общения и провокативный речевой акт.

Проиллюстрируем коммуникативные средства, образующие систему межперсонажного педагогического взаимодействия, и их пропозициональные регистры в тексте:

- формулирование темы беседы (*Не хотите говорить о Зое Борисовне, поговорим обо мне*);
- ответ на вопрос в модусе неуверенности в знаниях (*начала я осторожно*);
- оценка наличия провокативного характера коммуникации (*сразу попала на свой же крючок*);
- тактика оправдания неудачного ответа (*выкрутиться из неловкой ситуации*);
- тактика избегания провокационного взаимодействия (*сгладить ситуацию*);
- тактика оценки речевого поведения преподавателя (*хитро ухмыльнуться*);
- демонстрация неудовлетворенности полученной информацией (*театрально вздохнуть*);
- провокативная тактика «подловить на слове» (*ловко подловил меня Рубин на второй крючок*);
- тактика прерывания речи собеседника (*одернула я автоматически*);
- тактика завершения беседы (*больше сказать было нечего*).

Неуверенность, оправдание неудачного способа ответной реплики, прерывание речи иллюстрируют читателю процесс нарушения гармонизирующего диалога в межперсонажной трансакции, неэффективный характер общения преподавателя с аудиторией (*опять я ничего не добилась*). Представленные коммуникативные ходы трансформируют бесе-

ду в «балаган», раскрывают утрату персонажем Еленой Константиновой контроля над ходом общения.

Таким образом, лингвоэвокационное описание модели педагогической коммуникации, представленной во фрагменте текста романа на этапе первичного моделирования, позволяет подвести некоторые итоги.

Во-первых, основу изображаемого нарушения гармоничного взаимодействия учителя с учениками составляют изменения предмета речи, выбор неэффективных коммуникативных тактик общения.

Во-вторых, моделируемая тактика игрового взаимодействия преподавателя с аудиторией преобразуется в акт провокативного речевого общения, коммуникативным эффектом которого является отступление от реализации планируемых дидактических и коммуникативных целей.

В-третьих, игровой характер общения, эвоцируемый автором посредством комплекса языковых и коммуникативных средств, иллюстрирует читателю неспособность преподавателя выстраивать беседу по правилам, устанавливаемым аудиторией. Поэтому тактикой выхода из провокативного дискурса является смена речевой манеры преподавателя, отказ от гармонизирующего диалога.

Для рассмотрения вторичного плана воссоздания «модели мира и человека» в представлениях читателей обратимся к категории интерпретативности текста.

Интерпретативность текста и его эвокативность направлены на разные стороны «одного механизма (речекоммуникативной) деятельности homo communicans, содержанием которой является создание и восприятие сообщения» [Чувакин, Малыгина, 2018, с. 82].

Взаимосвязь категорий эвокативности и интерпретативности позволяет автору сконструировать систему знаковых элементов текста, воспринимаемых читателем как сигналы, посредством которых устанавливается акт его (читателя) художественного общения с создателем произведения.

Отмеченные в ходе описания плана первичного моделирования результаты позволяют нам сформулировать некоторые наблюдения относительно объекта интерпретации.

Во-первых, в анализируемом тексте обозначена проблема установления контакта преподавателя с классом, которая зависит от многих факторов. Одним из ведущих, на наш взгляд, является имидж преподавателя. А.К. Михальской вводится понятие речевой имидж, под которым понимается «общее, целостное представление о личности, возникающее у окружающих на основе особенностей речевого поведения человека» [Михальская, 2019, с. 208].

В тексте автор эвоцирует систему неэффективных коммуникативных ходов преподавателя, посредством которых создается снижение авторитетности Елены Константиновны. В реплике, принадлежащей речевой партии героини, дается формулировка одной из причин коммуникативной неудачи педагогического дискурса (*Опять жди сорванных уроков, истерик, требований прекратить безобразие, наладить дисциплину, вызвать родителей, а потом хмыканья в спину: «Молодая... первый год... какой с нее спрос...»*). Чужеречный компонент, включающий пропозицию качественной характеристики имиджа преподавателя (*молодая еще*), иллюстрирует читателю ракурс саморефлексии героини. Посредством данного синтаксического компонента высказывания создается критическая оценка неудачного общения, детерминированная возрастом, отсутствием опыта. Однако важной причиной нарушения принципа гармонизирующего взаимодействия учителя с классом, на наш взгляд, является проблема речевого имиджа персонажа.

Обозначенные нами тактика установления контакта посредством нарушения логического закона тождества, включенность в обсуждение тем иной предметной области, потеря преподавателем контроля над управлением аудиторией, участие героини в провокативных речевых актах, переход беседы с классом в «балаган» демонстрируют читателю неспособность персонажа владеть навыками профессиональной педагогической коммуникации. Изображаемый прием установления контакта с аудиторией как педагогическая находка (*Представьте, что теперь биологию у вас веду я*) становится фактором, нарушающим ожидаемую реакцию обучающихся, развивающим ход коммуникации по непрогнозируемому для преподавателя сценарию. Автор моделирует единственный способ блокирования ситуации, в которой преподаватель утрачивает речевой имидж (*вдоволь потешаться над биологической, а в худшем — и надо мной тоже*). Этим способом является применение власти силы, власти социального статуса, «одергивание» оппонента.

В качестве второго компонента объекта интерпретации мы можем обозначить проблему воспитания личности. Она формируется из базовых задач педагогического дискурса, цель которого видится, с одной стороны, в «достраивании позиции индивида в социокультурном контексте» [Криштофик, 2017, с. 71], с другой, — «в стимулировании личностного роста (саморазвитии), развитии внутреннего (творческого) потенциала индивида...» [Криштофик, 2017, с. 71]. Дихотомия указанных направлений деятельности педагога подчинена фактору воспитания личности в ее взаимодействии с другими.

В воспроизведенной межперсонажной коммуникации дидактическая беседа персонажа Елены Константиновны с классом направлена на привитие уважения к личности педагога. Средством активизации данного объекта интерпретации является сгущение пропозиций качественной характеристики личностных заслуг учителя (*Но с Зоей Борисовной у меня много общего: училась в институте, потом много лет работала в школе. Имею большой стаж, а значит, опыт. Выпустила сотни учеников ...*).

Для того чтобы изобразить ситуацию нарушения уважения к педагогу в художественном тексте, автор использует номены-прозвища (*Зяблик*) и лексемы-характеризаторы индивидуальных (неинституциональных) личностных особенностей персонажа (возраста) (*не настолько старая, чтобы птеродактилей застать*); подчеркивает отсутствие должного уровня информационной компетенции преподавателя (*самообразование и для Зяблика никто не отменял*). Сочетание «*вдоволь потешаться*» приобретает оттенок пренебрежительного коммуникативно-речевого поведения учеников, обесценивания статуса преподавателя.

В моделируемой дискурсивной ситуации ставится под сомнение фактор уважительного отношения к другому. Доминирование неэффективного характера взаимодействия преподавателя с классом, потеря преподавателем контроля над ходом беседы ослабляют условия, способствующие процессам воспитания и развития гармоничной речекоммуникативной культуры личности

Таким образом, лингвоэвокационный подход к художественной межперсонажной педагогической коммуникации, методика которого базируется на двуплановости исследования продукта эвокации, позволяет посредством анализа деталей текста усмотреть особенности авторской модели мира и человека. В настоящем исследовании во фрагменте художественного текста моделируется нарушение процесса активизации общения преподавателя с обучающимися. Модель педагогического взаимодействия со знаком «минус», описанная нами посредством методики лингвоэвокационного анализа, демонстрирует читателю одну из множественных форм жизни текста (сообщения), его функциональную активность и вариант реализации, которые он может приобретать в художественной ситуации в системе взаимодействия автора и читателя.

Библиографический список

Городецкий Б.Ю. Моделирование вербального общения и топология коммуникативных актов // Доклады международной конференции. Диалог. 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf>

Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2 (18). С. 92–104.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Криштофик И.С. Основы педагогической коммуникации: курс лекций. М., 2017.

Малыгина Э.В., Чувакин А.А. Внутритекстовая коммуникация в малой прозе В.М. Шукшина: эвокационное исследование кризисной коммуникации в рассказе «Генерал Малафейкин» // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. №1. С. 84–103.

Михальская А.К. Педагогическая риторика: учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов н/Д., 2015.

Михальская А.К. Профессиональная речь: культурная, публичная, деловая. М., 2019.

Позитивная коммуникация: коллективная монография. М., 2019.

Скребцова Т.Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика : курс лекций. М., 2020.

Чувакин А.А. Филолого-коммуникативные исследования: избранные труды. М., 2020.

Чувакин А.А., Малыгина Э.В. К построению филологической теории коммуникации: статья третья // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. №1. С. 77–88.

Источники

Камаева О. Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы. М., 2013.

References

Gorodeckij B.YU. *Modelirovanie verbal'nogo obshcheniya i tipologiya kommunikativnyh aktov*. [Modeling of verbal communication and tipology of communicative acts]. In: *Doklady mezhdunarodnoj konferencii. Dialog* [Reports of the international conference. Dialogue]. 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf>

Issers O.S. *Strategiya rechevoj provokacii v publichnom dialoge*. [Strategy of speech provocation in public dialogue]. In: *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian language in scientific coverage]. Moscow, 2009. № 2 (18). Pp. 92–104.

Karasik V.I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, 2002.

Krishtofik I.S. *Osnovy pedagogicheskoy kommunikacii: kurs lekcij*. [Fundamentals of pedagogical communication: a course of lectures]. Moscow, 2017.

Malygina E.V., Chuvakin A. A. *Vnutritekstovaya kommunikaciya v maloj proze V.M. Shukshina: evokacionnoe issledovanie krizisnoj kommunikacii v rasskaze «General Malafejkin»*. [Intra-text communication in Small Prose by V. M. Shukshin: Evocation study of Crisis Communication in the short story “General Malafeikin”]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Language ecology and communication practice]. 2016. No. 1. Pp. 84–103.

Mihal'skaya A.K. *Pedagogicheskaya ritorika: uchebnoe posobie*. [Pedagogical rhetoric: a textbook]. Ed. 2. Rostov-on-Don, 2015.

Mihal'skaya A.K. *Professional'naya rech': kul'turnaya, publichnaya, delovaya*. [Professional speech: cultural, public, business]. Moscow, 2019.

Pozitivnaya kommunikaciya. [Positive communication: a collective monograph]. Moscow, 2019.

Skrebcova T.G. *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika. Kurs lekcij*. [Linguistics of discourse: structure, semantics, pragmatics. Course of lectures]. Moscow, 2020.

Chuvakin A.A. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya: izbrannye Trudy*. [Philological and communicative studies: selected works]. Moscow, 2020.

Chuvakin A.A., Malygina E. V. *K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikacii: stat'ya tret'ya*. [To the construction of the philological theory of communication: article three]. In: *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. [Language ecology and communication practice]. 2018. No. 1. Pp. 77–88.

List of resources

Kamaeva O. *Yolka. Iz shkoly s lyubov'yu, ili Dnevnik uchitel'nicy*. [Christmas tree. From school with love, or the teacher's Diary]. Moscow, 2013.

РЕЧЕВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ/ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМА РАСПОЗНАВАНИЯ

Г.А. Копнина

Ключевые слова: манипулирование, речевая манипуляция, автоматизированная система распознавания манипуляции, массмедийный текст / дискурс, защита от манипуляции.

Keywords: manipulation, verbal manipulation, automatized system of manipulation recognition, mass media text / discourse, protection against manipulation.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-04

Нельзя не согласиться с мыслью А.А. Чувакина о том, что «современная филология имеет более сложное строение, чем филология прошлого, например, даже середины XX в.» [Чувакин, 2020, с. 13] и что «объекты, с которыми она имеет дело, устроены более сложно, чем принято считать» [Чувакин, 2020, с. 42]. В сфере ее интересов оказываются такие проблемы, которые раньше интересовали представителей других гуманитарных наук, в частности психологии, философии и истории. Одной из них является проблема распознавания манипуляции в речи. И эта проблема как никогда актуальна именно в наше время, которое называют эпохой информационно-психологического противостояния разных политических сил, борющихся за власть.

Цель статьи — определить степень изученности проблемы распознавания речевой манипуляции в массмедиа путем краткой характеристики научных исследований в этой области.

Учитывая цель, в качестве **материала** исследования были выбраны последние публикации, посвященные распознаванию манипуляции в СМИ и сети Интернет. Но прежде чем перейти к заявленному аналитическому обзору, рассмотрим вопрос об определении речевой манипуляции, который не является таким простым, как может показаться на первый взгляд.

Определение речевой манипуляции в аспекте проблемы ее идентификации

Филологи в изучении феномена манипуляции закономерно опираются на исследования психологов (прежде всего Е.А. Доценко) и вслед за ними называют следующие признаки манипулятивного воздействия, которые должны учитываться в совокупности:

— скрытость воздействия (сокрытие истинной цели);

- сознательный характер воздействия;
- побуждение адресата к действиям, угодным манипулирующему, или внедрение в его сознание чуждых ему, но нужных отправителю сообщения желаний, отношений, установок;
- манипулируемый не осознает себя объектом контроля, полагая, что сам принимает решение, связанное с осуществлением тех или иных действий, считает, что сам делает выбор (см.: [Данилова, 2011, с. 11; Зирка, 2010, с. 81; Чернявская, Молодыхенко, 2017, с. 35–37] и др.).

Применительно к политическому дискурсу признак сознательности воздействия должен приниматься априори и не нуждается в комментировании. Наличие в тексте приемов воздействия на бессознательное, которые достаточно хорошо описаны в литературе, еще не является признаком его манипулятивности, если речь идет, например, о психотерапевтическом дискурсе. Применительно к политической сфере признание манипулятивности дискурса иногда возможно по прошествии какого-то времени, в некоторых случаях только экспериментальным путем — с помощью проведения социологических исследований. Признак наличия побуждения к действиям далеко не всегда представлен в манипулятивном тексте: на наш взгляд, он является конечной целью воздействия, т.е. относится к т.н. «дальней прагматике». Осуществление нужных манипулятору действий происходит в результате изменения картины мира у объекта воздействия, его отношения к определенному предмету (в широком смысле) или явлению, и нацеленность на это изменение как на коммуникативное намерение вычленяется в результате анализа текста. Отдельного комментария требует первый признак о скрытом воздействии. Ответ на вопрос «что скрывает манипулятор», казалось бы, очевиден: манипулятор скрывает прежде всего истинную цель своего воздействия. Но вот тут-то и появляются разногласия в трактовке понятия «языковая (речевая) манипуляция», связанные с пониманием характера этой цели.

Указание на деструктивность языковой (речевой) манипуляции прослеживается в следующей дефиниции этого термина: «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [Данилова, 2011, с. 12]. О деструктивности цели манипуляции пишут и другие исследователи-филологи: «Цель речевой манипуляции — склонить манипулируемое лицо (адресата) к тому, чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [Чернявская, 2006, с. 19]; психологические и психолингвистические механизмы манипуляции «вынуждают адре-

сата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений...» [Языковое манипулирование..., 1999, с. 5]; «В широком и размытом семантическом поле термина «манипуляция» выделяются ключевые элементы: «отрицательная» интенциональность адресанта и скрытый (неявный для адресата) характер воздействия» [Беляева, 2009, с. 11]. Как видим, ключевым признаком интересующего нас явления процитированные филологи считают введение адресата в заблуждение относительно истинного намерения или содержания речи.

Признание за манипулятором не только деструктивных, но и альтруистических намерений приводит к рассуждениям о возможности «объективно оценить положительные и отрицательные стороны манипулирования» [Зирка, 2010, с. 79], о признании манипуляции «во благо» [Навасартян, 2017, с. 21], то есть ведет к размыванию понятия «манипуляция». Есть также мнение, что «тенденция считать любой политический дискурс манипулятивным» «не позволяет провести грань между конструктивным и деструктивным воздействием на коммуникативное поле» [Лобас, 2015, с. 91].

В аспекте лингвистической экологии «манипулирование деструктивно постольку, поскольку его применение ведет к деградации коммуникативного пространства», оно «может привести к культурной экологической катастрофе: разрушается обратная связь власти и общества, многие социальные проблемы просто выпадают из общественного рассмотрения, потому что навязанное мифологическое мышление мешает их заметить и т.д.», поэтому «манипулирование должно быть просто минимизировано исходя из тех же экологических потребностей...» [Лобас, 2015, с. 91]. На наш взгляд, идея минимизации манипулирования в какой-то степени звучит как оправдывающая его. Что касается вопроса влияния манипулирования, как и в целом информационно-психологических войн, на язык, то он, несомненно, важен, но требует отдельного изучения.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости уточнения предложенного нами ранее определения речевой манипуляции (манипулирования) как разновидности манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата [Копнина, 2010, с. 25]. В этом определении содержатся все основные признаки манипуляции с помощью языка: скрытость воздействия, понимаемая как сокрытие цели и самого факта воздействия,

что создает у адресата иллюзию самостоятельности принятия решения; когнитивная деятельность человека как мишень воздействия и изменение его поведения как конечная цель; средство воздействия — языковые ресурсы языка, среди которых, заметим, есть средства, наиболее пригодные для достижения манипулятором поставленных целей и менее пригодные; искусный характер воздействия, связанный с наличием определенных знаний и мастерства, способствующих эффективности этого воздействия. Тем не менее, для распознавания манипуляции в речи необходима детализация определения.

Предлагаем к обсуждению следующую дефиницию речевой манипуляции применительно к исследованию ее в политическом дискурсе: речевая манипуляция — это скрытое воздействие на адресата, которое основано на использовании таких ресурсов языка, которые в совокупности позволяют сформировать ложное представление о том или ином объекте действительности (в его широком понимании) и определенное отношение к нему, направленные в конечном итоге на изменение поведения адресата в выгодную манипулятору сторону.

Проблемы распознавания речевой манипуляции «ручным способом»

Говоря образно, речевая манипуляция — это дама, которая может принимать как дьявольский (дискредитирующий), так и ангельский (апологетический) облик и использовать любые технологии (фейковые, НЛП, «окно Овертона» и др.) в зависимости от сферы общения и ситуации для того, чтобы добиться от вас желаемого поведения. Поэтому, на наш взгляд, и нет единственного лингвистического способа распознавания речевой манипуляции. В качестве примера приведем два разных способа, предлагаемых исследователями.

Распознавание «манипулятивных моделей» в экстремистских интернет-текстах Д.В. Моровов осуществляет на основе выявления в тексте актуальных «брендов» (лексических единиц, притягивающих внимание читателя, мотивирующих его к восприятию информации и направляющих внимание по «маршруту», заданному автором), особенно в начале текста; стереотипов и словесных ярлыков, дающих негативные характеристики персоналиям; указаний на статистические данные, которые имеют ангажированный характер; способов создания негативной картины реальности и формирования у читателя чувства страха, ощущения необходимости агрессивного противостояния [Моровов, 2016, с. 16].

В исследовании А.А. Даниловой выделяются три основных критерия анализа текста СМИ: 1) референция как соотноше-

ние высказывания с действительностью (манипуляция характеризуется искажением действительности, тенденциозностью и необъективностью, которые проявляются в предоставлении ложной информации, дезинформации, в воздействии на ассоциативное мышление и создании эмоционально-нагруженного контекста; 2) наличие лингвистических аномалий; 3) частотность употребления лингвистических форм [Данилова, 2011, с. 12–13].

При исследовании совокупности текстов определенной тематики (военный конфликт в Сербии, 1999 г.) А.А. Данилова использует контент-анализ. В качестве операционной единицы выступает конкретный текст публикации по интересующей теме; в качестве смысловых единиц использовались определенные понятия (слова, термины) и персоналии (имена экспертов, аналитиков, свидетелей). Так, процедура контент-анализа политического журнала «Newsweek» включала: 1) отбор публикаций из каждого номера, имеющих отношений к конфликту в Косово, и их классификация по разным основаниям (рубрикам, авторам, основным темам, приемам аргументации, иллюстративному материалу); 2) расчет объема каждой публикации и определение ее удельного веса на газетной площади (количество занимаемых ею полос в соотношении с общим количеством полос в еженедельнике); 3) вычленение лиц, в чьей интерпретации подавались исторические и политические события (основных экспертов, политических и государственных деятелей); 4) анализ заголовков и подзаголовков; 5) выделение основных приемов воздействия; 6) общая характеристика публикаций. Делается вывод об одностороннем освещении событий, что прослеживается на уровнях:

- тематической рубрикации (отсутствие плюрализма в освещении темы);
- оценок, представленных в публикациях (численном преобладании статей «Pro» над нейтральными публикациями и статьями «Contra»; «обильной дисфемизации» сербской стороны; односторонней оценке конфликта с использованием неverified информации, в том числе на уровне визуального сопровождения статей);
- выбора экспертов и комментаторов (экспертами, оценивающими конфликт, выступают представители албанской стороны, выражающие позицию НАТО, комментаторами событий являются представители политического руководства и военного командования США и Великобритании, а также политики или очевидцы событий — представители проалбанской линии);

- разной частотности приемов речевого воздействия (численном преобладании дисфемизации, персонализации, эвфемизации, обращение к неназванному эксперту).

Этот же вывод об односторонности освещения событий сделан в результате анализа заголовков трех газет («El Pais», «Le Monde» и «The New York Times»), контекста и частотности употреблений определенных слов (*серб, сербский, албанец, беженец*) на страницах британской газеты «The Daily Telegraph» [Данилова, 2011, с. 164–177]. Таким образом, контент-анализ, осуществленный, как мы понимаем, «ручным» способом (поскольку в материале автора нет ссылок на используемое программное обеспечение), позволил исследователю выявить направленность манипулятивных текстов на одностороннее освещение событий.

- Проблемы, которые возникают при анализе манипулятивных текстов:
- «для распознавания манипуляции необходим анализ таких параметров, как цель вербального общения, коммуникативное намерение, причина, мотив» [Беляева, 2009, с. 12], однако лингвистический анализ текста позволяет выявить коммуникативное намерение, но не цель, которая остается за текстом;
 - «активное использование в манипулятивном дискурсе определенных грамматических форм и синтаксических конструкций не создает специфической «манипулятивной грамматики», поскольку эти же языковые средства используются и в иных функциях», хотя «учет типичных для манипулятивных текстов языковых средств важен для идентификации факта манипулирования» [Беляева, 2009, с. 12];
 - отсутствует лексикографическое издание, которое могло бы послужить базой, ориентиром в процессе исследования манипуляции, хотя о необходимости его создания говорили не раз (в частности, И.В. Беляева предлагает концепцию «словаря манипулятивных техник», в основе которой лежит распределение приемов на основе концептов «свои/чужие», «хорошо/плохо», «комическое/трагическое», «герой/антигерой», «истина/не-истина» [Беляева, 2009, с. 32]);
 - терминологический разнобой в теории речевого воздействия, а именно отсутствие четкого определения и соотнесения понятий при описании феномена речевой манипуляции: *технология, техника, инструмент прием* и др. (например, кликбейтинг — это отдельный «инструмент манипулирования» [Гаврикова, 2020, с. 3] или «форма существования» фейковых новостей и ложных нарративов [Гаврикова, 2019, с. 22], которые также называют инструментом манипуляции);

— большие затраты (временные, энергетические и др.), связанные с использованием статистического инструментария без применения автоматизированных систем.

При исследовании огромного объема информации, создаваемого и распространяемого с большой скоростью в сети Интернет, «традиционный способ проверки онлайн контента, то есть посредством «ручной» проверки фактов на основе знаний становится затрудненным или практически невозможным...» [Третьяков и др., 2018, с. 99]. Поэтому чрезвычайно актуальной признается проблема распознавания «потенциально опасных текстов» [Карабулатова, Воронцов, 2020; Палеха, 2013] — а манипулятивные тексты являются таковыми — с использованием искусственного интеллекта.

Проблемы распознавания речевой манипуляции «машинным способом»

Известно, что «практика распространения фейков успешно применяется в качестве манипулятивного инструмента» [Муратова, 2020, с. 43]. Работа по созданию автоматизированных систем распознавания фейковых (дезинформирующих, или ложных) новостей ведется уже давно как за рубежом, так и в России.

Так, на материале русскоязычных текстов проблема выявления фейков рассматривается группой ученых (А.О. Третьяков, О.Г. Филатова, Д.В. Жук, Н.Н. Горлушкина, А.А. Пучковская), которые предлагают один из методов распознавания лжи. Метод анализа содержания новостей (текста, заголовка, доступных метаданных) основан на определении общих характеристик сообщений: репутация интернет-ресурса, а именно доверие ему другими и доменный возраст искомого сайта, и — обратите внимание — качество лексики языка (но подробно об этом не говорится). Предложенный А.О. Третьяковым и его соавторами метод направлен, если мы правильно понимаем, на распознавание техническим модулем задачи, представляемой «в виде системы фактов в текстовом формате». Этот модуль обеспечивает: «ввод и признание системы ввода фактов»; «анализ взаимоотношений данных в графе»; «определение достаточности или недостаточности данных»; «формирование запроса дополнительных данных в случае их недостаточности»; «формирование алгоритма для решения задачи» [Третьяков, 2018, с. 102].

Для обучения системы в нее последовательно вводятся отобранные и классифицированные (в том числе ручным способом) по разным категориям факты («неправильное толкование фактов, псевдонаучные факты, мнение автора, юмор и пр.» [Третьяков, 2018, с. 102]). На осно-

ве каких критериев делились тексты на категории и каков полный перечень этих категорий, в статье, к сожалению, не сказано.

К поддельным новостям авторы относят «все новости, которые не содержат строго фактической информации, не подходят стандартам журналистской этики, а также те, что соответствуют нашим характеристикам фейковых новостей...» [Третьяков, 2018, с. 103]. Эти характеристики даются со ссылкой на других ученых, предлагающих алгоритм анализа, включающий проверку:

- а) оригинальности URL-адреса опубликованной новости на соответствие домену искомого сайта;
- б) наличия даты публикации материала;
- в) совпадения времени создания изображений и их загрузки с реальными временными рамками событий в новости;
- г) качества ресурсов, на которые даются ссылки в материале;
- д) авторитетность экспертов в обсуждаемой сфере;
- е) внутренней согласованности частей новостного текста и его соответствия другим текстам. Обращается также внимание на ошибки в тексте (грамматические, пунктуационные) и т.н. сенсационные утверждения.

Фейковые новости могут размещаться на сайтах-двойниках, имитирующих крупные онлайн-издания; они, как правило, не датируются, являются копированием или переписыванием другого текста, но с внесением в него ложных фактов; имеют несовпадение времени создания изображений и их загрузки с реальными временными рамками новостных событий; характеризуются несогласованностью между различными частями текста; дают ссылки на другие фейковые новости; используют имена неавторитетных экспертов в обсуждаемой сфере или ссылаются на них; содержат сигнальные (сенсационные) утверждения [Третьяков, 2018, с. 101–102]. Разработчики считают, что предложенный ими метод «помогает с высоким уровнем достоверности определить ложную новость, что в комплексе с другими доступными методами, как краудсорсинг, классификации источников и авторов, проверка фактов и иные виды анализа текстов может дать максимальный уровень определения новости в классификации правда/неправда» (точнее — истина/ложь) [Третьяков, 2018, с. 103].

Ученые Казахстана провели исследование структуры манипулятивного текста для последующего автоматического распознавания манипуляции в СМИ [Кенжебалина и др., 2020; Шакенова и др., 2020]. Манипулятивные тексты, как пишут исследователи, «...строятся на основе определенных макрокомпонетов, репрезентированных языковыми

средствами различных уровней», причем ни один из компонентов по отдельности не может быть признаком манипулятивности: «Манипулятивность — это всегда комбинация языковых средств в рамках тех или иных обязательных структурных компонентов» [Кенжебалина и др., 2020, с. 107]. В результате анализа 1000 «дискурсивных образцов» (1063 текста в [Шакенова и др., 2020].) исследователи пришли к выводу, что манипулятивные тексты в структурном отношении представляют собой смысловую цепочку: ««триггеры» (слова, словосочетания с социально значимым смыслом, имена, в том числе прецедентные, наличие которых делает текст востребованным для широких масс) + «оценка» (языковые средства разного уровня с негативной и позитивной тональностью) + «национальный контекст» (языковые единицы, называющие казахстанские реалии <...>) + «формальные актуализаторы манипуляции» (риторические приемы, лексические повторы, грамматические конструкции и т.д.)» [Кенжебалина и др., 2020, с. 109–110]. В процессе последующего анализа из 200 текстов извлекались индикаторы, которые исследователя делят на две группы: речевые индикаторы (это стратегии и тактики), представляющие трудность для машинного обучения, и индикаторы языковые (слова, словосочетания, грамматические конструкции и т.д.).

Основная проблема, которую пытаются решить филологи, — это проблема параметризации индикаторов для компьютерной обработки.

Среди языковых индикаторов манипулятивности первоначально были выделены следующие группы.

1. Триггеры: явные, или открытые (слова и словосочетания, отражающие социально значимые объекты, явления и т.д.; прецедентные имена), и «скрытые» (визуальные, аудиальные и кинестетические предикаты).
2. Индикаторы, формирующие национальный контекст (с «казахстанским содержанием»).
3. Оценочные индикаторы:
 - слова со средним и невысоким индексом негативной оценки;
 - устойчивые выражения, метафоры, штампы с негативной тональностью;
 - слова с высоким индексом негативной оценки; слова с негативной тональностью в заголовке статьи;
 - слова с негативной тональностью в тексте статьи, характеризующие Казахстан и относящиеся к нему объекты и т.д.;
 - устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т.д.;

- слова со средним и невысоким индексом негативной тональности в тексте статьи, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т.д.;
 - слова с высоким индексом негативной тональности в тексте статьи, характеризующие страну, государство, правительство, социально значимые объекты, явления и т.д.
4. Формальные актуализаторы манипуляции: повтор слов с негативной тональностью, риторические вопросы, безличные конструкции, генерализация [Кенжебалина и др., 2020, с. 110–114].

Нельзя не обратить внимания на то, что в группе оценочных индикаторов названы слова, словосочетания и др. единицы только с негативной тональностью. Это связано с тем, что для более глубокого анализа были отобраны те 200 текстов, которые имеют дискредитирующий характер [Кенжебалина и др., 2020, с. 116]. И этот выбор понятен: дискредитация — наиболее типичная манипулятивная стратегия в ситуации информационно-психологического противоборства идеологических сторон. Однако в стороне исследования остаются манипулятивные тексты апологетической тональности.

У всех индикаторов исследователи определяют процент встречаемости в тексте, дают также характеристику каждой группы индикаторов. Выделяются синкретичные случаи: индикаторы с двойной функцией (это триггер-оценка или формальный актуализатор-оценка) [Кенжебалина и др., 2020, с. 111]. Оценочные индикаторы, на наш взгляд, классифицированы по группам не на едином логическом основании. Так, нам не ясны критерии разграничения слов, негативно характеризующих Казахстан и относящиеся к нему объекты, и слов, негативно характеризующих страну, государство, социально значимые объекты и т.д. Не известна и методика определения индекса негативной оценки.

Не умаляя значимости проведенных исследований, позволим высказать некоторые свои суждения и предположения. Коллектив ученых приводит к выводу «о высокой доле участия слов и словосочетаний, отражающих социально-значимые объекты, явления и т.д. в манипулятивных текстах» [Кенжебалина и др., 2020, с. 112]. Однако можно предположить, что и в неманипулятивных текстах СМИ доля использования таких слов будет достаточно высока, поскольку СМИ пишут прежде всего о том, что социально значимо.

Заметим, что слова и словосочетания, отражающие социально значимые объекты, явления и т.д., не относящиеся к той или иной тематике, впоследствии были исключены из перечня индикаторов [Шакенова, 2020, с. 120]. Из списка индикаторов были исключены также преце-

дентные имена, устойчивые выражения, штампы с негативной тональностью, формы степеней сравнения и др. [Шакенова, 2020, с. 120]. С использованием программного обеспечения Python происходило оцифрование текстов и распознавание слов загруженного в программу словаря. По результатам анализа текстов составлено 14 словарей. Создан алгоритм распознавания определенных индикаторов. Машинное обучение проводилось с использованием модели Random Forest («случайный лес»), эффективность которой, как пишут, исследователи, составила 94%. Дополнительно был проведен кластерный анализ (методом K-means). В итоге выявлено, что «в корпусе манипулятивных текстов 24 индикатора представлены гораздо интенсивнее, чем в корпусе неманипулятивных текстов» [Шакенова, 2020, с. 123].

Исследователи приходят к выводу, что признаком манипулятивности текста, по итогам проведенных ими экспериментов, является интенсивность 24 индикаторов: 1) местоимения, наречия, сочетания с неопределенным и указательным значением; 2) союзы, частицы, сочетания со служебными словами; 3) высокая частотность употребления частицы *не*; 4) вводные и модальные слова и сочетания; 5) повтор слов с негативной тональностью; 6) слова со средним и невысоким индексом негативной тональности; 7) слова, называющие социально значимые объекты; 8) генерализаторы; 9) слова, передающие казахстанское содержание; 10) сенсорные предикаты (3 и более раз); 11) конструкции с призывом к действию; 12) использование заглавных букв; 13) использование кавычек с целью иронии; 14) слова с высоким индексом негативной тональности; 15) риторические вопросы и риторические предложения; 16) высокая частотность употребления слов с приставками *не-, анти-, противо-, а-*; 17) сенсорные предикаты; 18) риторические восклицания и восклицательные предложения; 19) конструкции с двойным отрицанием; 20) употребление слова *нет*; 21) слова с негативной тональностью в заголовке статьи; 22) разговорная лексика; 23) знаки препинания; 24) инвективная лексика [Шакенова, 2020, с. 123].

Не ставя задачи анализа выделенных индикаторов (их перечня, разграничения и полноты), отметим, что учеными Казахстана сделано интересное, на наш взгляд, наблюдение о том, что признаком манипулятивности текста является именно интенсивность использования определенных индикаторов, а не индикаторы как таковые. Хотя, как нам кажется, даже наличие одного типичного для манипуляции индикатора, выявленного без применения автоматизированной системы, может служить достаточным доказательством манипулятивности воздействия. Важно заметить также, что созданная автоматизированная система

направлена на распознавание негативных по тональности текстов манипулятивной направленности, а не манипулятивных текстов вообще.

Выявлению вербальных маркеров манипуляции в англоязычном политическом дискурсе СМИ и доказательству их валидности как метрик для создания компьютерного классификатора текстов по уровню манипулятивности посвящено диссертационное исследование Ю.А. Горностаевой. Вербальными маркерами манипуляции признаются: дискурсивные маркеры, военная терминология, лексемы *Nazi* и *fascist* и производные от них, лексема *soviet* и лексика на советскую тематику, антонимичные приставки *pro-* и *anti-*, прецедентное имя *Vladimir Putin* [Горностаева, 2018, с. 7]. На начальном этапе был список прецедентных имен [Колмогорова, Калинин, Талдыкина, 2016, с. 197]. Утверждается, что «использование языка программирования *Python*, а также метода машинного обучения с опорой на алгоритм «дерево принятия решений» позволяют разработать компьютерное приложение, способное на основе учета статистической значимости выявленных метрик классифицировать англоязычные тексты на 1) тексты, не содержащие манипуляцию; 2) тексты с низким уровнем манипулятивности; 3) тексты со средним уровнем манипулятивности; 4) тексты с высоким уровнем манипулятивности» [Горностаева, 2018с. 7–8]. И такое компьютерное приложение было разработано группой исследователей СФУ под руководством А.В. Колмогорой.

Сопоставляя разработки, нельзя не обратить внимание на то, что одни исследователи при разработке автоматизированной системы включают прецедентные тексты в перечень маркеров (индикаторов) манипуляции, используют их как метрики, а другие — нет. Это противоречие также требует осмысления.

Таким образом, существующие автоматизированные модели разработаны для распознавания манипулятивных текстов конкретного типа, причем эти типы текстов (фейковые; дискредитирующие) не находятся в одном логическом ряду, поскольку фейковые тексты также могут быть негативны по тональности и служить цели дискредитации. Ввиду «многоликости» речевой манипуляции вопрос о возможности создания автоматизированной программы распознавания манипулятивного текста в целом (любого типа) остается открытым. На наш взгляд, создание такой универсальной автоматизированной системы вряд ли возможно: окончательное решение о манипулятивности текста должен принимать человек, а не машина.

Современные исследователи ставят цель разработки системы не только распознавания информационного воздействия манипулятивного характера, но и прогнозирования динамики его развития на основе

математических моделей [Минаев и др., 2016, с. 66]. Одна из задач заключается в выявлении и составлении тезаурусов по различным видам манипулятивного воздействия, что в совокупности с другими задачами позволит создать автоматизированные системы диагностики и обнаружения такого воздействия в реальном масштабе времени [Минаев и др., 2016]. Другими словами, если мы правильно понимаем, речь идет о создании целого ряда автоматизированных систем распознавания манипуляции различного типа. Это задача нам видится более достижимой, по сравнению с задачей создания универсальной автоматизированной системы.

Выводы

Исследования по распознаванию манипуляции в массмедийном тексте/дискурсе подразделяются на два типа: 1) предлагающие традиционный алгоритм «ручной» идентификации речевой манипуляции, то есть без использования автоматизированных систем, путем лингвистического анализа материала; 2) включающие разработку автоматизированных систем распознавания речевой манипуляции в СМИ и сети Интернет. Оба типа исследований, в которых принимают участие филологи, сталкиваются с проблемой параметризации лингвистических индикаторов манипуляции на основе корпуса отобранного материала. Эта проблема является основной, поскольку от ее решения зависит следующий шаг — составление математических алгоритмов и обучение машины. Тезис казахстанской группы исследователей о том, что манипулятивность текста определяется степенью интенсивности в нем совокупности индикаторов определенного типа, требует дальнейших экспериментальных подтверждений на различном материале.

Несмотря на то, что на данном этапе развития науки, уже созданы автоматизированные системы распознавания потенциально манипулятивных текстов определенного типа (фейковых, текстов негативной или позитивной тональности, текстов речевой агрессии), в целом проблему распознавания речевой манипуляции в массмедиа по-прежнему нельзя считать решенной.

Библиографический список

Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2009.

Гаврикова О.А. Кликбейтинг как фактор создания ложного нарратива в политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75).

Гаврикова О.А. Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2020.

Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018.

Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011.

Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М., 2012.

Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: лингвистический аспект. М., 2010.

Карабулатова И.С., Воронцов К.В. Цифровая лингвистическая мигратология и мониторинг потенциально опасных текстов и миграции // Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: материалы XI Международного научно-практического форума. М., 2020.

Кенжебалина Г.Н., Шаикова Г.К., Шакинова М.Т., Акоева И.Г. Распознавание манипулятивного текста: структура и доминантные языковые параметры // Научный диалог. 2020. № 7. URL: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-105-125>.

Колмогорова А.В., Калинин А.А., Талдыкина Ю.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. № 4(58).

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2010.

Лобас П.П. Манипулирование в политическом дискурсе (на материале текстов общественно-политической тематики) 2015. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/191043192.pdf>

Минаев В.А., Куликов Л.С., Астрахов А.В. Моделирование угроз информационных воздействий манипулятивного характера // Вопросы радиоэлектроники. 2016. № 12. Серия СОИУ. Вып. 1.

Моровов В.Д. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета) : автореф.дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2016.

Муратова Н., Тошпулатова Н., Алимova Г. Fake news: дезинформация в медиа. Ташкент, 2020.

Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017.

Палеха Е.С. Психолингвистический эксперимент: восприятие потенциально опасного текста (перспективы психолингвистической экспертизы) // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия :

материалы конференции. 2013. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/paleha.html>

Третьяков А.О. и др. Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта / Третьяков А.О., Филатова О.Г., Жук Д.В., Горлушкина Н.Н., Пучковская А.А. // International Journal of Open Information Technologies. 2018. Т. 6. № 12. URL: <https://docplayer.ru/191735616-Metod-opredeleniya-russko-yazychnyh-feykovyh-novostey-s-ispolzovaniem-elementov-iskusstvennogo-intellekta.html>

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006.

Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М., 2017.

Чувакин А.А. Филолого-коммуникативные исследования: избранные труды. М., 2020.

Шакенова М.Т. и др. Автоматическое диагностирование манипулятивного дискурса (на материале корпуса русскоязычных интернет-публикаций) / М.Т. Шакенова, Д.С. Ташимханова, М.А. Баймаханбетов, У.А. Оспанова // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2020. Т. 180, №4. URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/2963/2705>

Языковое манипулирование общественным сознанием: методическая разработка и рабочая программа для студентов заочного отделения юридического факультета / сост. О.Н. Быкова. Красноярск, 1999.

References

Belyaeva I.V. *Fenomen rechevoy manipulyatsii: lingvoyuridicheskie aspekty*. [Phenomenon of verbal manipulation: linguojuridical aspects]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Rostov n/D., 2009.

Gavrikova O.A. *Klikbeyting kak faktor sozdaniya lozhnogo narrativa v politicheskom mediadiskurse* [Clickbait as a Factor of False Narrative Creation in Political Mass Media Discourse]. In *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2019. No. 3 (75).

Gavrikova O.A. *Pragmatika klikbeytinga v intertekstual'nom prostranstve mediadiskursa*. [Pragmatics of clickbaiting in the intertextual space of media discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Ufa, 2020.

Gornostaeva Yu.A. *Verbal'nye markery manipulyatsii v angloyazychnom polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii i avtomaticheskoy obrabotki* [Verbal markers of manipulation in the English-language polarized political discourse: parametrization and automatic processing]. Thesis of Philology Cand. Krasnoyarsk, 2018.

Danilova A.A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoy informatsii*. [Word manipulation in mass media]. Moscow, 2011.

Dzyaloshinskiy I.M. *Kommunikativnoe vozdeystvie: misheni, strategii, tekhnologii*. [Communicative influence: targets, strategies, technologies]. Moscow, 2012.

Zirka V.V. *Manipulyativnye igry v reklame: lingvisticheskiy aspekt*. [Manipulative games in advertising: linguistic aspect]. Moscow, 2010.

Karabulatova I.S., Vorontsov K.V. *Tsifrovaya lingvisticheskaya migratologiya i monitoring potentsial'no opasnykh tekstov i migratsii*. [Digital linguistical migrationology and monitoring of the potentially dangerous texts on migration]. In: *Migratsionnye mosty v Evrazii: novye podkhody k formirovaniyu migratsionnoy politiki v interesakh ustoychivogo razvitiya*. [Migration bridges in Eurasia: new approaches to the formation of migration policy on behalf of the sustainable development: proceedings of XI International research and practice forum]. Moscow, 2020.

Kenzhebalina G.N., Shaikova G.K., Shakenova M.T., Akoyeva I.G. *Raspoznavanie manipulyativnogo teksta: struktura i dominantnye yazykovye parametry* [Recognition of Manipulative Text: Structure and Dominant Language Parameters]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi dialog]. 2020. No. 7.

Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Taldykina Yu. A. *Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii*. [Linguistic markers of manipulation in polarized discourse: parametric study]. In: *Politicheskaya lingvistika*. [Political linguistics]. 2016. № 4(58).

Kopnina G.A. *Rechevoe manipulirovanie*. [Verbal manipulation]. Moscow, 2010.

Lobas P.P. *Manipulirovanie v politicheskom diskurse (na materiale tekstov obshchestvenno-politicheskoy tematiki)*. [Manipulation in political discourse (on the basis of social and political texts)]. 2015. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/191043192.pdf>

Minaev V.A., Kulikov L. S., Astrakhov A. V. *Modelirovanie ugroz informatsionnykh vozdeystviy manipulyativnogo kharaktera*. [Modelling of informational manipulative influences threats]. In: *Voprosy radioelektroniki*. [Issues of radio electronics]. 2016. No. 12. Series SOIU. Iss. 1.

Morovov V.D. *Verbal'nye sredstva manipulyatsii v russkoyazychnom ekstremistskom tekste (na materiale Runeta)*. [Verbal means of manipulation in a Russian-language extremist text (on the basis of Runet)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Nizhniy Novgorod, 2016.

Muratova N., Toshpulatova N., Alimova G. *Fake news: dezinformatsiya v media*. [Fake news: disinformation in media]. Tashkent, 2020.

Navasartyan L.G. *Yazykovye sredstva i rechevye priemy manipulyatsii informatsiy v SMI (na materiale rossiyskikh gazet)*. [Language means and verbal devices of manipulating the information in mass media (on the basis of Russian newspapers)]. Thesis of Philology Cand. Saratov, 2017.

Palekha E.S. *Psikholingvisticheskiy eksperiment: vospriyatie potentsial'no opasnogo teksta (perspektivy psikholingvisticheskoy ekspertizy)*. [Psycholinguistic experiment: perception of potentially dangerous text (perspectives of psycholinguistic expert examination)]. In: *Cbornik materialov konferentsii «Yazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodeystviya»* [Proceedings of the Conference "Language and law: topical problems of interaction"], 2013. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/paleha.html>

Tret'yakov A. O., Filatova O.G., Zhuk D. V., Gorlushkina N. N., Puchkovskaya A. A. *Metod opredeleniya russkoyazychnykh feykovykh novostey s ispolzovaniem elementov iskusstvennogo intellekta*. [The method of identification of the Russian-language fake news using artificial intelligence]. In: *International Journal of Open Information Technologies*. 2018. Vol. 6. № 12. URL: <https://docplayer.ru/191735616-Metod-opredeleniya-russkoyazychnykh-feykovykh-novostey-s-ispolzovaniem-elementov-iskusstvennogo-intellekta.html>

Chernyavskaya V.E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya*. [Discourse of power and power of discourse: verbal influence issues]. Moscow, 2006.

Chernyavskaya V.E., Molodychenko E. N. *Rechevoe vozdeystvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse*. [Verbal influence in political, advertising and internet discourses]. Moscow, 2017.

Chuvakin A.A. *Filologo-kommunikativnye issledovaniya: izbrannye Trudy*. [Philological and communicative studies: selected works]. Moscow, 2020.

Shakenova M.T., Tashimkhanova D.S., Baymakhanbetov M.A., Ospanova U.A. *Avtomaticheskoe diagnostirovanie manipulyativnogo diskursa (na materiale korpusa russkoyazychnykh internet-publikatsiy)*. [Automatic diagnostics of manipulative discourse (on the basis of Russian-language internet-publications)]. In: *Vestnik Kazanskogo natsional'nogo universiteta*. [Kazan National University Bulletin]. Philology Series. 2020. Vol. 180. No. 4. URL: <https://philart.kaznu.kz/index.php/1-FIL/article/view/2963/2705>

Yazykovoe manipulirovanie obshchestvennym soznaniem: metodicheskaya razrabotka i rabochaya programma dlya studentov zaochnogo otdeleniya yuridicheskogo fakul'teta. [Verbal manipulation of public consciousness: methodical development and work programme for students of correspondence department of the Faculty of law]. Compiled by. O.N. Bykova. Krasnoyarsk, 1999.

ПРИМЕНЕНИЕ ФАСЕТНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДЛЯ УТОЧНЕНИЯ ПРИРОДЫ РЕЧЕВОГО ЖАНРА (ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

Е.А. Савочкина

Ключевые слова: речевой жанр, компьютерно-опосредованный дискурс, фасет, фасетная классификация, аллюзивность.

Keywords: speech genre, computer-mediated discourse, facet, faceted classification, allusive character.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-05

Лингвистические исследования последних десятилетий часто выходят за рамки текста, обращаясь к объекту более крупному, включающему в себя как текст, так и условия его порождения и функционирования, то есть к дискурсу. Являясь составляющими дискурса, тексты рассматриваются совместно с социально и культурно значимыми условиями коммуникации, определяющими, в свою очередь, особенности этих текстов. С развитием технических возможностей человечества расширяется и дискурсивное пространство, которое часто перемещается из сфер устной и письменной коммуникации в сферу «коммуникации, опосредованной компьютером» [Herring, 2007]. Появляются новые коммуникативные феномены, либо уже известные феномены начинают функционировать в новой среде общения — Интернете, который является продуктом и орудием глобализации, и как следствие, перед лингвистами возникает проблема систематизации и описания признаков новых жанров (субжанров). Выбирая объектом исследования рекламу (в данном случае элитных брендов косметики, одежды, парфюмерии и обуви) в приложении Instagram, мы сталкиваемся с новым каналом коммуникации, а следовательно, с текстами, имеющими новые функции, направленные на достижение новых целей. Кроме смены среды бытования, такие тексты меняют свою структуру и/или содержание, то есть, жанровые признаки, которые и выступает предметом нашего исследования. На наш взгляд, одной из самых продуктивных теорий, позволяющих систематизировать и описывать дискурсивное пространство и его жанры, является теория речевых жанров, а методом исследования — жанровое моделирование, или создание анкеты жанра.

Идея о существовании речевых жанров (РЖ) была выдвинута в 20-е годы XX в. М. М. Бахтиным в работе «Проблема речевых жан-

ров», где РЖ были определены как «типы высказываний, вырабатываемые каждой сферой языка и характеризующиеся сходным тематическим содержанием, стилем и композиционным построением» [Бахтин, 2000, с. 249].

Многообразие человеческой деятельности, как указывал М. М. Бахтин, порождает и разнообразие РЖ, представляющих собой высказывания разного объёма, содержания и композиции — от однословных реплик до сложных произведений науки и литературы. Всё разнообразие РЖ М.М. Бахтин разделил на первичные РЖ — складывающиеся в условиях непосредственного речевого общения, и вторичные — формирующиеся из первичных РЖ, трансформирующие их и утрачивающие непосредственное отношение к реальной действительности (например, научные исследования, романы и т.д.).

Дальнейшую разработку идеи М.М. Бахтина нашли в работах целого ряда исследователей: Т.В. Шмелёвой, Н.Д. Арутюновой, М.Ю. Федосюка, В.В. Дементьева, В.И. Карасика и Л.С. Бейлинсон, В.А. Салимовского, Д.В. Яруллина [Шмелёва, 1998; Арутюнова, 1999; Федосюк, 1997; Дементьев, 1997, 2000, 2019а, 2019б; Карасик, Бейлинсон, 2010; Салимовский, Яруллин, 2017] и др.

В современной теории РЖ принято рассматривать как «диффузное коммуникативное пространство, в котором соединяются языковые средства общения и социально значимые формы социального взаимодействия» [Седов, 2002, с. 40]; «буферное пространство между «отчуждённой от человека системой языка и её реальным использованием» [Дементьев, 1997, с. 155].

Лингвистическое направление изучения РЖ (лингвистическое жанроведение) опирается на следующие принципы [Дементьев, 2015, с. 189]: РЖ являются неотъемлемой частью коммуникативного пространства данной культуры; они обусловлены общим состоянием культуры; трансформации РЖ идут по законам речевых вторичности; все РЖ жанры делятся на жесткие и свободные (наиболее подверженные трансформациям); РЖ подвергаются влиянию других культур; прагмалингвистическое осмысление РЖ предполагает выявление жанрово типизируемых интенций; для лингвистического осмысления РЖ особенно важно учитывать лексику, синтаксис и отношения этимологического характера (например, в оппозиции «первичность — вторичность» жанра).

Итак, обращаясь к исследованию жанра рекламы элитных брендов в приложении Instagram с позиций теории РЖ, мы будем рассматривать его как вторичный РЖ, созданный на основе первичного РЖ уст-

ного объявления, эволюционировавшего, в свою очередь, путем смены нескольких сред бытования: от печатных листовок до виртуального пространства. Нашей задачей будет выяснение структуры вторичного РЖ рекламы в Instagram, и поскольку мы стремимся к лингвистическому осмыслению жанра, особое внимание будет уделено представленным в нем лексике и синтаксису.

Для того чтобы выделить особенности РЖ рекламы элитных брендов на платформе Instagram, необходимо найти некие дифференциальные признаки. Обычно исследователи пользуются анкетой РЖ, созданной Т.В. Шмелевой [Шмелева, 1998] и включающей семь признаков, необходимых для конструирования РЖ: коммуникативная цель, концепция автора, концепция адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего и языковое воплощение. Ведущим признаком РЖ Т.В. Шмелева называет коммуникативную цель.

Анкета РЖ Т.И. Шмелевой не раз дополнялась и модифицировалась, более частные признаки были предложены В.В. Дементьевым в работе «Общие проблемы теории речевых жанров» [Дементьев, 2019а, с. 11]: предмет речи, коммуникативная тональность (экспрессия, прагматика), лексика (ключевые слова, по которым производится идентификация), синтаксическая структура, отношения первичности-вторичности, социальный фактор, культурная парадигма, коммуникативная сфера и источник материала исследования. Наиболее значимыми В.В. Дементьев называет определение коммуникативной сферы и специфической лексики.

Зарубежные исследователи, зачастую не знакомые с теорией речевых жанров, работают, однако, в очень похожем направлении. Сюзан Херринг в работе «A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse» 2007 года оперирует термином «компьютерно-опосредованная коммуникация» и дает ему следующее определение: под компьютерно-опосредованной коммуникацией понимается преимущественно текстовое взаимодействие людей, опосредованное подключенными к сети компьютерами или мобильной телефонией». Языковой материал, который возникает в ходе компьютерно-опосредованной коммуникации, называется компьютерно-опосредованным дискурсом [Herring, 2007]. В работе Херринг представлена модель фасетной (аспектной) классификации компьютерно-опосредованного дискурса, которая может быть применена в ходе лингвистических исследований интернет-дискурса.

Метод фасетной классификации является аналитико-синтетическим: исследуемое дискурсивное пространство разбивается с помо-

щью анализа на составляющие фасеты, часть фасетов затем синтезируются в группы для характеристики тех признаков дискурса, которые представляют интерес для конкретного исследования. Под фасетами здесь понимаются категории, присущие исследуемому объекту. Гибкость фасетной классификации заключается в том, что с её помощью можно описать большое число составляющих дискурсивного пространства (включая все новые). Фасеты, согласно теории С. Херринг, не должны быть упорядочены и иметь одинаковую природу, они должны лишь быть четко определены и должны взаимно исключать друг друга [Herring, 2007, с. 10].

Компьютерно-опосредованный дискурс испытывает влияние двух факторов: среды (или техническое) и ситуации (социальное). Для каждого вида компьютерно-опосредованного дискурса возможно применение фасетной классификации, как возможно и установление влияния на неё среды и ситуации коммуникации посредством эмпирического анализа. Соответственно, при анализе определённого вида дискурса (в нашем случае, речевого жанра рекламы элитных брендов на платформе Instagram) также возможна работа с фасетами двух видов: фасетами, связанными со специфической средой платформы Instagram, и социальными фасетами, связанными с участниками, целью коммуникации и т.д. По мнению С. Херринг, при выборе фасетов следует руководствоваться следующими базовыми положениями: внутри каждого набора фасетов категории не упорядочены и априори не состоят в каких-либо отношениях друг с другом, они могут взаимодействовать и не взаимодействовать друг с другом, также как между фасетами обоих наборов могут устанавливаться, либо не устанавливаться разного рода отношения [Herring, 2007, с. 12]. Как только происходит отбор единиц компьютерно-опосредованной коммуникации, исследователь применяет к ним два набора фасетов, наполняя их в соответствии с непосредственно наблюдаемой информацией, контекстом и теоретическими знаниями о дискурсе. Затем из списка полученных фасетов исследователем выбираются те, которые соответствуют его аналитическим целям. Так проявляется аналитико-синтетический характер фасетной классификации.

Согласно универсальной классификации компьютерно-опосредованного дискурса С. Херринг [Herring, 2007, с.13], к *фасетам среды* относятся: 1) синхронность участия в коммуникации; 2) односторонний /двусторонний обмен сообщениями; 3) длительность хранения информации; 4) объём буфера сообщений (для чатов); 5) каналы коммуникации (текстовые, визуальные, звуковые);

б) анонимность и приватность сообщений. Классификация является открытой, допускает добавление новых элементов,

Остановимся теперь на *фасетах ситуации*. В выбранной нами классификации наблюдаются следующие элементы:

- 1) взаимодействие участников (включая оппозиции: один-на-один/один — множество/ множество — множество; общедоступная коммуникация — частная коммуникация);
- 2) размер группы коммуникации, степень и частота участия;
- 3) характеристики участников коммуникации: пол, возраст, идеология, взгляды, наличие социокультурных знаний;
- 4) цель коммуникации (личная — групповая; получение информации — распространение информации);
- 5) тема коммуникации;
- 6) регистр (формальное — неформальное общение);
- 7) нормы коммуникации (социальная приемлемость);
- 8) код коммуникации (язык).

Как мы видим, внутри отечественных и зарубежных социо-дискурсивных исследований коммуникации присутствует зыбкость терминологии, но совершенно четко прорисовывается возможность исследования РЖ с помощью описания его признаков путем создания анкеты жанра, или фасетной классификации этих признаков.

Применим базовые фасеты дискурса С. Херринг к РЖ рекламы элитных брендов на платформе Instagram. Сетевое приложение Instagram являет собой относительно новый канал коммуникации, запущенный в октябре 2010 года. По своей сути, это приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей. Приложение совместимо с устройствами iPhone, iPad и iPod Touch на iOS 4.3 и выше, а также с телефонами на Android и Windows. Публикации в разделе Instagram Stories просматривает огромная аудитория и это — рекламное пространство небывалого размаха. Оно не могло остаться незамеченным и стало активно использоваться не только отдельными людьми, но и группами (производителями товаров, в частности). Этим явлением пользуются бренды, чтобы продемонстрировать собственную индивидуальность и продвигать свои продукты по всему миру. У всех крупных производителей товаров и услуг имеется свой аккаунт в Instagram с аудиторией в несколько миллионов подписчиков. Несомненный плюс таких аккаунтов — мгновенный повсеместный доступ к потребителю и интерактивность, ведь подписчики

могут заказать товар немедленно, пользуясь телефоном или компьютером, главное — привлечь и удержать их внимание. Кроме того, у аудитории есть возможность соучастия в продвижении товара, поскольку подписчики могут пересылать понравившуюся им информацию своим друзьям и знакомым.

Нами были рассмотрены 284 рекламных текста элитных брендов Christian Louboutin, Prada, Boucheron, YSL, Jimmychoo, Manolo Blahnik, Calvin Klein, Tom Ford на английском языке, находящихся в приложении Instagram.

Остановимся подробнее на выбранных нами фасетах среды коммуникации. Для нашего исследования релевантными являются синхронность участия в коммуникации, характер обмена сообщениями, длительность хранения информации, каналы коммуникации. Коммуникация посредством рекламного сообщения на платформе Instagram является асинхронной, то есть, её конечный потребитель не является свидетелем её создания, а получает уже готовый продукт. Следовательно, происходит изначально односторонняя коммуникация — сообщение передаётся от создателя к потребителю. Можно сделать предположение, что эти фасеты скажутся на тональности коммуникации — более формальной. Важным фасетом является фасет каналов коммуникации, поскольку на платформе Instagram задействовано два канала — текстовый и визуальный (представленный фотографией в 100% исследуемых нами текстов). Анализируя фасет длительности хранения материала, мы можем отметить, что материалы обычно находятся на платформе от нескольких недель до нескольких лет, что способствует обеспечению максимальной аудитории и дальнейшему распространению информации через репосты. Отсюда можно сделать предположение о том, что данный фасет может оказаться связанным с фасетом языкового материала жанра (принадлежащего ряду фасетов среды): создатель рекламы преднамеренно выбирает стилистически окрашенные языковые единицы для усиления эмоциональной насыщенности текстовой составляющей. Фасеты объема буфера обмена и анонимности сообщений не являются релевантными для РЖ рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram: коммуникация запланирована как односторонняя, рекламодатель всегда позиционирует товары определённого бренда, для него анонимность невозможна.

Итак, кратко характеризуя РЖ рекламы товаров элитных брендов в среде Instagram, мы можем сказать, что это вид асинхронного дискурса продавца и потенциального покупателя, не принимающего непосредственного участия в создании рекламы; реализующийся с по-

мощью текстового и визуального каналов, имеющий устойчивый след в цифровой среде.

Вторая группа фасетов — фасеты ситуации общения — включает основные признаки, важные для исследования РЖ с учетом участников этого общения. К исследуемым текстам нами были применены фасеты взаимодействия участников; группы коммуникации; цели коммуникации; темы коммуникации; тональности; нормы; кода коммуникации. Нами был исключен фасет характеристики участников коммуникации, поскольку эта информация требует тщательного отдельного исследования с применением маркетингового и гендерного анализа, подкреплённого статистическими данными.

Нами было установлено, что участники коммуникации, опосредованной РЖ рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram, взаимодействует по схеме: один/группа официальных блогеров бренда — массовая целевая аудитория, что можно сопоставить со схемой «один против множества». Так, аудитория Calvin Klein в Instagram составляет 21 миллион человек, Prada — 25 миллионов, Christian Louboutin — 13,7 миллионов, Jimmy Choo — 11,1 миллион и так далее. Цель коммуникации — регулярное распространение информации о новых товарах и привлечение покупателей. Тема коммуникации — модный элитный товар, выходящий на рынок. Коммуникация является формальной и социально-приемлемой, недопустим и малейший намёк на неуважение к аудитории. И наконец, фасет кода коммуникации, представленный различными языковыми единицами, особенно важен для лингвистического осмысления РЖ.

Произведя анализ материала, мы установили, что в исследуемой рекламе товаров элитных брендов на платформе Instagram преобладают сообщения, в которых всевозможные смыслы и подтексты упакованы в языковую, а не в визуальную составляющую. Остановимся подробнее на языковых средствах и приемах, привлекаемых командами, обслуживающими аккаунты модных брендов в Instagram, чтобы сделать тексты запоминающимися и побуждающими к действию.

Что касается языкового компонента, в корпусе исследованных единиц наблюдается использование различных средств разных уровней языка:

на фонетическом уровне часто встречаются аллитерации, ассонанс, рифма, звукоподражание, омофоны: например, «*Wear and where. A cybernetic serendipity*» (использование омофонов в рекламе сумки от Prada #365)¹;

¹ Wear and where // URL: <https://www.instagram.com/p/Biveep7HRR3/>

на морфологическом уровне — аффиксы с гиперболизирующим значением: *re-*, *ultra-*, *super-*, *anti-*, *max-*, *-ful-*, *-proof-*, *-free*, в том числе для образования неологизмов, как в рекламе косметики Tom Ford: «*Emotionproof, a revolutionary water-proof collection of drama-free high-performance glamour no matter the situation*»²;

на лексическом уровне встречаем книжные слова, часто уже вышедшие из повседневного обихода, слова, заимствования из французского и итальянского языков (как правило, для номинации товара), отсылающие к миру моды и создающие некую ауру незнакомой таинственности: «*Sheer matte in #106 pure nude la laque couture in #18 bleu majorelle*»³ (реклама подводки для глаз и помады от Yves Saint Laurent);

на синтаксическом уровне: использование простых нераспространенных предложений, парцелляций, побудительных предложений, эллиптических конструкций, обращений: «*Be bold. Be unapologetic. Be united. One for all*»⁴ (прямые обращения к покупателю с парцелляцией в рекламе линии одежды от Calvin Klein).

Совершенно неизбежно привлечение языковых средств всех уровней языка для создания эмоциональной насыщенности текста. В исследуемых текстовых составляющих реклам присутствуют многочисленные тропы: эпитеты, метафоры, метонимии, сравнения, каламбуры, а также, стилистические фигуры — анафоры, риторические вопросы и обращения, оксюмороны. Мы можем утверждать наличие эстетического языкового компонента и языковой игры в исследуемых единицах. Стилистический анализ текстов показал значительное присутствие аллюзий, явно намекающих на культурные реалии как общечеловеческие, так и реалии европейского и англоязычного мира.

Под аллюзией мы, вслед за Эрлом Майнером, понимаем «преднамеренную вставку опознаваемых элементов из других источников» [Miner, 1993, с. 39]. Таким образом, аллюзия — это элемент компрессии, который работает как маркер некоторого прецедентного текста или события, принадлежащего культуре конкретного или мирового социума. В качестве стилистической фигуры аллюзия реализует два значения: прямое — воспринимаемое в данном тексте, и скрытое — вытекающее из прецедентного текста или события, к которому аллюзия отправляет. По своему существу аллюзия может быть «литературной, либо нелитературной (эпитропом)» [Москвин, 2014, с. 44].

² Emotionproof. URL: <https://www.facebook.com/tomford/posts/2198468380238441>

³ Sheer Matte // URL: <https://www.instagram.com/p/B7S1L36AsbG/>

⁴ One for all // URL: <https://www.instagram.com/p/BgCYC0ygfNt/>

Анализ текстов рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram подтвердил как наличие обоих видов аллюзий, так и их доминирование над остальными языковыми средствами, используемыми для эмоционального насыщения текста (125 из 284 текстов включали аллюзии). В проведенном исследовании не было выявлено сколь-либо существенного перевеса литературных аллюзий над эпитропами (63 и 62 соответственно). Что же касается содержания, то большая часть литературных аллюзий опиралась на сказки: «*Looking for your very own **Prince Charming**? While we can't guarantee you a **knight in shining armour**, we may have something even better. The AVRIL crystal encrusted stilettos in red and gold will ensure you get your **Cinderella moment** & keep your look elegant long **after midnight***» (Ищете своего **Прекрасного принца**? Хотя мы и не можем гарантировать вам **рыцаря в сверкающих доспехах**, у нас есть кое-что получше. Наши туфли на шпильке модели AVRIL красного и золотого цвета отделанные кристаллами обеспечат вам впечатления **Золушки** и помогут сохранить элегантность далеко **за полночь**) (туфли от Jimmy Choo)⁵. Примечательными были и ассоциативные опоры на произведения классиков. Так Manolo Blahnik в рекламе туфель использует аллюзии на пьесы Уильяма Шекспира «Отелло» и «Венецианский купец»: «*Inspire the **green-eye monster** with the lime suede MISCHA cone heeled sandals*»⁶. Создатели рекламы намеренно заменили слово jealousy авторской метафорой Шекспира «зеленоглазый монстр». Столь же выразительным получился призыв к потребителям от Calvin Klein: «*Be bold. Be unapologetic. Be united. **One for all***». Аллюзия на роман А. Дюма «Три мушкетёра» призывает их объединиться в любви к бренду: «*Будьте храбрыми. Будьте дерзкими. Будьте едины. **Один за всех***». Скрытые смыслы проанализированных литературных аллюзий полностью понятны, но создателю рекламы, вероятно, приходится оперировать избитыми аллюзиями, чтобы польстить аудитории как читающей и образованной.

Рассматривая эпитропы, мы пришли к выводу, что в рекламе товаров элитных брендов на цифровой платформе Instagram практически не встречаются исторические эпитропы, то есть опирающиеся на важные события из истории человечества. Большая часть нелитературных аллюзий отсылает к явлениям культуры или культурным событиям. Часто встречается намёк на песни и фильмы. Например, в рекламе пальто от Prada: «*Go jacquard or go home*»⁷ прослеживается переключка с саундтреком к фильму «Форсаж 7» «Go Hard or Go Home» (2015). Очень часто встречаются отсылки к церемониям и официальным мероприяти-

⁵ Prince Charming // URL: <https://www.instagram.com/p/Bi7MMKOHii/>

⁶ Green eye monster // URL: <https://www.instagram.com/p/Bjm8JZGnRQ4/>

⁷ Go jacquard // URL: <https://www.instagram.com/p/BvuUBBBLb/>

ям, на которых появляются знаменитости. Очевидно, такой прием позволяет потребителю рекламы подумать, что он такой же, как известные и богатые люди, он может позволить себе исключительный товар. Например, в рекламе ювелирных изделий от Boucheron фото сопровождается текстом: «*Roll out the red carpet!*»⁸ («Расстелите красную дорожку») и товар сравнивается с какой-нибудь знаменитостью, ступившей на красную дорожку в Голливуде или Каннах. «Аллюзивная компетенция» реципиента, согласно Ю. Хебелю [Hebel, 1991, с. 143], в этом случае достаточно высока, у него не возникает никаких трудностей в распознавании, поскольку опора в его личностной когнитивной базе предостаточно, даже если он и не принадлежит к группе носителей английского языка. Но порой такие опоры могут отсутствовать, если реципиент текста не принадлежит к определённой языковой культуре, социальной или возрастной группе. Например, в рекламе от Christian Louboutin фото изображает прозрачные туфли на каблуке-шпильке с большим черным бантом на мыске, а текст звучит так: «*The invite said **Black Tie**, right? Dare to bare with # Christian Louboutin's Naked Bow pump*»⁹. Эта реклама — типичный представитель иллюстративного сообщения. Здесь реципиенту понадобятся знания об этикете одежды во время различных церемоний и мероприятий для того, чтобы понять, как переключаются графический и текстовый компоненты. Обычно в официальном приглашении на мероприятие указывается на английском языке его дресс-код. Всего возможно двенадцать разновидностей дресс-кода, самые формальные из которых White tie и Black tie. Причем от мужчин требуют наличие фрака и галстука-бабочки (белого или черного), тогда как женщины должны надевать вечернее платье в пол. Здесь и кроется языковая игра, когда галстук-бабочку предлагают надеть женщине, и она должна оказаться не на шее, а на туфельках: «*Хозяин мероприятия сказал **Black tie**? Осмелься обнажить ноги в туфлях лодочках с бантом от Christian Louboutin*».

Таким образом, мы видим в ряде рекламных текстов противопоставление прямого смысла слов и смысловую игру, их косвенный смысл — аллюзию на прецедентные тексты либо на определенные явления и события.

Применив фасеты ситуации общения к РЖ рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram, мы можем охарактеризовать его как формальный, социально-приемлемый вид дискурса отдельного блогера бренда (или небольшой команды) и массовой целевой аудитории, целью которого является распространение информации о новом элитном бренде с целью продать его, и реализуемый с помощью

⁸ Roll out the red carpet! // URL: <https://www.instagram.com/p/BqaOTVEHqk6/>

⁹ Black tie // URL: <https://www.instagram.com/p/BqkT1vqg-Y3/>

экспрессивных языковых единиц. В качестве самого яркого признака языкового кода нами была выделена аллюзивность лексики.

Осознание необходимости присутствия в Instagram рано или поздно приходит к каждому бренду: 500 миллионов ежедневных активных пользователей — внушительная цифра, от которой не так-то просто отмахнуться. Но, как и в случае с маркетингом в любой социальной сети, максимальную отдачу от продвижения в Instagram получают только те компании, которые хорошо знают, что и как они делают: а именно, что публикуют. Как показал наш структурно-содержательный анализ текстов рекламы элитных брендов на платформе Instagram, одним из их основных признаков их языкового кода выступает аллюзивность или интертекстуально-обогащенный вербальный компонент, предполагающий активное прочтение реципиентами. Стратегия привлечения литературных и культурных аллюзий подрывает мнение о том, что реклама на социальных платформах примитивна, рассчитана на очень неприятия-зательного потребителя (адресата данного РЖ), не требует его фоновых знаний. Мы можем предположить, что реклама в Instagram требует от аудитории наличия аллюзивной компетенции — способности распознать аллюзию при помощи опор-ассоциаций, закрепленных в индивидуальном когнитивном пространстве, но данное предположение требует дальнейшего экспериментального подтверждения.

Итак, проведенный анализ позволяет уточнить определение РЖ рекламы элитных брендов на платформе Instagram как субжанра рекламной коммуникации, опосредованной компьютером, нацеленной на сообщение о позитивных свойствах объектов потребителям, обладающим высокой аллюзивной компетенцией и легко воспринимающим языковую игру и интертекстуально-обогащенные языковые единицы.

Подводя итоги, отметим, что фасетная классификация С. Херринг применима к исследованию новых видов компьютерно-опосредованного дискурса, возможно варьирование фасетов в зависимости от целей исследования, что и было продемонстрировано в данной работе с помощью подробного анализа фасета языкового кода. Исследование можно считать перспективным, поскольку необходим дальнейший анализ связей между фасетами внутри одной группы, так же как и анализ связей между фасетами среды и ситуации общения.

Библиографический список

- Аругюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. №1.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. Саратов, 2000.

Дементьев В.В. О методике представления речевой картины современности через посредство речевых жанров // Вестник Омского университета. 2015. №2.

Дементьев В.В. О типологии речевых жанров в связи со сферами речевой коммуникации и без такой связи // Коммуникативные исследования, 2019а. Т.6. № 3.

Дементьев В.В. Общие проблемы теории речевых жанров // Жанры речи. 2019б. № 1 (21).

Карасик В.И., Бейлинсон Л.С. Речевой жанр и речевое воздействие // Ученые записки. 2010. №1.

Москвин В.П. Аллюзия как фигура интертекста // Грани познания : Электронный научно- образовательный журнал ВГСПУ. №1(28). Январь 2014. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1389778094.pdf>

Ромат Е.В. Реклама. СПб., 2004.

Салимовский В.А., Яруллин Д.В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2(16).

Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.

Федосюк М.Ю. Нерешённые вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. №5.

Шмелёва Т.В. Культура речи. В. Новгород, 1998.

Hebel U.J. Towards a Descriptive Poetics of Allusion // Intertextuality. Research in Text Theory /Untersuchungen zur Text theorie. Vol. 15. Berlin & New York, 1991.

Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. №. 4. URL: <https://www.researchgate.net/publication/31590573>

Miner E. Allusion // The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics. Princeton, 1993.

Источники

Black tie. URL: <https://www.instagram.com/p/BqkT1vqg-Y3/>

Emotionproof. URL: <https://www.facebook.com/tomford/posts/2198468380238441>

Go jacquard. URL: <https://www.instagram.com/p/BvuUBBBILSb/>

Green eye monster. URL: <https://www.instagram.com/p/Bjm8JZGnRQ4/>

One for all // URL: <https://www.instagram.com/p/BgCYC0ygfNt/>

Prince Charming .URL: <https://www.instagram.com/p/Bi7MMKOHia/>
Roll out the red carpet! URL:<https://www.instagram.com/p/BqaOTVEHqk6/>
Sheer Matte. URL: <https://www.instagram.com/p/B7S1L36AsbG/>
Wear and where. URL: <https://www.instagram.com/p/Biveep7HRR3/>

References

- Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. [The language and the Human World]. Moscow, 1999.
- Bahtin M.M. *Avtor i geroj. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk*. [The Author and the Character. On the Phylosophic Nature of Humanities]. St. Petersburg, 2000.
- Dement'ev V.V. *Izuchenie rechevyh zhanrov: obzor rabot v sovremennoj rusistike*. [Speech Genre Studies: Outlook on Modern Russian Studies]. In: *Vo-prosy yazykoznanija*. [Issues of Linguistics]. 1997. No. 1.
- Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikaciya i eyo zhanry*. [Indirect Communication and its genres]. Saratov, 2000.
- Dement'ev V.V. *O metodike predstavleniya rechevoj kartiny sovremenno-sti cherez posredstvo rechevyh zhanrov*. [On Representing Modern World through Speech Genres]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 2015. No 2.
- Dement'ev, V.V. *O tipologii rechevyh zhanrov v svyazi so sferami rechevoj kommunikacii i bez takoj svyazi*. [On Typology of Speech Genres as Connected to the Domain of Communication and without Such Connection]. In: *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication studies]. 2019. V. 6. No 3.
- Dement'ev V.V. *Obshchie problemy teorii rechevyh zhanrov*. [General Issues of Speech Genre Theory]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. 2019. No1 (21).
- Karasik, V.I., Bejlinson L.S. *Rechevoj zhanr i rechevoe vozdejstvie*. [Speech Genre and Speech Influence]. In: *Uchenye zapiski*. [Learned papers]. 2010. No 1.
- Moskvin V.P. *Allyuziya kak figura interteksta*. [Allusion as a Text Figure]. In: *Elektronnyj nauchno- obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU «Grani poznaniya»*. [Electronic scientific and educational journal of VGSPU "Faces of Knowledge"]. No1(28). January 2014. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1389778094.pdf>
- Romat E.V. *Reklama*. [Advertising]. St. Petersburg, 2004.
- Salimovskij V.A., Yarullin D.V. *O tozhdestve rechevogo zhanra*. [The Same-ness of Speech genre]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. 2017. No 2(16).
- Sedov K.F. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevyh zhanrov*. [Philosophical Aspects of Speech Genres Sdudies]. In: *Zhanry rechi*. [Speech Genres]. Saratov, 2002. Iss. 3. Pp. 40–51.

Fedosyuk M.Yu. *Nereshyonnye voprosy teorii rechevyh zhanrov*. [Unsolved Issues of the Theory of Speech Genres]. In: *Voprosy yazykoznaniiya*. [Issues of Linguistics]. 1997. No 5.

Shmelyova T.V. *Kul'tura rech.i* [Culture of Speech]. V. Novgorod, 1998.

Hebel U.J. *Towards a Descriptive Poetics of Allusion // Intertextuality. Research in Text Theory / Untersuchungen zur Text theorie.*, 1991. Vol. 15.

Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. In: *Language@Internet*. 2007. No. 4. URL: <https://www.researchgate.net/publication/31590573> Miner E. *Allusion*. In: *The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics*. Princeton, 1993.

List of sources

Black tie. URL: <https://www.instagram.com/p/BqkT1vqg-Y3/>

Emotionproof. URL: <https://www.facebook.com/tomford/posts/2198468380238441>

Go jacquard. URL: <https://www.instagram.com/p/BvuUBBBILSb/>

Green eye monster. URL: <https://www.instagram.com/p/Bjm8JZGnRQ4/>

One for all // URL: <https://www.instagram.com/p/BgCYC0ygfNt/>

Prince Charming .URL: <https://www.instagram.com/p/Bi7MMKOHiiia/>

Roll out the red carpet! URL:<https://www.instagram.com/p/BqaOTVEHqk6/>

Sheer Matte. URL: <https://www.instagram.com/p/B7S1L36AsbG/>

Wear and where. URL: <https://www.instagram.com/p/Biveep7HRR3/>

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ПОКОЛЕНИЯ Z (НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

А.А. Шмаков

Ключевые слова: риторический идеал, образ идеального оратора, поколение Z, филологокоммуникативные исследования, риторика.

Keywords: rhetorical ideal, the image of an ideal speaker, generation Z, philological and communicative studies, rhetoric.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-06

Категория риторического идеала является одной из центральных в риторике, начиная с момента ее зарождения в Древней Греции. В своё время древнегреческий философ Аристотель писал о качествах, необходимых оратору: высокая образованность, общественная активность, уважаемая народом должность, государственные заслуги, мастерство речи, безупречная честность.

Данная категория представляет собой некий аксиологический ориентир, отражающий требования конкретной эпохи к поведению оратора, следовательно, она динамична по своей природе и меняется вслед за развитием общества, в котором за 2,5 тысячи лет произошли существенные изменения. В России риторика как наука и искусство развивается на протяжении одиннадцати веков, и представления о том, каков должен быть тот самый эталонный оратор, также серьезно трансформировались за это время.

В настоящее время в отечественной научной традиции не существует единого понимания термина «риторический идеал». Известный специалист в области ораторского мастерства, автор учебников по риторике для школы и вуза А.К. Михальская предлагает следующее определение рассматриваемого понятия: «Система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему ее ценностей» [Михальская, 2002, с. 449]. В данном определении говорится именно о речи, о речевом поведении, а не об идеале оратора. Однако А.К. Михальская в своих исследованиях говорит и о выделении трех типов исторического идеала оратора: американском, восходящем к софистическому, русском риторическом идеале, близком к идеям Сократа и Платона, а также советском риторическом идеале. В рамках данного исследования нас инте-

ресует, прежде всего, именно русский риторический идеал в современном его состоянии.

Исследователь Т.Е. Тихонова, обобщая положения и выводы А.К. Михальской, выделяет следующие параметры идеального поведения с точки зрения русской христианской традиции:

- 1) этико-эстетические категории: гармония, кротость, смирение, миролюбие, негневливость, уравновешенность, радость;
- 2) риторические принципы: немногословие, правдивость, искренность, спокойствие, благожелательность; отказ от крика, повышенной эмоциональности речи; отказ от клеветы, сплетен, осуждения ближнего;
- 3) требования к речевому поведению: беседуй только с достойным; выслушай собеседника; сохраняй кротость в беседе; избегай грехов многословия; пустословия; несдержанности языка, грубости; избегай хулы; чаще изрекай доброе слово, но избегай похвалы чрезмерной и льстивой; стремись к подражанию лучшим речевым образцам, запечатленным в книгах [Тихонова, 2005, с. 179–180].

Анализируя представленные выше параметры, отметим, что ораторский идеал состоит из трех компонентов, основным из которых является этический компонент, поскольку на базе него строятся риторические принципы, во многом соотносимые с античным идеалом, а также конкретные риторические требования в речевом поведении говорящего, регулирующие отбор стратегий, тактик и приемов.

Проведенный обзор современного состояния научных исследований по данной проблематике показал, что большинство из них ориентированы на выявление образа идеального оратора нашего времени, который отражает веяния времени. Так, работа О.В. Мошкиной посвящена выявлению роли медиакультуры в формировании современного риторического идеала [Мошкина, 2013]. И.В. Тимонина в своей статье проводит сопоставление понятий риторический и педагогический идеал, выявляя общее и различное [Тимонина, 2010]. Н.Н. Кириллова в статье «Риторический идеал с точки зрения современного студента» анализирует результаты исследования, проведенного среди студентов технических и экономических специальностей Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, выявляя «прагматическую направленность в понимании риторического идеала, отсутствие нравственных ориентиров, утрату традиционных критериев идеала оратора» [Кириллова, 2016, с. 39].

Прагматическое толкование риторического идеала представлено в работах И.А. Стернина, который определяет его как «совокупность ре-

альных характеристик оратора и выступления, позитивно оцениваемых носителями русской коммуникативной культуры, а не некоторые теоретически постулируемые признаки идеального выступления или идеальные требования к оратору» [Стернин, 2002, с. 104]. Такой подход всецело отвечает одной из современных тенденций в языковом сознании и коммуникативной практике современного российского общества — стремлению к росту эффективности (успешности) речевого общения.

Об эффективной коммуникации как одной из целей риторики говорит и основатель Алтайской риторической школы, профессор Алтайского государственного университета А.А. Чувакин. Риторика рассматривается им в контексте филолого-коммуникативной проблематики гуманитарного знания. Так, в статье «Риторика в контексте филолого-коммуникативной проблематики как фактор изучения эффективности общения», написанной совместно с С.А. Медведевым, исследователь, говоря о концепции и строении магистерской программы по направлению «Филология» (специализация «Теория и практика речевой коммуникации») отмечает: «Именно *способность эффективно общаться, будучи одной из основных целей риторики как таковой* (курсив мой. — А.Ш.), выступает в качестве показателя успешного усвоения учебных дисциплин и формирования необходимых профессиональных компетенций будущих магистров филологии» [Чувакин, 2015, с. 153].

Кроме этого в той же работе профессор А.А. Чувакин подчеркивает необходимость привлечения интернет-текстов для изучения в аспекте эффективности общения. По его мысли, интернет-коммуникативная сфера не только «актуальна в наше время», но и требует «глубокого изучения и осмысления, в особенности в свете задачи обучения эффективному общению» [Чувакин, 2015, с. 154]. Эта мысль исследователя представляется нам ценной в виду заявленной темы статьи и будет раскрыта и доказана ниже.

Резюмируя обзор научной литературы по проблеме изучения риторического идеала (образа идеального оратора), отметим, что, несмотря на многочисленные попытки решения данной проблемы при помощи различных методик и на существование практически 20-летней традиции изучения данного образа в России, проблема все же остается актуальной в силу активных динамических процессов, происходящих в российском обществе начала XXI века, связанных с изменениями: а) социально-экономического характера; б) этико-аксиологического плана (что связано с трансформацией в системе образования); в) технико-технологического плана (например, распространение мобильного интернета в 2010-х годах и курс на цифровизацию всех сфер жизни человека).

Автор статьи исходит из гипотезы о том, что в связи с дифференциацией современного общества в настоящее время не может существовать единого образа идеального оратора, как бы этого ни хотелось теоретикам риторики. В то же время население России четко классифицируется социологами на основе возрастной принадлежности, поэтому использование теории поколений, разрабатываемой в социологии, возможно, позволит по-новому взглянуть на обозначенную нами проблему риторического идеала.

Итак, целью данной статьи является выявление черт риторического идеала представителей поколения Z в России — наиболее молодого из дееспособных поколений среди ныне живущих российских граждан.

Проясним содержание данного социологического термина и обобщим релевантность его использования в филолого-коммуникативных исследованиях, к коим относится и данная статья.

Понятия поколений X, Y и Z уже стали классикой постнеклассической социологии. Они содержатся в классификации поколений, разработанной применительно к США в 1991 году американскими учеными: демографом Нейлом Хоувом и историком Вильямом Штрауссом [Howe, Strauss, 1991; 2000], однако данная теория уже адаптирована отечественными учеными, в частности В.А. Сибиревым и Н.А. Головиным [2020].

Согласно дефиниции исследователей-социологов, поколение X — «реформенное поколение, его период интенсивной вторичной социализации в молодости (возраст 20 лет) пришелся на системный кризис советского общества конца 1980-х — 1990-х гг.» [Сибирев, 2020, с. 301]. Данная возрастная совокупность представляет собой молодежь поколения кризиса 1990-х годов. Она не принадлежит к советскому поколению, поскольку вошла в жизнь в годы перестройки и дальнейших общественных реформ.

Поколение Y — это «более поздние по году рождения совокупности возрастных когорт 1981–1994 годов рождения, детство которых все еще приходится на кризисную смену общественной системы, а молодость — уже на относительно стабильные 2000-е годы» [Сибирев, 2020, с. 301]. Данная совокупность возрастных групп представляет собой молодежь периода относительной стабилизации российского общества.

К началу 20-х годов XXI века уже успело вырасти поколение людей, которые не ощутили социальной нестабильности 90-х годов XX века, вызванной известными историческими событиями, связанными с распадом Советского Союза и переходом к рыночной экономике в России: «Те возрастные группы, чей 20-летний возраст приходится на в определенной степени переломный в политическом отношении 2014 г. и после-

дующие ... обозначены поколением Z» [Сибирев, 2020, с. 301]. Его возрастные когорты родились в 1995 году и позже. Психологи и социологи отмечают колоссальные различия в мировоззренческих установках поколений, поскольку поколение Z отличается от других возрастных групп прежде всего социализацией в условиях стабилизации общества.

Анализ выстраивания коммуникаций у представителей двух последних поколений не оставляет ученых сомнения в том, что Y и Z — прежде всего «цифровые» поколения. Представители поколения Z пользуется цифровыми технологиями с малых лет. В гаджетах и информационных технологиях они разбираются лучше, чем в людях, не говоря уже об отсутствии опыта жизни при советском строе [Радаев, 2019].

Объектом изучения филологокоммуникативных дисциплин, к которым относится риторика, является Человек Говорящий (Homo Loquens), при этом мы понимаем, что характеристики личности Homo Loquens, его ценностных и смысложизненных ориентаций будут оказывать влияние на формирование его жизненных идеалов, в том числе и идеала риторического, поэтому в рамках данного исследования нам важно понять и соотнести те качества, которые будут получены путем эмпирического исследования, с теми качествами, которые выделяются современными психологами у представителей поколения Z.

Педагог-психолог В.Ю. Гончарова отмечает следующие особенности представителей поколения Z: «Среди психологических характеристик выделяют инфантилизм, эгоцентризм, социальную неадаптированность. Среди особенностей мышления, его клиповость, неспособность воспринимать информацию, системно мыслить» [Гончарова, 2019, с. 73]. Возможно, данные черты, выделяемые психологами, отразятся на выборе «поколенчески-специфичного» идеала оратора.

Материалом исследования послужили результаты социолингвистического эксперимента, проведенного в 2020–2021 учебном году среди 200 студентов, обучающихся на первом курсе Алтайского филиала РАНХиГС по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Юриспруденция». Знакомство с личными карточками студентов показало, что все участники эксперимента родились с 2001 по 2003 год, что подтверждает их формальную принадлежность к поколению Z с социологической точки зрения.

Участникам опроса было дано задание назвать трех лучших ораторов современности (т.е. начала XXI века) и в свободной форме перечислить по три качества, которые являются привлекательными в этих фигурах. Ограничений по сфере деятельности ораторов не было: это могли быть как политики, так и общественные деятели, звезды шоу-биз-

неса, журналисты, блогеры и проч. Всего было получено и обработано чуть более 600 ответов, потому что некоторые участники эксперимента приводили более трех ораторов.

Отметим, что участники эксперимента, обучающиеся на обоих направлениях, не будучи профессиональными филологами, понимают важность овладения ораторским искусством в профессиональной деятельности. Они отмечают, что для государственных служащих такая обязанность обусловлена, в первую очередь, тем, что оно прямо влияет на успешность публичного выступления, которое, в свою очередь, играет немаловажную роль в формировании отношения общества к государству. Умение верно и чётко преподнести свои мысли, цели и задачи является необходимым качеством для государственного служащего. Благодаря умению правильно говорить, представители власти могут убедить общество в необходимости тех или иных перемен, мотивировать общество к определенным действиям и, как следствие, вызвать доверие граждан.

При этом как будущие управленцы, так и будущие юристы изучают курс риторики, в рамках которого они знакомятся с античным и средневековым риторическим идеалом, в частности с представлениями Аристотеля, Цицерона, апологетов христианства, с древнерусским риторическим идеалом. Таким образом, на момент выполнения экспериментального задания в сознании его участников имелось представление о том, каков может быть идеальный оратор. Их задача заключалась в том, чтобы отобрать из представителей современности таких деятелей, на которых они сами хотели бы быть похожими, и указать те черты, которые их привлекают больше всего.

Результаты эмпирического исследования показали, что респонденты упомянули всего 55 различных личностей, 37 из которых являются гражданами России, а 18 — представителями других стран мира.

К числу русскоязычных лучших ораторов были отнесены Александр Невзоров, Владимир Соловьев, Дмитрий Губерниев, Дмитрий Нагиев, Владимир Путин, Ксения Собчак, Ирада Зейналова, Тина Канделаки, Дмитрий Медведев, Екатерина Андреева, Анастасия Ивлеева, Сергей Безруков, Владимир Жириновский, Алексей Навальный, Сергей Лавров, Иван Ургант, Павел Воля, Юрий Дудь, Артем Шмаков, Николай Дроздов, Александр Невский, Данила Поперечный, Александр Гордон, Роман Василенко, Михаил Лабковский, Сергей Шойгу, Ольга Скабеева, Дмитрий Пучков (Гоблин), Андрей Малахов, Руслан Белый, Сергей Собянин, Софья Плотникова, Максим Галкин, Геннадий Зюганов, Ирина Хакамада, Александр Петров, Владимир Довгань.

В число лучших зарубежных ораторов входят Эмма Уотсон, Джеймс Хьюмс, Илон Маск, Тим Кук, Билл Гейтс, Николас Вуйчич, Владимир Зеленский, Нил Деграсс Тайсон, Дональд Трамп, Ангела Меркель, Грета Тунберг, Барак Обама, Джордж Грегори Плитт, Тони Робинс, Хиллари Клинтон, Стив Джобс, Лиза Николс, Джим Керри.

Отметим, что деление ораторов по национальному признаку в рамках данного исследования не является для нас принципиальным, поскольку требования указать только российских ораторов перед участниками эксперимента не ставилось. Во-вторых, общая риторика выдвигает требования к качествам оратора вне зависимости от того языка, на котором он говорит. В-третьих, количественные результаты эксперимента говорят о том, что ориентация на зарубежные образцы не характерна для российских студентов — представителей поколения Z.

На этапе первичной обработки данных была проведена классификация по основному виду деятельности личности (в скобках дано количество представителей): актер (6), бизнесмен (5), общественный деятель (1), оратор (4), политический деятель (14), преподаватель (2), публицист (4), спичрайтер (1), телеведущий (9), ученый (2), шоумен (7)¹⁰.

Если говорить о гендерной принадлежности идеального оратора, то 42 из 55 упомянутых кандидатур являются мужчинами, что составляет 76% от общего числа.

Наиболее популярной категорией является категория «политический деятель» — 14 человек. Здесь названы такие известные личности, как Владимир Путин, Дмитрий Медведев, Владимир Жириновский, Алексей Навальный, Сергей Лавров, Владимир Зеленский, Сергей Шойгу, Дональд Трамп, Ангела Меркель, Барак Обама, Сергей Собянин, Геннадий Зюганов, Ирина Хакамада, Хиллари Клинтон.

В категории «политический деятель» тройку лидеров составляют 1) Владимир Вольфович Жириновский с результатом 16,25% от общего количества голосов, 2) Владимир Владимирович Путин с результатом 11,25% и Алексей Анатольевич Навальный с результатом 5%.

Результаты показывают, что В.В. Жириновский по-прежнему популярен среди молодежи. В доказательство данного тезиса проанализируем несколько высказываний участников эксперимента. Так, в одном из ответов читаем, что Владимир Вольфович: 1) «*может каждый приведенный пример очень четко аргументировать*»; 2) «*у него есть опыт*

¹⁰ Мы понимаем, что некоторых из упомянутых ниже персоналий нельзя однозначно отнести к той или иной сфере деятельности (например, как в случае с Ксенией Собчак и Алексеем Навальным), однако вынуждены пойти на эту условность, чтобы получить однозначную картину и подвести итоги по каждой категории.

в выступлениях на огромную аудиторию, он очень начитанный и знает много исторических фактов, событий, которые он может привести в нужный момент разговора»; 3) «говорит много правды, которая положительно воспринимается народом». Как видим, для отвечающего важны следующие показатели: 1) техника аргументации и эмоциональность речи; 2) опыт и знания; 3) честность и правдивость оратора.

Другие респонденты сходятся в том, что В.В. Жириновский «умеет управлять сознанием аудитории», используя в речи скрытые призывы и мотивируя миллионы поддерживать его идеи и взгляды.

Эксцентричное и эмоциональное поведение Владимира Вольфовича воспринимается представителями поколения Z в основном положительно («Это делает его выступления запоминающимися»; «Мастер красной риторики»; «Выступления похожи на шоу»; «Его выступления очень эмоциональные, яркие и убедительные» и т.д.) Многие респонденты отмечают и такое качество В.В. Жириновского, как готовность вступить в дискуссию, дебаты, полемику: «Легко ведет споры и может с легкостью защитить себя в дискуссии». Вероятно, именно в этом представители поколения Z хотели бы быть похожими на своего кумира.

Действующий президент России Владимир Владимирович Путин занимает вторую строчку в рейтинге в силу своего авторитета. Об этом говорит контент-анализ ответов респондентов. Многие из них отмечают, что Владимир Владимирович: 1) сдержан и спокоен (ср. высказывания респондентов: «Его речь и поступки внушают доверие»; «Речь сдержанная и последовательная»; «Его речь точная, четкая и твердая...»); 2) всегда разбирается в теме выступления («Всегда разбирается в теме. Не позволяет резких и грубых слов в адрес своей аудитории»; «Хорошо продуманные выступления, не содержащие ничего лишнего, но информативные»); 3) использует легкий юмор («Использует в своей речи юмор»; «Легкий юмор, плавная жестикуляция, не отвлекает внимание» и т.д.).

Итак, к общим чертам образов В.В. Жириновского и В.В. Путина как ораторов можно отнести их опыт и владение предметом речи, а к отличительным — разные стили подачи: сдержанный у В.В. Путина и эмоционально-взрывной у В.В. Жириновского.

Алексей Анатольевич Навальный, расположившийся на третьем месте среди ораторов-политиков, по мнению респондентов, обладает своим набором ключевых качеств: 1) умение простым языком излагать сложную информацию; 2) ответственный и скрупулезный подход при подготовке материала выступления; 3) умение чувствовать настроение

аудитории, особенно молодежи. Многие респонденты также отмечают харизматичность, прямолинейность и открытость А.А. Навального.

Отметим, что Алексей Навальный известен как оппозиционный политик-блогер, который неоднократно успешно агитировал людей выйти на митинг против действующей власти посредством своего Youtube-канала, который на 01.06.2021 имеет более 6,46 млн подписчиков. А. Навальный с 2013 года активно позиционирует себя как истинный борец за справедливость, поэтому стал популярен среди молодых людей.

Подводя промежуточный итог, отметим, что общие черты наиболее популярных ораторов-политиков могут быть сформулированы, как 1) наличие своего собственного, узнаваемого стиля подачи; 2) честность со своей целевой аудиторией; 3) наличие опыта и знаний в сфере деятельности оратора. Иными словами, оратор-политик воспринимается представителями поколения Z не с позиции авторитета и объема власти и полномочий, а с позиций «экспертности», т.е. сочетания уникального опыта и знаний с оригинальной формой подачи.

Второй по количеству персон является категория «телеведущий», в которую вошли следующие 9 человек: Владимир Соловьев, Дмитрий Губерниев, Ксения Собчак, Ирада Зейналова, Тина Канделаки, Екатерина Андреева, Николай Дроздов, Ольга Скабеева, Андрей Малахов.

В данной категории лидером с существенным отрывом стала Ксения Собчак, набравшая 4,375% от общего количества голосов. На втором месте расположился Владимир Соловьев с результатом 2,5%, на третьем — спортивный комментатор Дмитрий Губерниев (1,875%).

К. Собчак баллотировалась в президенты в 2018 году и была «кандидатом против всех», она известна своим эпатажным поведением, и в силу своей профессиональной деятельности на телевидении является медийной личностью, что, несомненно, способствует формированию у нее умения выдерживать общественное давление и привлекать внимание аудитории, владения техникой невербальной коммуникации.

Отметим также, что Ксения Собчак заняла первое место среди ораторов-женщин, существенно опередив телеведущую Тину Канделаки, которая набрала лишь 1,25 % от общего количества голосов.

В качестве основных характеристик Владимира Соловьева респонденты отмечают «жесткость позиции», чувство юмора, эмоциональность и целеустремленность. Также к положительным чертам его как оратора относят то, что он всегда хорошо разбирается в предмете обсуждения и его готовность отстаивать свою точку зрения.

Характеризуя Дмитрия Губерниева, занимающего третью строчку в категории «телеведущий», один из участников эксперимента пишет:

«Он является профессионалом своего дела, знает много в сфере спорта. Умеет создавать образ веселого и харизматичного и, главное, хорошего человека, “своего парня”». Данная цитата говорит о том, что респонденты понимают, что реальный человек и образ телеведущего, который он создает, — это два разных феномена, однако профессионализм заключается в качественном создании этого образа, т.е. оратор-телеведущий, в отличие от оратора-политика, не должен быть хорошим и честным, он должен создавать впечатление такого человека.

К категории «шоумен» были отнесены 7 человек: Дмитрий Нагиев, Анастасия Ивлева, Иван Ургант, Павел Воля, Данила Поперечный, Руслан Белый, Максим Галкин. Принципиальное отличие категории «шоумен» от категории «телеведущий» заключается для нас в том, что последний работает исключительно на телевидении, в то время как шоумен может быть и актером, и продюсером, и блогером, и стендап-комиком в одном лице, используя различные средства для коммуникации со своей целевой аудиторией.

Лидером в данной категории стал Павел Алексеевич Воля — российский эстрадный артист разговорного жанра, телеведущий, киноактёр, резидент и ведущий проекта «Comedy Club», он набрал 7,5% от общего числа голосов. Согласно мнению респондентов, главным качеством, отличающим Пашу Волю от других ораторов, является *«непревзойденное»* чувство юмора, которое он использует для того, чтобы обсуждать с публикой актуальные темы, волнующие ее. По словам участников эксперимента, Павел *«очаровывает аудиторию остроумием», «импровизирует в необычных ситуациях», «доносит важные мысли через юмор»* Особое восхищение у публики вызывает тот факт, что Павел, будучи по образованию учителем русского языка, умеет *«обернуть шутку человека против него же самого»* и часто при этом использует *«грубый юмор»*, т.е. может использовать ненормативную лексику.

На втором месте с результатом 3,125% от общего числа голосов расположился Иван Ургант — российский актёр, шоумен, теле- и радиоведущий, певец, музыкант, композитор, продюсер, сценарист, режиссёр. Поколению Z он известен в основном как ведущий программы «Вечерний Ургант» на «Первом канале». Респонденты отмечают, что Иван *«легко совмещает общественные проблемы с юмористической формой выражения», «хорошо чувствует собеседника и в любой ситуации может поддержать разговор».*

Третье место в данной категории занял Данила Поперечный (1,25%) — российский видеоблогер и стендап-комик, который, по мнению участников эксперимента, *«не боится выражать и ярко отстаивать свое мнение не только об общественных проблемах, но и о государственной власти».*

Подводя промежуточный итог, отметим, что для ораторов-шоуменов важно чувство юмора, открытость, готовность затрагивать актуальные для российского общества проблемы и обсуждать их в своих речах.

В число ораторов-актеров вошли Эмма Уотсон, Сергей Безруков, Александр Невский, Джон Грегори Плитт, Александр Петров, Джим Керри. В данной категории безоговорочным лидером стал Народный артист Российской Федерации Сергей Витальевич Берзуков, набравший 2,5% голосов, тогда как остальные кандидатуры набрали менее 1% голосов.

Показательной является развернутая характеристика, данная одним из участников эксперимента, приведем ее полностью: «1. Он близок с народом и легко может с ним общаться на бытовые темы, этим приближая к себе людей. 2. Имеет сильную энергию, которую использует в своих выступлениях, приводя людей в восторг и вдохновляя на творчество. 3. Он искренний и честный. Люди верят его словам и доверяют ему, выражая это в своей реакции на выступления». Таким образом, респондент отмечает открытость актера для контакта с аудиторией, его энергетичность, искренность и честность, что в целом соотносится с качествами ораторов, названных в других категориях.

В категории «бизнесмены» (Илон Маск, Тим Кук, Билл Гейтс, Роман Василенко, Стив Джобс) первое место с результатом 1,875% разделили Илон Маск и Стив Джобс.

Илон Маск является, пожалуй, самым известным изобретателем и по совместительству миллиардером современности, который достиг успеха благодаря воплощению самых смелых своих идей. Респонденты характеризуют его как оратора так: «1. Он искренен, и аудитория сосредоточена только на его убеждениях. 2. Неординарными идеями он бросает вызов устоявшимся понятиям, что вызывает интерес слушателей. 3. Обладает высоким уровнем интеллектуального развития». Отметим, что вторая характеристика относится более к личности Маска, нежели его «речевым» характеристикам, однако его искренность и неординарность вызывают подлинный интерес даже далеких от технологий людей.

Стивен Пол Джобс, скончавшийся после продолжительной болезни в 2011 г., — американский предприниматель, изобретатель и промышленный дизайнер, получивший широкое признание в качестве пионера эры информационных технологий — продолжает быть ориентиром как мастер бизнес-презентаций, поскольку его выступления привлекают простотой, лаконичностью и открытостью. Можно сказать, что его образ в черной водолазке стал своеобразной «иконой стиля» для поколения Z, потому что именно он изобрел те гаджеты, которыми пользуется молодежь.

Категорию «оратор», т.е. человек, который профессионально выступает с речами на публике, составили такие личности, как Николас Вуйчич, Тони Робинс, Владимир Довгань, Лиза Николс. Персоналии из данной категории, вероятно, известны тем представителям поколения Z, которые интересуются секретами успешного публичного выступления, тренингами по развитию личности, личной эффективности. Лидеров в данной категории стал Николас Вуйчич (1,25%) — австралийский мотивационный оратор, меценат и писатель, рождённый с синдромом тетраамелии — редким наследственным заболеванием, приводящим к отсутствию всех четырёх конечностей. Возможно, это и стало секретом его успеха у публики, которая восхищается его упорством и трудолюбием: респонденты отмечают его чувство юмора, самоиронию, веру в себя и свои силы.

Еще одной категорией, в рамках которой развернулась борьба за лидерство среди ораторов, стала категория под условным названием «публицисты», т.е. люди, которые свободно излагают свою точку зрения по общественным и социально-политическим вопросам. Здесь присутствует 4 персоналии: Александр Невзоров, Юрий Дудь, Александр Гордон, Дмитрий Пучков (Гоблин).

На первом месте находится журналист и блогер Юрий Дудь (3,75 %), второе место поделили два Александра: Гордон и Невзоров (1,25%), на третьем находится Дмитрий (Гоблин) Пучков — менее 1% голосов.

Черты всех четырех человек, согласно результатам эксперимента, удивительно схожи: участники отмечают их 1) открытость и прямоту; 2) высокий профессионализм; 3) высокий уровень владения речевыми технологиями (интервью, монологическая речь).

В категории «общественный деятель» находится только Грета Тунберг, которая является экологической активисткой и известна своими эмоциональными выступлениями. В категории «спичрайтер» также представлен один человек — Джеймс Хьюмс, который работал спичрайтером в Белом доме, писал речи для президентов США. Респонденты отмечают его харизматичность, заслуги в разработке методики по изучению риторики, его плодовитость как автора множества книг, среди которых имеет весьма популярная — «Секреты великих ораторов».

Если обобщать итоги рассмотрения всех категорий, то топ-3 лучших оратора современности, согласно представлениям студентов Алтайского филиала РАНХИГС — представителей поколения Z, составляют В.В. Жириновский (16,25%), В.В. Путин (11,25%) и П.А. Воля (7,5%).

Что касается образа идеального оратора (риторического идеала), то анализ ответов респондентов по всем представленным категориям показывает, что типичными характеристиками являются следующие:

- 1) этико-эстетические категории: открытость, честность, правдивость, искренность, профессионализм;
- 2) риторические принципы: наличие своего собственного, узнаваемого стиля подачи (эмоциональность / сдержанность); интеллектуальность; логичность мышления и речи; креативность; чувство юмора (самоирония); актуальность повестки выступления; «экспертность»;
- 3) требования к речевому поведению: высокий уровень владения речевыми технологиями, легкое ведение спора; владение техниками аргументации; простота и понятность речи; постоянный контакт с аудиторией.

Если сравнивать полученный нами в результате анализа риторический идеал с аристотелевским, то отличия будут не такими уж и существенными, как кажется на первый взгляд. Оратор по-прежнему должен быть высокообразованным, безупречно честным и обладать речевым мастерством. Общественная активность (по Аристотелю) сегодня заменяется активной деятельностью в рамках своей профессии, а вот уважаемая народом должность и государственные заслуги трансформируются в некое общественное признание, которое отмечается через систему рейтингов (например, ТВ-рейтинги, количество просмотров или подписчиков на YouTube или в социальных сетях).

Таким образом, исследование показало, что базовый блок риторического идеала, связанный с этико-эстетическими категориями и риторическими принципами, в восприятии поколения Z остается неизменным, отчасти меняются лишь требования к речевому поведению и оформлению речи: она должна быть более простой и лаконичной, но в то же время более креативной и оригинальной, чтобы быть замеченной и пробиться сквозь информационный шум современного общества к своему адресату — представителю поколения Z — молодому человеку, около 20-25 лет, только вступающему в активную взрослую жизнь.

Библиографический список

Гончарова В.Ю. Психологические особенности поколения Z // Аллея науки. 2019. № 12 (39).

Кириллова Н.Н. Риторический идеал с точки зрения современного студента // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2016. № 3.

Михальская А.К. Основы риторики: учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2002.

Мошкина О.В. Медиакультура как «катализатор» общепринятого риторического идеала // Челябинский гуманитарий. 2013. №3 (24).

Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М., 2019.

Сибирев В.А., Головин Н.А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1.

Стернин И.А. Опыт экспериментального выявления риторического идеала носителя русской коммуникативной культуры // Риторические дисциплины в новых государственных стандартах. М., 2002.

Тимонина И.В. К вопросу о корреляции понятий «педагогический идеал» и «риторический идеал»: историко-педагогический аспект // Образование и наука. 2010. №11 (79).

Тихонова Т.Е. Риторический идеал как системообразующий фактор в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах: материалы 8-й Международной научно-методической конференции в 2-х ч. Ч. 2. Сочи, 2005.

Чувакин А.А., Медведев С.А. Риторика в контексте филолого-коммуникативной проблематики как фактор изучения эффективности общения // Риторика в контексте образования и культуры : материалы XIX Международной научной конференции, посвящается 100-летию РГУ имени С.А. Есенина / отв. ред. И.Ю. Нефедова. Рязань, 2015.

Howe N., Strauss W. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991.

References

Goncharova V.Yu. *Psikhologicheskie osobennosti pokoleniya Z*. [Psychological features of generation Z] In: *Alleyanauki*. [Alley of science]. 2019. No 12 (39).

Kirillova N.N. *Ritoricheskiy ideal s tochki zreniya sovremennogo studenta*. [Rhetorical ideal from the point of view of a modern student]. In: *Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva*. [Bulletin of NSTU named after R.E. Alekseev]. 2016. No 3.

Mikhail'skaya A.K. *Osnovy ritoriki: uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy*. [Foundations of rhetoric: a textbook for educational institutions]. Moscow, 2002.

Moshkina O.V. *Mediakul'tura kak «katalizator» obshchepriyatogo ritoricheskogo ideala*. [Media culture as a "catalyst" of the generally accepted

rhetorical ideal]. In: *Chelyabinskiy gumanitariy*. [Chelyabinsk Humanitarian]. 2013. No 3 (24).

Radaev V. *Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo*. [Millennials: How Russian Society is Changing]. Moscow, 2019.

Sibirev V.A., Golovin N.A. *Mezhpokolencheskie razlichiya v udovletvorennosti zhizn'yu i chuvstve schast'ya v Rossii (na materialakh Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya)*. [Intergenerational Differences in Life Satisfaction and Feelings of Happiness in Russia (Based on the Materials of the European Social Research)]. In: *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020. No 1.

Sternin I.A. *Opyt eksperimental'nogo vyyavleniya ritoricheskogo ideala nositelya russkoy kommunikativnoy kul'tury*. [Experience of experimental identification of the rhetorical ideal of the bearer of Russian communicative culture]. In: *Ritoricheskie distsipliny v novykh gosudarstvennykh standartakh*. [Rhetorical disciplines in new state standards]. Moscow, 2002.

Timonina I.V. *K voprosu o korrelyatsii ponyatiy «pedagogicheskoy ideal» i « ritoricheskiy ideal»: istoriko-pedagogicheskiy aspekt*. [To the question of the correlation of the concepts of “pedagogical ideal” and “rhetorical ideal”: the historical and pedagogical aspect]. In: *Obrazovanie i nauka*. [Education and Science]. 2010. No 11 (79).

Tikhonova T.E. *Ritoricheskiy ideal kak sistemoobrazuyushchiy faktor v protsesse formirovaniya kommunikativnoy kul'tury mladshikh shkol'nikov*. [The rhetorical ideal as a system-forming factor in the process of forming the communicative culture of primary schoolchildren]. In: *Proektirovanie innovatsionnykh protsessov v sotsiokul'turnoy i obrazovatel'noy sferakh: Materialy 8-y Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii v 2-kh ch*. [Designing innovative processes in the socio-cultural and educational spheres: Materials of the 8th International Scientific and Methodological Conference in 2 vol.]. Vol. 2. Sochi, 2005.

Chuvakin A.A., Medvedev S.A. *Ritorika v kontekste filologo-kommunikativnoy problematiki kak faktor izucheniya effektivnosti obshcheniya*. [Rhetoric in the context of philological and communicative problems as a factor in studying the effectiveness of communication]. In: *Ritorika v kontekste obrazovaniya i kul'tury*. [Rhetoric in the context of education and culture]. Materials of the XIX International Scientific Conference, dedicated to the 100th anniversary of the S.A. Yesenin. Ryazan. 2015.

Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company. 1991.

СТАТЬИ

А. БЛОК В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ В. ШАЛАМОВА

Д.В. Кротова

Ключевые слова: поэзия XX века, Шаламов, Блок, образ метели, задачи искусства, звуковой компонент стиха.

Keywords: poetry of the XX century, Shalamov, Blok, image of a snow-storm, challenges of art, phonetic component of verse.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-07

В формировании поэтики В. Шаламова существенная роль принадлежит влиянию А. Блока. Основательных литературоведческих трудов, прослеживающих характер взаимосвязи между художественными мирами Шаламова и Блока, пока недостаточно. Значимые наблюдения о родственных чертах в мышлении двух авторов содержатся в работах Л. Жаравиной [Жаравина, 2019; Жаравина, 2017], а также предисловии и комментариях В. Есипова к недавно вышедшему двухтомному изданию Шаламова в серии «Новая библиотека поэта» [Есипов, 2020; Есипов, 2020a]. Представляется, что детальное рассмотрение заявленной темы открывает перспективу глубокого осмысления поэтической генеалогии Шаламова.

Подтверждением тезиса о влиянии Блока на Шаламова может послужить анализ следующих аспектов: многочисленных высказываний о Блоке в художественной, эпистолярной и очерковой прозе автора «Колымских тетрадей»; параллелей в образном мире лирики двух поэтов; определенной общности Шаламова и Блока в понимании задач искусства; родственных элементов в сфере поэтической техники. Цель предлагаемой статьи заключается в последовательном аналитическом раскрытии обозначенных граней.

В мемуарах и письмах Шаламова нередко звучат суждения о том, что «Блок — для нас еще не открытая Америка» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 113), «совершенно неизученный огромный поэт» (с. 195). По мнению Шаламова, Блок «нами до сих пор не оценён как следует» (с. 87), в то время как его произведения — это «величайшие вер-

шины русской поэзии» (с. 114). Ярким свидетельством глубоко личностного восприятия, а также основательного знания блоковских текстов является, например, автобиографический рассказ Шаламова «Афинские ночи»: главный герой вспоминает, как в период работы фельдшером в Центральной лагерной больнице на Левом берегу реки Колымы он вместе с коллегами организовывал в перевязочной поэтические вечера. Говоря о том, каков был его «взнос» (т.е. стихи каких поэтов он читал по памяти), Шаламов первым называет имя Блока. В архивных материалах находим следующую запись Шаламова: «Блок — вне шпаны, вне ее эстетических категорий, в то время как Есенин — символ»¹¹.

Глубокий интерес к наследию Блока сформировался у Шаламова еще в отроческие годы. Как свидетельствует Шаламов в эссе «Кое-что о моих стихах», еще в школе он «выступал с докладами о стихах — о Бальмонте, о Блоке» (с. 96). Особое, исключительно проникновенное отношение к лирике Блока Шаламов пронес через всю жизнь. И.П. Сиротинская, близко знавшая Шаламова в послеколымские годы, отмечала в своих воспоминаниях: «...как-то глубоко душевно он любил Блока. Когда он читал Блока, то никогда не говорил о поэтических находках, а словно ощущал что-то свое, душевное свое в Блоке. Иногда мне казалось — какие-то воспоминания молодости, эхо какое-то себя еще доколымского. Я об этом не выспрашивала — это столь тонкие ощущения, что их не надо высказывать вслух, переводить в слова. Только видела, как молодое дело, освещалось его лицо» (Сиротинская, 2013, с. 23).

В 1974–1976 гг. Шаламов работал над циклом стихотворений, посвященным Блоку. Предполагалось, что цикл будет состоять из пяти стихотворений (в рукописи заглавие цикла значится как «Пять отрывков о Блоке»), но полностью завершены оказались лишь два из них (см. подробнее: [Есипов, 2020а, с. 538]). В цикле нашел отражение прежде всего образ Блока как выразителя времени, правдивого свидетеля своей эпохи и одновременно поэта возвышенного душевного строя, романтика, которого не покидала «вера в свою звезду» (Варлам Шаламов, 2020, т. 2, с. 539).

Об исключительной роли Блока в художественном мышлении Шаламова свидетельствует и тот факт, что эпиграфом к своему масштабному поэтическому циклу — «Колымским тетрадям» — Шаламов взял именно блоковские строки: «Рожденные в года глухие / Пути не помнят своего. / Мы — дети страшных лет России — / Забыть не в силах ничего» (Александр Блок, 1960–1963, т. 3, с. 278). Именно эти строки Блока

¹¹ РГАЛИ. Фонд 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

стали своего рода отражением ключевой идеи «Колымских тетрадей» — идеи сохранения исторической памяти, достоверного отражения и художественного осмысления пережитого, а также постижения судьбы человека в трагических перипетиях истории.

Выбор блоковского эпиграфа к «Колымским тетрадам» говорит о *глубинном родстве в самоощущении двух поэтов*: оба чувствовали себя очевидцами переломных моментов истории, обоим было свойственно чрезвычайно напряженное и острое ощущение соотнесенности собственной судьбы с драматическими изломами времени. Блок отмечал в записной книжке (№49, 1917 г.): «*Волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, т.е. свидетель*» (Александр Блок, 1965, с. 316). Шаламов сходным образом понимал миссию художника. Вполне справедливо утверждение Ф. Апановича о том, что «*обязанность свидетельства*» [Апанович, 1996, URL] о своей эпохе и ее трагических перипетиях ощущалась Шаламовым с особой остротой. Как и у Блока, у Шаламова чувство причастности времени было исключительно сильным. Для мироощущения Блока было характерно предчувствие и переживание гибельного слома, Шаламов же в полной мере испытал последствия этого слома.

В осмыслении своего времени, века, эпохи и Блок, и Шаламов зачастую обращались к одному и тому же поэтическому символу: речь идет об *образе метели*, который имеет глубокие историко-литературные корни и является одним из наиболее значимых и символических в русской поэзии и прозе. Всю лирику Шаламова пронизывают образы метели, вьюги, пурги. В активном внедрении этих мотивов в поэтический мир Шаламова прослеживаются не только художественные, но и биографические предпосылки: почти двадцать лет лагерей, долгий период жизни на крайнем Севере в условиях вечной мерзлоты. Снег, лед, метель — те реалии, которые постоянно окружали Шаламова. Но наряду с сугубо биографическими элементами важную роль сыграли и художественные корни этого образа, и на первом месте здесь именно блоковские истоки.

У обоих поэтов этот образ многомерен, объемлен и включает самые разные грани: *он связан с размышлениями об историческом процессе, является важнейшей характеристикой мироощущения и судьбы поэта и, кроме того, обретает значение бытийного символа*. Раскроем каждую из названных граней более подробно.

Образ метели в качестве символа переломного времени находит отражение в ряде блоковских текстов, и наиболее очевидно — в поэме «Двенадцать». Известно, что метельная стихия «Двенад-

цати» воплощает собой дух революционной эпохи, ее противоречивость и хаос (не случайно Шаламов пишет о «метельном чаде» блоковской поэмы (Варлам Шаламов, 2020, т. 2, с. 253). Из хаотической стихии парадоксальным образом кристаллизуется некое представление о грядущей гармонии: герои поэмы «окажутся захвачены мистическим процессом рождения нового мира из хаоса старого устройства бытия» [Голубков, 2018, с. 144].

Трактовка образа-символа метели, представленная в поэме Блока, оказалась очень влиятельной в истории русской литературы, и Шаламов в своей интерпретации этого образа, безусловно, учитывает блоковский художественный опыт. У Шаламова, как и у Блока, метель зачастую становится символом трагической эпохи, как, например, в одном из стихотворений сборника «Кипрей», где лирический герой говорит о себе: «Я голос, потерявший эхо / В метельный, ледяный век» (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 218).

Размышляя об образе метели у как отражении духа эпохи, необходимо обратиться и к стихотворению Шаламова «Скрипач» (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 83–84), где остро драматически раскрыта тема художника и времени. Скрипач, играющий на заснеженной улице, под завывания метели, — обобщенный образ художника, который является плотью от плоти своей эпохи (звуки скрипки сливаются с воющей метелью, скрипач вплетает «дрожащий голос свой» в плач ветра). У Шаламова постоянно звучит мысль о том, что именно художник является самым правдивым выразителем своего времени, своего рода «барометром» эпохи. В то же время, образ музыканта становится и символом противостояния времени, противодействия его деструктивной, разрушительной силе.

И у Блока, и у Шаламова образ метели связан не только с осмыслением драматических поворотов истории. Во многих случаях он становится характеристикой *частной судьбы художника* и раскрывает глубинные пласты личностного, персонального бытия. У Блока образ метели в его «частном» измерении оказывается особенно значим во второй книге стихов (в циклах «Снежная маска», «Фаина»), а также, в значительной степени, в третьей книге (образ «бушующей» снежной весны в цикле «Кармен»). Метель предстает одновременно губительной стихией и, в то же время, сферой страсти, чувства, вдохновения. Лирический герой отдается во власть губительных сил, но именно благодаря этим силам он остро переживает ощущение полноты творческого и персонального бытия. В смертоносной метельной стихии лирический герой Блока ощущает тайную радость и свет («Нет исхода из вьюг, /

И погибнуть мне весело») (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 250). Гибель даже оказывается для него желанной («*Если сердце хочет гибели, / Тайно просится на дно?*») (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 249), в ней ощущается нечто торжественное и праздничное. Стихия метели оказывается одновременно и воплощением духа творчества, она раскрывает лирическому герою «*новые бездны*» (Александр Блок, 1960–1963, т. 2, с. 213). Обращаясь к третьему тому блоковской лирики и размышляя о цикле «Кармен», В.П. Енишерлов замечает: «...искусство актрисы сравнивается с неожиданностью стихии — бушующая снежная весна и мятущееся чувство Кармен равно сопоставляются в стихотворении, утверждающем всепокоряющую, захлестывающую силу искусства» [Енишерлов, 1980, с. 124]. Л.К. Долгополов, анализируя образный мир блоковской поэзии, приходит к выводу о том, что «*в какой бы форме ни выступила стихия, в слиянии с нею человек находит духовное раскрепощение*» [Долгополов, 1984, с. 84].

У Шаламова, как и у Блока, образ метели также становится одним из ключевых **в осмыслении частной судьбы художника и в его онтологической системе в целом**. Но семантическая сфера этого образа-символа у Шаламова существенно иная, нежели в блоковской лирике. Если у Блока мотив метели наделен весьма широким спектром смыслов и охватывает противоречивые, а порой и взаимоисключающие коннотации, то у Шаламова он ассоциируется чаще всего с сугубо негативным содержательным рядом. Достаточно вспомнить такие стихотворения, как «Скользи, оленья нарта...», «В этой стылой земле...», «Мне жить остаться — нет надежды...», «Я хочу, чтоб средь метели...» и др.

В стихотворении «Собаки бесшумно, как тени...» цикла «Синяя тетрадь» возникает образ беснующейся метели, угрожающей человеку и сметающей всё на своем пути:

*Все бьет, все слепит и воеет,
Пронзительно свищут леса,
И близко над головою
Изорванные небеса.
Упругая, ледяная
Идет ветровая стена.
А ты и на ощупь не знаешь —
Земля это или луна.*

(Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 27–28).

Здесь метель, как часто бывает у Шаламова, — это не только природный образ, но и символ зла, античеловеческих начал, трактуемых не только социально-исторически, но и с бытийных позиций.

Образы метели и вообще зимы у Шаламова почти всегда содержат моральные коннотации. Зимний мир — это мир безжизненности, смерти. Постепенное формирование, вызревание подобных смыслов в лирике Шаламова ярко раскрывают его рукописи (РГАЛИ, фонд 2596). Так, например, рукопись стихотворения «Лед» показывает, насколько серьезные изменения претерпевал текст в процессе работы. В этом стихотворении возникает образ заледеневшей, замерзшей реки. Первая строфа в окончательном, опубликованном виде звучит так: *«Еще вчера была рекой / И вымерзла до дна, / И под людской хрустит ногой / Застывшая волна»* (Варлам Шаламов, 2013, т. 3, с. 222). В черновике же начальные две строки стихотворения выглядят иначе: *«Хрустит обретающая покой, / Застывшая волна»*¹². В черновике зимний образ содержал в себе некую положительную коннотацию: волна, замерзая, обретает «покой». В итоговом варианте положительный оттенок исчез: волна не «обрела покой», а «вымерзла». Приведенный пример ярко высвечивает характерный вектор осмысления зимних образов в лирике Шаламова — они связаны прежде всего с деструктивными, разрушительными началами и смертью. Е.В. Волкова, размышляя о «Кольмских рассказах», отмечает: *«Вечная мерзлота, холод и снег, злоеющая смертная белизна <...> становятся символами-опорами прозаического повествования»* [Волкова, 1997, URL]. Представляется, что приведенное суждение исследователя было бы в полной мере справедливо экстраполировать и на поэтическое мышление Шаламова.

В стихотворениях Блока образ метели часто парадоксально соотносится с контрастной семантической сферой: горение, огонь, пожар, и подобное оксюморонное единство раскрывает тесную связь мотива метели со сферами творчества и любви. Как отмечает К.А. Нагина, *«у Блока эмоционально-противоречивое переживание гибельного восторга, эстетизация смерти получают развернутую “метельно-огненную” символику»* [Нагина, 2011, с. 48].

У Шаламова мотив метели не обретает подобных коннотаций. Сферы холода и тепла, горения и застылости у Шаламова всегда поляризованы, они практически никогда не осмысливаются как единство. Мир снега и мрака противопоставит миру добра и света. Так, в упомянутом выше стихотворении «Я хочу, чтоб средь метели...» «вьюжное» и «че-

¹² РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 2.

ловеческое», мертвящее и жизненное явно противопоставлены друг другу. Натиску метели, «черной буре снеговой» контрастирует сфера мира и покоя, теплота домашнего очага.

Вместе с тем, в трактовке образа метели у Шаламова очевидны и элементы сближения с блоковским видением. В частности, речь идет о микроцикле Шаламова под названием «Метель», состоящем из двух стихотворений. Здесь, как и у Блока, очевидно соприкосновение образа метели с семантикой женственных начал бытия. В первом стихотворении этого цикла возникает параллель «метель — Богоматерь» («О, *Богоматерь Снежная...*» (Варлам Шаламов, 2020, т. 1, с. 383), — обращается лирический герой к метельной стихии). Во втором стихотворении метель предстает красавицей-невестой, таинственной возлюбленной — прочерчивается своего рода реминисценция к образу блоковской Снежной Девы. Точно так же, как и у Блока, женственный образ в шаламовском цикле несет в себе не только идеал красоты и притягательности, но и гибельное начало. Метельное брачное торжество становится одновременно и торжеством смерти — не случайно упоминается здесь «предсмертная рубаша», возникает образ рая, который провидит лирический герой в стихии метели, а в заключительных строках появляется мотив сна-смерти, очевидным образом противостоящий живым, жизненным началам. Но если в «Файне» или «Снежной маске» Блока мотивы гибели зачастую осмысливались в соприкосновении с семантическим рядом «вдохновение-искусство-творчество», то в приведенном стихотворении Шаламова мотив метельной гибели не связан с подобными коннотациями.

Блоковское начало в цикле Шаламова «Метель» очевидно проявляется не только в сближении образа метели с женственным началом, но и том, что метель здесь соотнесена с характеристикой внутреннего мира лирического героя. В подавляющем большинстве шаламовских стихотворений, проанализированных выше, метель является символом внешних сил, противостоящих лирическому герою и искалечивших его судьбу. В цикле «Метель» читатель встречает иное осмысление заглавного образа — как важнейшей грани душевной жизни лирического героя. Не случайно поэт здесь называет метель «моей» — ведь она становится самой сутью бытия лирического героя. В понимании метели как «души» художника Шаламов сближается с Блоком.

Помимо образа метели, который наиболее явственно и очевидно связывает поэтический мир Шаламова с блоковской традицией, есть и иные элементы, свидетельствующие о родстве и глубинной взаимосвязи двух художников. Речь идет, в частности, о понимании *целей и за-*

дач искусства. Как отмечал Ю. Шрейдер, «Шаламов один из тех поэтов, в творчестве которых не ощущается разрыва между поэтическим даром и верностью высшим духовным ориентирам» [Шрейдер, 1994, URL]. Шаламов размышлял об огромной нравственной, преобразовательной силе искусства, о том, что художественное творчество несет в себе не только собственно эстетические задачи, но и, в той же мере, задачи морального порядка. Оно воздействует на душу и сознание, дабы «сделать человека лучше» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 12). К рассуждениям на эту тему Шаламов возвращался не раз — в письмах к Пастернаку от 24 декабря 1952 г., от 28 марта 1953 г., в очерках «О прозе», «Об одной ошибке художественной литературы» и др. Даже поздние высказывания Шаламова, отражающие якобы его неверие в искусство, касаются, на наш взгляд, лишь области социального воздействия художественного творчества, которую Шаламов, действительно, ставил под сомнение. При этом силу морального влияния искусства на личность Шаламов ни в коем случае не отрицал (см. подробнее: [Кротова, 2019]).

В этом отношении представления Шаламова коррелируют с блоковскими. Достаточно вспомнить статью Блока «Поэзия заговоров и заклинаний» (1906), где обосновывается мысль о единстве «красоты» и «пользы» в искусстве, представление о непосредственном воздействии искусства на человеческую жизнь. Идея о том, что значение искусства далеко выходит за пределы сугубо эстетические, звучит и в других работах Блока, например, в статье «О театре» (1908): «...нигде не жизненна литература так, как в России, и нигде слово не претворяется в жизнь, не становится хлебом или камнем так, как у нас» (Александр Блок, 1960–1963, т. 5, с. 247).

Помимо определенной общности в понимании задач искусства, необходимо отметить и некоторые **особенности поэтической техники**, которые связывают Шаламова и Блока. Шаламов неоднократно отмечал исключительную значимость звукового компонента стиха, вообще фонетической стороны поэзии. Шаламов разработал даже теорию «звукового каркаса», «опорных трезвучий», которые являются основой стихотворения. По Шаламову, именно «звуковой каркас — главное для поэта», звук в стихотворении, отмечает Шаламов, «уже есть вид содержания» (Варлам Шаламов, 2013, т. 7, с. 254, с. 256). Свою мысль Шаламов доказывал на примере поэзии разных эпох, особенно останавливаясь и на блоковской лирике: «Великим мастером звуковой магии был Блок» (Варлам Шаламов, 2013, т. 7, с. 253). Уже современники обращали внимание на исключительную значимость фонетического компонента в блоковских стихотворениях. Так, Андрей Белый отмечал: «Александр

Блок — наиболее певучий поэт, осуществляющий музыку своих ритмов и красок, словесной инструментовки непредвзято, произвольно: аллитерации и ассонансы других модернистов все еще сидят на внутренней пульсации как-то внешне; и — отстают, как броня; расположение, сочетание блоковских слов произвольно сливаются с внутренним ритмом поэзии; чисто блоковские повторения слов, игра повторений — выражение ритма Музы» (Андрей Белый, 2004). Шаламов при размышлениях о фонетической организации блоковской поэзии обращается к стихотворениям «На островах» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 112–114; 2013, т. 5, с. 33–34), «В ресторане» (Варлам Шаламов, 2013, т. 5, с. 139; 2013, т. 5, с. 22) и др. В лирике самого Шаламова звуковой компонент наделен исключительной значимостью, что связывает поэта с символистской традицией в целом и, в том числе, с художественным мышлением Блока.

Поэтические миры Шаламова и Блока, на первый взгляд, кажутся весьма далекими друг от друга. Типично символистская идея двоемрия, так или иначе оставшаяся значимой на всем протяжении творческого пути Блока, — и практически полное отсутствие в мироощущении Шаламова каких бы то ни было мистических элементов. Черты романтической поэтики, столь явственно отразившиеся в поэтическом мире Блока, — и значительно менее ощутимые элементы влияния романтизма на мышление Шаламова. Многогранное, противоречивое и неисчерпаемое в своем творческом богатстве постижение мира города, свойственное Блоку, — и очевидно выраженная «природная» доминанта лирики Шаламова, отчетливо обозначенный натурфилософский вектор его поэтических размышлений. Но преемственность Шаламова по отношению к Блоку несомненна и еще требует дальнейшего научного исследования.

Библиографический список

Апанович Ф. Великий гнев — биография Варлама Шаламова в перспективе созданного автором мифа / пер. с польск. М. Глушко // *W kręgu literatury rosyjskiej*. Gdansk, 1996. URL: <https://shalamov.ru/research/148/>.

Волкова Е.В. Варлам Шаламов: поединок слова с абсурдом // *Вопросы литературы*. 1997. №6. URL: <https://shalamov.ru/research/57/>

Голубков М.М. Революция как метаморфоза: к вопросу об одной литературной полемике 1920-х гг. // *Литература и революция. Век двадцатый*. Вып. 4. М., 2018.

Долгополов Л.К. Александр Блок. Личность и творчество. Л., 1984.

Енишерлов В.П. Александр Блок. Штрихи судьбы. М., 1980.

Есипов В. Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова) // Шаламов В. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 1. СПб., 2020.

Есипов В. Примечания // Шаламов В. Стихотворения и поэмы : в 2 т. Т. 2. СПб., 2020а.

Жаравина Л.В. Цикл А. Блока «Заключение огнем и мраком» в художественном контексте В. Шаламова: параллели и контрпараллели // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. №4 (117).

Жаравина Л.В. Поэзия как судьба. Мировые образы Варлама Шаламова. М., 2019.

Кротова Д.В. Суждения о поэзии в мемуарном и эпистолярном наследии В. Шаламова // Филология и человек. 2019. №2.

Нагина К.А. «Метельный» мир в творчестве А. Блока, А. Белого, В. Брюсова на фоне литературной традиции // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 3.

Шрейдер Ю. «Граница совести моей» // Новый мир. 1994. №12. URL: <https://shalamov.ru/critique/205/>

Источники

Белый А. Поэзия Блока // Александр Блок: Pro et contra. СПб., 2004. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1917_poezia_bloka.shtml

Блок А. Собрание сочинений. В 8-и тт. М.–Л., 1960–1963.

Блок А. Записные книжки. М., 1965.

РГАЛИ. Фонд 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов // Шаламов В. Собрание сочинений. В 7-и тт. Т. 7. М., 2013.

Шаламов В. Записи о Блоке // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 183.

Шаламов В. Лед // РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 2.

Шаламов В. Собрание сочинений: в 7 т. М., 2013.

Шаламов В. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб., 2020.

References

Aranovich F. *Velikiy gnev — biografiya Varlama Shalamova v perspektive sozdannogo avtorom mifa*. [Great anger — a biography of Varlam Shalamov in the prospect of the myth created by the author]. In: *W kręgu literatury rosyjskiej*. [In the sphere of Russian literature]. Gdansk, 1996. URL: <https://shalamov.ru/research/148/>

Dolgoplov L.K. *Aleksandr Blok. Lichnost' i tvorchestvo*. [Alexander Blok. Personality and creativity]. Leningrad, 1984.

Enisherlov V.P. *Aleksandr Blok. Shtrikhi sud'by*. [Alexander Blok. Touches of fate]. Moscow, 1980.

Esipov V. *Stikhi posle Kolymy (poeticheskiy dnevnik Varlama Shalamova)*. [Poems after Kolyma (poetic diary of Varlam Shalamov)]. In: *Shalamov V. Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, 2020.

Esipov V. *Primechaniya* [Notes]. In: *Shalamov V. Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg, 2020a.

Golubkov M.M. *Revolyutsiya kak metamorfoza: k voprosu ob odnoy literaturnoy polemike 1920-kh gg.* [Revolution as metamorphosis: on a literary controversy of the 1920-ies]. In: *Literatura i revolyutsiya. Vek dvadtsaty.* [Literature and revolution. XX century]. Iss. 4. Moscow, 2018.

Krotova D.V. *Suzhdeniya o poezii v memuarnom i epistolyarnom nasledii V. Shalamova*. [Comments on poetry in V. Shalamov's memoirs and epistolary legacy]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

Nagina K.A. *"Metel'nyy" mir v tvorchestve A. Bloka, A. Belogo, V. Bryusova na fone literaturnoy traditsii*. [The "snow-storm" world in the works by A. Blok, A. Bely, V. Brusov in the context of literature tradition]. In: *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 9. 2011. Iss. 3.

Shreyder Yu. *"Granitsa sovesti moey"*. ["The border of my conscience"]. In: *Novyy mir*. [New world]. 1994. No. 12. URL: <https://shalamov.ru/critique/205/>

Volkova E.V. *Varlam Shalamov: poedinok slova s absurdum.* [Varlam Shalamov: duel of words with absurdity]. In: *Voprosy literatury*. [Literature issues]. 1997. No. 6. URL: <https://shalamov.ru/research/57/>

Zharavina L.V. *Tsikl A. Bloka "Zaklyatie ognem i mrakom" v khudozhestvennom kontekste V. Shalamova: paralleli i kontrparalleli*. [Cycle by A. Blok "The spell by fire and darkness" in the context of art of V. Shalamov: the parallels and counter-parallels]. In: *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*. [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences]. 2017. No. 4 (117).

Zharavina L.V. *Poeziya kak sud'ba. Miroobrazy Varlama Shalamova*. [Poetry as destiny. World images of Varlam Shalamov]. Moscow, 2019.

List of sources

Bely A. *Poeziya Bloka* [Blok's poetry]. In: *Aleksandr Blok: Pro et contra*. [Alexander Blok: Pro et contra]. St. Petersburg, 2004. URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_1917_poezia_bloka.shtml

Blok A. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 8 vols. Moscow–Leningrad, 1960–1963.

Blok A. *Zapisnye knizhki*. [Notebooks]. Moscow, 1965.

Sirotninskaya I.P. *Moy drug Varlam Shalamov*. [My friend Varlam Shalamov]. In: *Shalamov V. Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 7 vols. Vol. 7. Moscow, 2013.

Shalamov V. *Zapisi o Bloke*. [Notes about Blok]. In: *RGALI*. [The Russian State Archive of Literature and Arts]. Fund 2596. Inventory 3. Unit 183.

Shalamov V. *Led*. [Ice]. In: *RGALI*. [The Russian State Archive of Literature and Arts]. Fund 2596. Inventory 3. Unit 2.

Shalamov V. *Sobranie sochineniy*. [Collected works]. In 7 vols. Moscow, 2013.

Shalamov V. *Stikhotvoreniya i poemy*. [Poems]. In 2 vols. St. Petersburg, 2020.

РОМАН «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» В КОНТЕКСТЕ ПИСЕМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ВРЕМЁН КУЗНЕЦКИХ СОБЫТИЙ¹³

Е.Д. Трухан

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бедные люди», Кузнецк, кузнецкий период, письма, творческое сознание автора.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «Poor Folk», Kuznetsk, Kuznetsk period, letters, creative consciousness of the author.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-08

В последнее время в достоевсковедении появились научные работы, представляющие новые исследовательские взгляды на роман «Бедные люди» (1845). Они выходят за рамки традиционных представлений (см., например: [Ермилов, 1956; Фридлендер, 1964; Кирпотин, 1978]; Кирпотин, 1980; Нечаева, 1979; Назиров, 1982; Богданова, 1997; Ветловская, 1988] и дают новую аксиологическую оценку произведению, тем самым пересматривая его место в литературном наследии писателя и мировой литературе. Среди исследователей, которые формируют такой корпус работ К.А. Баршт [1982; 1994; 2009; 2009а; 2010; 2012; 2014], Н.Е. Разумова [2009], С.М. Шаврыгин [2010] и др.

В данной статье мы обратимся к эпистолярию Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий (1855–1857), который, на наш взгляд, также помогает расширить границы понимания романа «Бедные люди».

Один из известных советских литературоведов А.С. Долинин, воспользовавшись «возможностью следить шаг за шагом за всеми этапами творческой работы писателя» [Долинин, 1947, с. 4], в книге «В творческой лаборатории Достоевского» определил на примере романа «Подросток» несколько фаз создания сложного и многоуровневого романного полотна. Среди них он отметил появление «различных литературных откликов», которые возникают, когда «воображение художника неудержимо работает по самым отдалённым ассоциациям, пока не начинают выделяться какие-то образы с более определёнными чертами, соответственно уже намечающимся каким-то идеям: будущие герои романа» [Долинин, 1947, с. 4].

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002.

Подобные отклики рождаются у Достоевского не только в процессе работы над художественным произведением, но и в эпистолярной. Во времена кузнецких событий они извещают об особой ситуации, происходящей в творческом сознании автора — интенсивном литературном процессе, острой постановке эстетического вопроса в эпистолярном дискурсе. В этом смысле отклики выполняют функцию своеобразных маркеров. С одной стороны, «сигналият», что мы имеем дело не с бытовым посланием и не с обычным информационным сообщением, а со сложной эпистолярной структурой с элементами художественного текста. С другой стороны, определяют направления, критерии и рамки эстетических поисков писателя. Вторично возвращаясь в литературу, Ф.М. Достоевский вновь проходит известный ему по раннему творчеству путь: от реальности к эпистолярному посланию, а затем от эпистолярного текста — к художественному. Разница лишь в том, что этот путь, опять осуществляемый адресатом на эпистолярной платформе, становится гораздо более сложным и запутанным.

А. С. Долинин утверждает, что за «откликами» у Достоевского следует новая фаза творческой работы — выбор и окончательное определение эстетического идеала. В эпистолярных посланиях времён кузнецких событий появляются разнообразные отклики и реминисценции из русской и зарубежной литературы (Н.В. Гоголь, М. Ж.Э. Сю, Дж. Теннер, А.Р. Лесаж, Ж.Б. Мольер, Д. Дефо), но именно прямая адресация к «Бедным людям», отклики на данный роман однозначно говорят о том, что эстетическим идеалом в момент второго вхождения писателя в литературу становится его собственный ранний роман в письмах.

В эпистолярной 1855–1857 годов встречаются четыре фрагмента, посвященные «Бедным людям». Рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, обратим внимание на послание А.Е. Врангелю от 23 марта 1856 года, где роман «Бедные люди» появляется дважды. Первое упоминание «Бедных людей» представляет собой точку зрения писателя на своего «первенца» с высоты прожитых лет. Благодаря широкому контексту вырисовывается аксиологическая значимость романа для Достоевского, уже пережившего каторжные годы:

Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так, как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше «Бедных людей». Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого нельзя было выхлопотать), ведь это гул пойдет, книга раскупится, доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. <...>

Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь (Федор Достоевский, 1985, с. 214).

После Омского острога писатель воспринимает «Бедных людей» как знаковый рубеж, символ необычайного литературного успеха, синоним понятия «идеальное во всех смыслах литературное произведение». В его семантическое поле он включает многие смыслы: официальное разрешение на печать своих творений; нормализацию отношений с правительством; достойный гонорар, позволяющий автору зарабатывать литературным трудом, кормить себя и свою семью; основательно созревшие, оформившиеся в творческом сознании, писательские замыслы; «энергию к письму» (Федор Достоевский, 1985, с. 214), внутреннюю тягу писать; высокую оценку произведения известными критиками и коллегами-литераторами ещё до его выхода в печать; признание широкой читательской аудитории; значительный уровень продаж художественного произведения; заслуженное место и вес автора в литературной среде; собственные оригинальные активы, творческий потенциал, которые раскроют писателя с неожиданной стороны и перед читателем, и перед самим собой.

Выбор «Бедных людей» в качестве эстетического идеала прочитывается как повторное восхождение на высшую творческую позицию с целью самоопределения новой эстетической. Дебютный эпистолярный роман становится важнейшей точкой отсчета, эталоном высокохудожественного письма, ориентиром для будущих творений. Это — высшая ступень, но её следует перешагнуть. Только вторичное достижение высоты и её преодоление гарантируют Достоевскому возвращение в литературу. Эти же смыслы, связанные с новым восприятием «Бедных людей» в 1850-е годы, раскрываются в письме к брату Михаилу от 24 марта 1856 года, где мы встречаем второе упоминание романа:

... я бы добился до позволения печатать. Полежаев, Марлинский печатали же. Тогда я и обеспечен и по-здешнему даже богат (от литературы я многого ожидаю. Представь себе сочинение замечательное, как «Бедные люди»; и тогда на меня все обратят внимание даже свыше). <...> если б мне и отказали, то 1-й год брака я бы мог обеспечить себя и жить, не прибегая, наприм<ер>, к тебе с просьбою помочь... (Федор Достоевский, 1985, с. 220).

Факт утверждения отклика на самого себя, самореминисценции, знаменателен. Это ретроспекция и интроспекция одновременно, возвращение к себе прошлому для поиска себя будущего, создания себя лучшего. Важно, что самоопределение происходит именно в эпистолярном дискурсе. Погружение в эпистолярный — стихию бесконечного

самотворчества, самопереписывания и саморедактирования — было свойственно Достоевскому. Эту мысль ёмко сформулировал известный российский достоевковед К.А. Баршт: «Осознанное формирование своего голоса или «слога» (письменного фигуратива авторского «голоса») было основным вектором жизни Достоевского не только на подступах к его первому роману «Бедные люди», но и на протяжении всего творческого пути, вплоть до «Пушкинской речи» 1880 г. Особую роль в формировании жанров и повествовательных инстанций в творчестве Достоевского играла, начиная с ранней юности и вплоть до последних произведений писателя, эпистолярная коммуникация» [Баршт, 2012, с. 27].

Эпистолярные тексты Достоевского во время создания «Бедных людей» и в период «грозного чувства» имеют много эмоционально-чувственных и мыслительных пересечений. Это говорит о сходных переживаниях, которые испытывал автор эпистолярия в разные моменты жизни, о единой природе литературного творчества и самотворчества, в том числе — реализующегося через любовь к женщине. В обоих случаях он проявляет себя как автор эпистолярного любовного текста, только в первом пишет его художественный вариант, вжившись в вымышленных литературных героев, а во втором — развивает сюжет любовного романа собственной жизнью, становится в реальности одновременно повествователем и персонажем непридуманной истории, парадоксально перекликающейся с созданным ранее текстом художественной литературы.

Литература как другая реальность занимает особое место в послекаторжный период Достоевского. И это не чужое Слово, а собственное — эпистолярный роман «Бедные люди». Он входит в новый текст Достоевского и «запускает» необратимый и сложный процесс, который Л.И. Сараскина называет «эффekten самоумножения литературы» [Сараскина, 2011, с. 131]: «...первый роман Достоевского стал и в самом деле картиной и зеркалом, выражением страсти и документом; тяга к творчеству, ставка на призвание, упорный труд новичка зафиксировались в «Бедных людях» документально — в виде целой библиотеки «чужих рукописей» [Сараскина, 2011, с. 132].

Решение задачи вновь достичь художественно-эстетического уровня «Бедных людей», то есть воспользоваться этой «библиотекой», а затем совершить качественный переход за её пределы, тесно связано с продолжением пути Макара Девушкина, с тем аспектом самотворчества, где *«слог теперь формируется»* (Федор Достоевский, 1972, с. 108). В отличие от своего героя, Достоевский уже освободился от метаний,

сомнений, обид и страхов по поводу пути в литературе, окончательно осознал его единственность, созрел и утвердился в мысли, что литература — это его жизнь. Не писать стало для него великой мукой. «...*Сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать*», — признаётся он в январе 1856 года А. Н. Майкову (Федор Достоевский, 1985, с. 209). Тем не менее, странноватый литературный герой Макар Деушкин и в послекаторжное время не покидает Достоевского. Напротив, продолжает жить в его творческом сознании, организуя связи с другими «персонажами», возникающими уже в нехудожественной реальности. Этот процесс внутренней работы писателя соединен с пасхальным мотивом воскресения, возрождения к новой жизни и с выбранным им направлением экзистенциального эстетического поиска [Разумова, 2009].

Охваченный процессом самотворчества, литературно выстраивающий себя Достоевский отмечает влияние литературы и на эпистолярный дискурс. Переписка времён кузнецких событий демонстрирует новый этап его внутренней жизни, где зыбки границы между действительностью и художественным миром, где сквозь частную жизнь личности отчётливо проступает творческое поведение, и бытовой поступок индивидуума перетекает в литературный жест. Продолжая удерживать в творческом сознании «Бедных людей», Достоевский в эпистолярии кузнецкого периода вдруг¹⁴ указывает на точку соприкосновения реальности и литературы, событий в Кузнецке и сюжетной линии своего первого романа в письмах. В письме А.Е. Врангелю 23 марта 1856 года, писатель обозначает метаморфичность¹⁵ знакового момента:

Беденькая! Она измучается. Ей ли с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!) (Федор Достоевский, 1985, с. 218).

Это третье упоминание романа «Бедные люди» в переписке Достоевского времён кузнецких событий. Изумившая писателя догадка о перекочёвывании сюжета из литературы в реальность сопровождается прозрением. Роман «Бедные люди» неожиданно для него раскрывается с неочевидной стороны — становится носителем провидческой эстетики. Иными словами, с ним оказывается связана та самая худо-

¹⁴ Слово «вдруг» напрямую связано с процессом создания романа «Бедные люди», входит в семантическое поле осуществления замысла произведения. В январском номере «Дневника писателя» 1877 года Достоевский дважды указал на то, что работу над романом начал «вдруг», резко изменив свои прежние планы, в начале зимы 1844 года.

¹⁵ Термин исследователя С.М. Шаврыгина.

жественная неожиданность, о которой Достоевский говорил в письме А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 года.

Проживая себя как герой романа «Бедные люди» на страницах писем середины XIX века, воспринимаемая окружающими персонажами раннего эпистолярного романа, Достоевский значительно углубляет сентиментальную, социально-историческую, бытовую и, особенно, — любовную линии своей жизни, ведёт работу над пророческими и жизнетворческими модусами собственной судьбы. Последнее видится в продолжении эпистолярного романа «Бедные люди» в реальности: развитии любовного кузнецкого сюжета на страницах писем, сравнении Марии Дмитриевны с Варенькой Доброселовой, переключках качеств реальных и литературных героев, а также в разработке ключевых мотивов (бедности, денег, хрупкости и иллюзорности мечтаний, невозможности изменения жизненных обстоятельств и др.). Здесь важен и разговор о судьбе первого брака Достоевского, «о цене, которую порой приходилось платить за эйфорию восприятия жизни как своего рода эстетического феномена» [Гречишкин, Лавров, 2004, с. 61].

Если в движении к «Бедным людям» творческой лабораторией Достоевского стала переписка только с одним адресатом — братом Михаилом, то после каторги постоянными адресатами писателя оказываются сразу несколько человек.

Во-первых, Мария Дмитриевна Исаева: женщина-Муза, интересная эпистолярная собеседница, потенциальная литературная героиня. *«Она вполне мне пара. Мы одинакового образования, по крайней мере, понимаем друг друга, одних наклонностей, правил. Мы друзья издавна. Мы уважаем друг друга, я люблю ее...»*, — откровенно обозначал Достоевский родной сестре В.М. Карепиной духовные скрепы со своей корреспонденткой (Федор Достоевский, 1985, с. 261–262).

«... Мы переписывались каждую почту» (Федор Достоевский, 1972–1990, 28/1, с. 261), *«Каждую неделю мы переписываемся»* (Достоевский, 1985, с. 202), — сообщал он важную информацию о количественном статусе данного эпистолярия. Что касается его качества, то судить о нём можно только по единственному сохранившемуся письму от 4 июня 1855 года. Именно его поэтика представляет некоторые особенности нового авторского слова на грани эпистолярного и художественного текстов. Письма Достоевского к Исаевой — это своего рода альтернативный вариант развития «Бедных людей»: вынужденное реальное расставание переводит переписку персонажей на новый виток, и в конце концов слёзы и «прощание навсегда» оборачиваются венчанием главных героев. Непредсказуемость в разрешении событий и кон-

фликтов, многочисленные варианты сюжетных линий героев, их судеб впоследствии мы встретим в романах «Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы».

Вторым значимым адресатом Достоевского в 1850-е годы становится барон А.Е. Врангель — адвокат, областной прокурор Семипалатинской области, стряпчий казенных и уголовных дел, поверенный «грозного чувства» писателя. Именно через письма к нему мы получаем основную информацию о событиях в Кузнецке, о всех перипетиях первой любви Достоевского. Это особая переписка. Её можно назвать «второй редакцией» писем к Исаевой или заново переписанным для другого лица, друга, любовным романом писателя. Важно, что сюжет его остаётся тем же, но меняется коммуникативная позиция рассказчика, ракурс представления истории. В этом смысле письма Достоевского к Врангелю прочитываются как письма-двойники. Так своеобразно тема двойничества вновь находит творческое воплощение, но уже в эпистолярной.

В-третьих, среди эпистолярных собеседников стоит упомянуть Елизавету Михайловну Неворотову, молодую торговку калачами с семипалатинского базара. Достоевского к ней по стилистике напоминали «Бедных людей». Сохранившиеся отрывочные сведения об их содержании, например, полученные от Нины Готфридовны Никитиной — племянницы Неворотовой, говорят о литературности этого эпистолярного произведения. Никитина уверяет, что Фёдор Михайлович, главным образом на правах старшего, давал Е.М. Неворотовой советы и наставления и «подкреплял её в борьбе», «иногда писал ей комплименты» [Феоктистов, 1928, с. 124]. В контексте размышлений о самотворчестве и литературности поведения Достоевского Никитина сделала очень важный вывод: «Скорее, он писал для себя, забывая своего адресата, писал то, что накопилось невысказанным за долгие тяжелые и одинокие дни. Та искренность и теплое чувство, которым были пропитаны послания Достоевского, говорят уже о том, что он сам был рад возможности взяться за перо и писать человеку, бесхитростно ориентирующемуся в своих переживаниях» [Феоктистов, 1928, с. 124].

Добавим, что известный достоевковед И.Л. Волгин, рассказывая о переписке с Неворотовой, также внёс существенное замечание: «... в своих письмах, касающихся М.Д. Исаевой, Достоевский неоднократно повторяет: «я честный человек». Он желает созидать свои отношения с будущей женой именно на этом фундаменте. Но, как выясняется, с «Лизанькой» он ведет себя точно таким же образом. Губенко излагает содержание писем: «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал её руки, предлагая свою жизнь в помощь воспитания её малолетних

сестёр» [Волгин, 2013, с. 1047]. Подобное поведение адресанта, думается, не стоит трактовать как личностную непорядочность или бытовой проступок, отклонение от морально-этических норм; не стоит уводить разговор и в сторону ветрености мужской натуры. В новых расширившихся эпистолярных обстоятельствах Достоевский проявляет себя не иначе как писатель. Творческое поведение адресанта в реальности, мысли о собственной жертве в контексте совершенно невозможного гипотетического брака поддерживают версию о глубокой литературности эпистолярного текста после каторги, утверждают факт существования промежуточного, эпистолярно-художественного текстового варианта, в основном, к сожалению, утраченного. Своими корнями этот вид эпистолярного дискурса уходит в роман «Бедные люди». И, что показательное, именно он, жанрово решенный как интимно-дружеское послание к женщине, становится спасительным для художника слова.

Важную роль в появлении эпистолярного текста, через который пробиваются «ростки» художественного, играют особенные образы адресаток. Судьбы их незавидны, но не могут не тронуть Достоевского. Сама реальность будто сочиняла героинь, образы которых были парадоксально сходны и остро отзывались в его сердце. Елизавета Михайловна — «набожная», «сирота, одинокая девственница, воспитывавшая большую семью сестёр и братьев», отдала себя в жертву, заглушила собственные «интересы к жизни и возможному счастью» [Феоктистов, 1928, с. 123]. Мария Дмитриевна — вдова бедного чиновника, внезапно умершего в маленьком и незнакомом сибирском городе, очень религиозная, гордая, с малолетним ребёнком на руках, без средств к существованию... Стоит вспомнить, что в письмах кузнецкого периода Достоевский, подробно рассказывая о существовании у Марии Дмитриевны отца и других родственников, тут же утверждает, что она «*вдова и сирота в полном смысле слова*» (Федор Достоевский, 1985, с. 261). То есть вновь видит её более как литературную героиню, нежели как реального человека. Отметим, но и судьба интимно-дружеского эпистолярия Достоевского к Исаевой и Неворотовой оказалась почти одинакова: более двух десятков тайных писем к молодой калашнице, «длинных, написанных одинаковым, но нервным почерком» [Феоктистов, 1985, с. 123], почти никем не читанных, пропали в Семипалатинске в 1919 году, а двухлетняя переписка с Марией Дмитриевной оказалась уничтоженной А.Г. Сниткиной (Достоевской), второй женой писателя.

Увеличение числа важных для писателя адресатов производит непредсказуемую для самого автора реакцию между действительностью, эпистолярием и художественным текстом. Сам же автор, становясь про-

должением текста литературного, в свою очередь, начинает выстраивать реальную жизнь по законам литературного произведения, развиваться в его логике. Чего стоит, например, появление во многих письмах конспективных набросков посланий другим лицам. Созданные Достоевским от имени адресата (А.Е. Врангеля он дважды просит писать М.Д. Исаевой, М.М. Достоевского — С.А. Ламоту и опять же М.Д. Исаевой), они представляют собой попытку автора-демиурга взять под контроль развитие жизненного сюжета, выстроить реальность в соответствии с логикой литературного произведения и собственными представлениями о развитии житнетекста.

Творческое поведение Достоевского в эпистолярном дискурсе в XXI веке эксплицируется и в других аспектах. Перечислим некоторые из них. Например, оно заметно в продвижении сюжетной линии, связанной с семьей Исаевых. Об этом он пишет А.Е. Врангелю, М.М. Достоевскому, В.М. Карепиной, Э.И. Тотлебену, И.В. Ждан-Пушкину, Д.С. Константу. Оставаясь целостным, сюжет семейной истории обогащается, приобретает свежие вариации и обертоны или вовсе сворачивается до *«обстоятельства чисто личного»* (Федор Достоевский, 1985, с. 225). В реальности сохраняется типология «героев», сохраняется проблематика «жизне-произведения» Достоевского: бывший каторжник, бесправный бессрочный солдат и бедная вдова чиновника — те самые «бедные люди» — вновь ощущают крайние нужды в деньгах, каждодневно думают о «куске хлеба», а для организации их свадьбы и венчания требуется всё, вплоть до рубашек. До и во время кузнецкого венчания остаётся недосказанность, до последнего остаётся интрига, непредсказуемость и вариативность в развитии событий, в разрешении кузнецкого любовного треугольника (*«если не помешает одно обстоятельство, то я до масленицы женюсь»*) (Федор Достоевский, 1985, с. 252). В письме к М.Д. Исаевой в двух словах намечается разговор о наследстве и бабушке с моськами. К слову, типологически схожий персонаж позднее мы увидим в «Униженных и оскорбленных»: графиня с собачками, одну из которых дрессирует Алеша Валковский, как будто выходит в литературный мир из письма Достоевского от 4 июня 1855 года.

Кроме того, в эпистолярной возникает «сырой материал» для творчества — новые темы, мотивы, образы, которые впоследствии смогут получить литературное развитие. К примеру, существует «свернутая», вполне в стилистике Достоевского, история с одолжившим деньги на свадьбу Н.Н. Ковригиным. Или контурно обозначается гипотетическая «линия гибели» Марии Дмитриевны — новой Вареньки Доброселовой — в Кузнецке:

... И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда еще она <нрзб>, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? (Федор Достоевский, 1985, с. 235).

Сложное взаимодействие событий реальности, эпистолярия и литературного текста фактически открывает следующую страницу художественного мира Достоевского — роман «Униженные и оскорблённые», который может быть прочитан как продолжение «Бедных людей». Подтверждением тому служат постоянные апелляции к этому роману, чтение и обсуждение его персонажами, и, конечно, четвертое упоминание его в переписке Достоевского кузнецкого периода — в письме к М.М. Достоевскому от 3 ноября 1857 года. Рассказывая о своих ближайших литературных планах, наряду с грандиозным по масштабам произведением «величиною с Диккенсовы романы» (Федор Достоевский, 1985, с. 281), который так и не увидел свет, он упоминает повесть «Село Степанчиково и его обитатели» и «роман из петербургского быта, вроде “Бедных людей” (а мысль еще лучше “Бедных людей”）」 (Федор Достоевский, 1985, с. 289), то есть роман «Униженные и оскорбленные».

Интересно, что некоторые писательские суждения, пунктирно намеченные в эпистолярии 1850-х годов, обретут в «Униженных и оскорбленных» художественную плоть. Так, сначала упомянутый князем Валковским, а затем внезапно явившийся в эпилоге антрепренёр — «драгоценнейший Александр Петрович» (Федор Достоевский, 1972, с. 423) — становится воплощением «образа с более определёнными чертами» [Долнин, 1947, с. 4], реализующего эпистолярную идею Достоевского о популярности автора в читательской среде и литературном продвижении.

Подчеркнём, что большинство фрагментов эпистолярия, касающихся романа «Бедные люди», возникают у Достоевского в марте 1856 года, то есть за три месяца до его поездок в Кузнецк. Иначе говоря, литературные сюжеты, параллели и ассоциации, вовлекающие реальных героев в романный круг, оказываются порождены исключительно художественным текстом. В контексте его постоянно живет автор, формирующий личное представление о Кузнецке через эпистолярные (М.Д. Исаева) и случайные городские источники (разговоры друзей, намёки, слухи и сплетни «кузнецких кумушек» и др.). Словом, уже в письмах 1850-х годов появляется другой информационный круг, опосредованно связанный с развитием событий, но значимый в художественном мире зрелого Достоевского. Эпистолярный текст, способный вместить в себя разножанровые элементы, после каторги вновь превращается в творческую лабораторию Достоевского. Здесь он заново учится владеть художественным

материалом, вырабатывает новые качества письма. По своей функции эпистолярный 1850-х годов приближается к рабочему черновику, творческой тетради, где происходит апробация изобразительно-выразительных средств, поиск образов и сюжетных линий.

В заключение добавим, что Достоевский неоднократно возвращался к роману «Бедные люди», переписывал его (известны редакции 1847, 1860 и 1865 годов), то есть долгое время продолжал жить в его контексте. Этот факт проливает свет на особенности авторского творческого мышления, реализацию пророческих и житнетворческих модусов этого текста и, несомненно, на его связь с кузнецкими событиями биографии писателя.

Библиографический список

Баршт К.А. «Маленькая рама» эпистолярного романа. Ранние письма Ф.М. Достоевского и роман «Бедные люди» // Литературная учеба. 1982. № 4.

Баршт К.А. Две переписки. Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3.

Баршт К.А. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: «орден» и иные «награждения» Макара Девушкина: дополнения к комментарию // Достоевский и мировая культура. № 25. М., 2009.

Баршт К.А. Чиновник 9-го класса Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди» Достоевского. Дополнение к комментарию) // Новый филологический вестник. 2009а. № 1 (8).

Баршт К.А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.

Баршт К.А. Эпистолярная форма и двойная наррация в повествовательной модели Ф. М. Достоевского // Достоевский: Философское Мышление, Взгляд Писателя. СПб., 2012.

Баршт К.А. Двойной повествователь и двойной персонаж в «незакрытом» диалоге Ф. М. Достоевского (от «Бедных людей» к «Двойнику») // Вопросы философии. 2014. № 2.

Богданова О.А. Ф.М. Достоевский // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М., 1997.

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004.

Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского (история создания романа «Подросток»). М, 1947.

- Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский. М., 1956.
- Кирпотин В.Я. Избранные работы в трех томах. М., 1978. Т. 2–3.
- Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., 1980.
- Назирова Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский 1821–1849. М., 1979.
- Разумова Н.Е. «Стихи» и «фальшала»: формирование экзистенциального дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Литературный календарь: книги дня. 2009. № 4 (1).
- Сараскина Л.И. Достоевский. М., 2011.
- Феоктистов Н.В. Пропащие письма Достоевского // Сибирские огни. 1928. № 2.
- Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.
- Хроника рода Достоевских. Волгин И.Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. Мю, 2013.
- Шаврыгин С.М. Жанровая структура и структуры художественного сознания (на примере романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (49).

Источники

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990.

References

- Barsht K.A. «*Malen'kaya rama*» *epistolaryaroma*. *Rannie pis'ma F. M. Dostoevskogo i roman «Bednye lyudi»*. [The “Little Frame” of the epistolary novel. Early letters of F. M. Dostoevsky and the novel “Poor Folk”]. In: *Literaturnaya ucheba*. [Literary studies]. 1982. No 4.
- Barsht K.A. *Dve perepiski. Rannie pis'ma F. M. Dostoevskogo i ego roman «Bednye lyudi»*. [Two conversations. Early letters of F.M. Dostoevsky and his novel “Poor Folk”]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture]. Moscow, 1994. No 3.
- Barsht K.A. «*Bednye lyudi*» F.M. Dostoevskogo: «orden» i inye «nagrazhdeniya» Makara Devushkina: *dopolneniya k kommentariyu*. [“Poor Folk” by F. M. Dostoevsky: “order” and other “awards” by Makar Devushkin: additions to the commentary]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture]. Moscow, 2009. No 25.
- Barsht K.A. *Chinovnik 9-go klassa Makar Alekseevich Devushkin («Bednye lyudi» Dostoevskogo. Dopolnenie k kommentariyu)*. [The official

of the 9th class Makar Alekseevich Devushkin (“Poor Folk” by Dostoevsky. Addendum to the comment)]. In: *Novyj filologicheskij vestnik*. [New Philological Bulletin]. 2009a. No 1 (8).

Barsht K.A. «Bednye lyudi» Dostoevskogo v literaturnom i istoriko-kul'turnom kontekste. [Dostoevsky's “Poor Folk” in the literary and historical-cultural context]. In: *Dostoevskij: materialy i issledovaniya*. [Dostoevsky: materials and researches]. St. Petersburg, 2010. Vol. 19.

Barsht K.A. *Epistolyarnaya forma i dvojnaya narraciya v povestvovatel'noj modeli F.M. Dostoevskogo*. [Epistolary Form and Double Narrative in F. M. Dostoevsky's narrative Model]. In: *Dostoevskij: Filosofskoe Myshlenie, Vzglyad Pisatelya*. [Dostoevsky's Philosophical Thinking, The Opinion Of The Writer]. St. Petersburg, 2012.

Barsht K.A. *Dvojnnoj povestvovatel' i dvojnnoj personazh v «nezakrytom» dialoge F. M. Dostoevskogo (ot «Bednyh lyudej» k «Dvojniku»)*. [Double narrator and double character in the “unclosed” dialogue of F. M. Dostoevsky (from “Poor Folk” to “Double”)]. In: *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy]. 2014. No 2.

Bogdanova O.A. *F.M. Dostoevskij*. [F. M. Dostoevsky]. In: *Natural'naya shkola i ee rol' v stanovlenii russkogo realizma*. [The “Natural School” and its Role in the Development of Russian Realism]. Moscow, 1997.

Vetlovskaya V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»*. [The novel by F.M. Dostoevsky “Poor Folk”]. Leningrad, 1988.

Grechishkin S.S., Lavrov A.V. *Simvolisty vblizi: ocherki i publikacii*. [Symbolists near: Essays and publications]. St. Petersburg, 2004.

Dolinin A.S. *V tvorcheskoi laboratorii Dostoevskogo (istoriya sozdaniya romana «Podrostok»)*. [In the creative laboratory of Dostoevsky (the story of the creation of the novel “The Teenager”)]. Moscow, 1947.

Ermilov V.V. *F.M. Dostoevskij*. [F. M. Dostoevsky]. Moscow, 1956.

Kirpotin V.Ya. *Izbrannye raboty v trekh tomakh*. [Selected works in 3 volumes]. Moscow, 1978. Vol.2, Vol.3.

Kirpotin V.Ya. *Mir Dostoevskogo. Etyudy i issledovaniya*. [The world of Dostoevsky. Etudes and studies]. Moscow, 1980.

Nazirov R.G. *Tvorcheskie principy F. M. Dostoevskogo*. [F.M. Dostoevsky's Creative Principles]. Saratov, 1982.

Nechaeva V.S. *Rannij Dostoevskij 1821-1849*. [Early Dostoevsky 1821–1849]. Moscow, 1979.

Razumova N.E. «Stihi» i «fal'bala»: formirovanie ekzistencial'nogo diskursa v romane F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi». [“Poems” and “Falbala”: the formation of Existential Discourse in the novel “Poor Folk” by F. M. Dos-

toevsky»]. In: *Literaturnyj kalendar': knigi dnya*. [Literary calendar: books of the day]. 2009. No 4 (1).

Saraskina L.I. *Dostoevskij*. [F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2011.

Feoktistov N.V. *Propavshie pis'ma Dostoevskogo*. [Dostoevsky's Missing Letters]. In: *Sibirskie ogni*. [Siberian lights]. 1928. No 2.

Fridlender G.M. *Realizm Dostoevskogo*. [Dostoevsky's realism]. Moscow–Leningrad, 1964.

Hronika roda Dostoevskih. [The Chronicle of the Dostoevsky family]. In: *Volgin I.L. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki*. [Relatives and friends: historical and biographical essays]. Moscow, 2013.

Shavrygin S.M. *Zhanrovaya struktura i struktury hudozhestvennogo soznaniya (na primere romana F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»)*. [Genre structure and structures of Artistic Consciousness (on the example of F. M. Dostoevsky's novel "Poor Folk")]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2010. No 5 (49).

List of sources

Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*. [Full composition of writings]. In 30 volumes. Leningrad, 1972–1990.

РАЙ («ЎСТИГИ ОРООН») И АД («АЛТЫГЫ ОРООН») НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДИБАША КАИНЧИНА

У.Н. Текенова

Ключевые слова: рай и ад, образ, меннипея, Дибаш Каинчин, алтайская литература.

Keywords: heaven and hell, image, mennipeya, Dibash Kainchin, Altaian literature.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-09

В конце XX — начале XXI в. мифологемарая и ада занимает достаточно заметное место в художественной литературе. Но в литературоведении она остается недостаточно изученной. Неисследованной является эта тема и в творчестве выдающегося алтайского прозаика Дибаша Беруковича Каинчина (1938–2012).

В последние годы жизни писатель стал обращаться к вечным проблемам жизни и смерти, конечности земного существования и бессмертия, вины и расплаты, которые нашли яркое отражение в произведениях с философской тематикой. Появление их в творчестве писателя не случайно. Дибаш Каинчин остро и болезненно переживал уход из жизни родного человека, перемены в жизни страны в конце XX — начале XXI в., размышлял о прожитой жизни и давал всему этому художественную интерпретацию. Именно в этот период в его творчестве углубляется исследование человеческой души, внутреннего мира человека, интуитивное понимание неподвластных разуму глубин сознания, пограничных состояний. Это стало новым явлением в алтайской литературе. Писатель обращается к теме двух миров — земного и потустороннего. В мифологиях всех народов мира концепция потустороннего бытия всегда бинарна и в целом соотносится с привычными для сознания понятиямирая и ада. В художественной системе творчества писателя и даже в отдельном произведении эти понятия могут интерпретироваться по-разному, получать дополнительные смыслы или утрачивать некоторые характеристики. У Дибаша Каинчина появляется авторская концепция образоврая («Ўстиги ороон» — «Верхний Мир») и ада («Алтыгы ороон» — «Нижний Мир»), отражающая традиционное представление алтайцев о Верхнем Мире и преисподней.

Изучение образов рая и ада в произведениях Дибаша Беруковича Каинчина в данном исследовании осуществлено на материале рассказов «Как Болот в космос летал» (1984), «Как Герася у нехристей ночевал» (1986), «Наш счастливый бег...» (2004), «Рай» (2009), «А горы-то остались» (2012).

В работе использованы сравнительно-исторический, структурно-семиотический методы, а также метод комплексного анализа текста.

Как известно, в мифологическом мировоззрении любого народа «картина мира есть некая идеальная модель, создание ее — сверхцель любой культуры» [Сагалаев, 1992, с. 44–45]. В алтайской культуре картина мира включает в себя и земное, и потустороннее. Как они соотносятся? Ответ находим в алтайской загадке: «У двух валухов шкуры равны», то есть две основные части мироздания соразмерны. В фольклоре намечена и форма неба. Это выпуклая чаша или купол, края которого соприкасаются с краями земли. <...> Вместе с чашей неба они образуют некую сферу, заключающую в себе реальный мир человека. Иногда в алтайских героических эпосах говорится, что есть «дно Неба» и «дно Земли» — это точки, наиболее удаленные от земной поверхности. Со дна Неба слышится голос божества, со дна Земли поднимаются наверх Эрлик и его слуги, чтобы вмешаться в жизнь человека. На границе мира, как говорится в шаманской поэзии, стоит черный обгоревший пень. Это «судное место», где встречаются духи Неба и Земли, чтобы решить судьбу человека» [Сагалаев, 1992, с. 45–46]. Именно за краем неба и земли, по представлениям предков алтайцев, находится «*чын Алтай*» — «истинная земля (Алтай)». Это иной мир, мир предков, куда уходит человек после смерти, а духи Неба и земли решают, куда ему направиться дальше — в Верхний мир («*Ўстиги ороон*») или в Нижний мир («*Алтыгы ороон*»).

В творчестве писателя наблюдается особая значимость, позволяющая ему глубже понять человеческую природу, полнее раскрыть душевную и духовную стороны жизни человека через сны, различные видения. Поэтому Дибаш Каинчин часто обращается к таким приемам, как сновидение и родственные им состояния (бред, галлюцинации, видения, возникающие под каким-либо внешним влиянием). Рассмотрим это на примере некоторых рассказов писателя.

Обратимся к рассказу «Как Болот в космос летал» (1984), который отличается от остальных своей «мениппейной природой» и содержит размышления писателя о существующем миропорядке и о человеке. Привлекает интерес вертикальное построение пространства произведения: события происходят на планете Земля и в просторах

Вселенной — в «Верхнем Мире» — «*Ўстиги Ороон*», куда герой перемещается (во времени и пространстве) загадочным образом на спине мифической птицы Улу: «*Есть великая птица Улу. Облетает она луну и солнце, облетает все звезды вселенной. Расставляет их по местам, смотрит за порядком в мире. А зимует великая птица в горах голубого Алтая. Поскольку Земля — средоточье Вселенной, и с первым раскатом грома Улу улетает снова в Айлаткыш — просторы вселенной...*» (Дибаш Каинчин, 2004, с. 90). М.М. Бахтин отмечал, что «мениппея часто включает в себя элементы социальной утопии, которые вводятся в форме сновидений или путешествий в неведомые страны» [Бахтин, 2002, с. 133], и мы наблюдаем это в изображении путешествия Болота. Рассказ проникнут глубокими философскими раздумьями о мире, о человеке, в нем отражается традиционное мифологическое представление алтайцев о «трехплановом» построении мира: Подземный мир — Средний Мир — Верхний Мир как «философский универсализм мениппеи» [Бахтин, 2002, с. 131]. Дибаш Каинчин включает в произведение характерный для мениппеи «особый тип экспериментирующей фантастики» — «наблюдение с какой-нибудь необычной точки зрения, например с высоты, при котором резко меняются масштабы наблюдаемых явлений жизни» [Бахтин, 2002, с. 133]. Дибаш Каинчин возносит своего героя над Землей:

Как красив, как величествен, как высок и страшен Алтай! От удивления даже забыл Болот, что улетает неизвестно куда, и кто знает — вернется ли, останется ли в живых. «С такой высоты никто еще не видел Алтай, — и подумал, — если увидел такое — можно и помереть».

Горы, горы, горы...

Великие горы, горы — властители, горы — мудрые старцы... <...> Не зря говорили люди: «Алтай — пуп Земли, средоточие мира (с. 93)¹⁶. В рассказе соотносятся земная жизнь и бытие Вселенной, дается оценка миру и деятельности человека. Главный герой Болот из рода очы — представитель Среднего Мира. О существовании Подземного Мира становится известно из размышлений главного героя о таинственных Дверях, разделяющих два мира:

...Только через них можно попасть в нижний мир, во владение злого Эрлик-Бия, который, усы свои за плечи закинув, ездит по черной реке без весла. Может это и есть те самые двери? Как бы тут не свалиться ненароком, как бы не скатиться в нижний мир! (с. 89).

¹⁶ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2004).

Болот в погоне за раненым козлом оказывается на вершине священной горы Сюмер-Туу. Здесь он замечает загадочное отверстие — яму, окруженную цветами среди зимы. Ему не по себе, но любопытство берет верх: *«стоять у приоткрытых дверей и не узнать — что там за ними — разве это возможно? А если... Ну что же, все мы смертны, всех один конец ждет... Недаром говорят: конь не золотой, когда-то суждено ему пасть, мужчина не бессмертен, когда-то суждено ему погибнуть»* (с. 90). Болот хотел только заглянуть в отверстие ямы, посмотреть, но все же свалился в нее и оказался на спине гигантской спящей птицы. Пробудившись с первым весенним громом от сна, птица летит по Вселенной, а вместе с ней, на ее спине, летит и Болот. В Верхнем Мире Болот оказывается чужим и невидимым: его не встречают, не приветствуют, даже не замечают, что появился земной человек. Только «учуяла» «черная собака» (*«над глазами собаки два светло-коричневых пятна»*) и шаманка. Рассказ приобретает, если воспользоваться выражением М.М. Бахтина, «символический или даже мистико-религиозный» [Бахтин, 2002, с. 129], что проявляется в воспоминаниях героя об алтайском поверье, услышанном из уст мудрого старца:

...Четырехглазые собаки, — прозвучал в ушах у него голос старого сказителя, — они всевидящие, всезнающие. Бога, спустившегося с небес, увидят, и черта, вылезшего из-под земли, заметят... (с. 96).

Сочетая реалистические картины и жизненные черты с мифическими, автор изображает «Верхний мир» (другую планету) как зеркальное отражение Земли — с противоположным знаком. На этой планете все устроено, как на земле: «юрты», «коновязи», «табун лошадей, стадо коров, ...десяток верблюдов, ... овцы, ... сторожевой баран, ...монгольские волкодавы». Юрта также делится на мужскую и женскую половины, но в мужской половине находятся женщины, что говорит о том, что Женщина — глава семьи (что и подтверждается дальнейшим развитием событий). Мужчины — в женской половине юрты и выполняют женскую работу, Отличие от земных людей — *«кушаки у всех затянуты под мышками»*. Болот вспоминает слова старого сказителя о том, что *«так носят кушаки только в верхнем мире»* [Теменова, 2012, с. 128]. Здесь, как и на земле, существует своя сословная иерархия. Рассказ «насквозь пронизан живым дыханием земного человеческого мира, его нормами, идеалами, заботами, полон размышлений мирского характера, реальной борьбы добра и зла» [Рабош, Солдатов, 2014, с. 38]. Впечатления героя о рае противоречивы (и это совпадает с авторской позицией), а все люди этой райской планеты, животные и предметы обладают необычными свойствами и способностями. Болот пе-

ремещается здесь очень легко: он только оттолкнулся «*большим пальцем ноги, а прыгнул на двадцать локтей*». Его прикосновение к человеку этой планеты вызывает сильный электрический разряд, при прикосновении к еде в ней появляются черви. Реализован и мотив превращений. Например, в юрту заходит девушка-шаманка «невиданной красоты», а выходит древняя старуха «с третьим глазом» на лбу и т.д. Неоднократно проявляется контраст земного и небесного. Например, если на земле Алтая существует ритуал окропления молоком из чаши, то на этой планете шаманка из чаши с огнем «*четырежды окропила огнем четыре стороны света*» и т.д. (с. 101).

Писатель создал авторский образ своего рая, Верхнего Мира. Люди на этой планете настолько чисты, что любое касание руки земного человека грозит им гибелью, оскверняет все вокруг. Они так же, как и земные люди, подвержены страданиям, болезням, мукам. Случайно оказавшийся в Верхнем Мире Болот из рода очы, осознавая контраст чувств земных и небесных людей, начинает понимать, что он может уничтожить эту райскую планету. Герой понимает, что ему здесь не место, и с тоской смотрит на небо:

Тьма звезд, а одна среди них ярче других, ближе, живет. Мигает она Болоту зеленым глазком, зовет к себе. Родною, теплою кажется эта звезда Болоту, и сердце почувало, подсказало ему, что это — Земля его, мать родная (с. 99).

Он обращается ней с мольбой, просится обратно:

— Земля моя! — ноги Болота ослабели и он упал на колени. — Колыбель моя! Я твоя частица, я сын твой! Ты меня родила, вскормила, вырастила. Зачем выронила меня, зачем обронила из-за пазухи, где жил я в тепле? Верни меня к себе, пожалей, помоги! Каждому камню твоему кланяться буду, каждый стебелек твой буду хранить. Что я дурного сделал, почему так сильно наказан? Ни одна мать звериная или птичья не погибла от моей стрелы, ни одно дерево живое не упало под моим топором, ни разу за всю свою жизнь не вспорол я, не порушил твой черный покров, дарующий жизнь... Если я сделал это — прости, мать-земля... (с. 99).

Прибегая к приему кольцевой композиции, автор возвращает Болота в его земной мир: по ходу развития действия этому способствует девушка-шаманка, с «*большим, с доньшко чашки*», «алмазным» третьим глазом на лбу. Кроме черной собаки, только она смогла увидеть пришельца и предсказать беды от него Верхнему Миру:

...Со звезды, называемой землею, из среднего мира, где носят кушаки на поясице. Явился к нам нечистый. Наши беды, болезни — из-за него (с. 100).

Размышляя об устройстве мироздания, о природе окружающего человека мира, Дибаш Каинчин мастерски играет понятиями «сон» — «явь». Необычное путешествие Болота в Верхний Мир — «*Ўстиги Ороон*» — это путешествие в рай в видениях героя или во сне. Но пребывание в Верхнем Мире оборачивается для Болота страхом потерять семью, и семейно-бытовые проблемы (сварливая жена, ее упреки Болоту в неумении стать богатым) забываются, он не соглашается на предложение шаманки остаться и понимает, что его счастье — на земле. В финале рассказа Болот возвращается домой и потом в старости рассказывает о своем фантастическом путешествии детям, особенно, когда «бывает в ударе».

Тема рая звучит и в рассказе «Как Герася у нехристей ночевал» (1986). Всю свою жизнь главный герой этого небольшого рассказа и его предки, кержаки, строго соблюдали свою веру: старались не общаться с «нехристями». Герася помнил слова старца деда Кириллы: «*Нехристь, хоть русский, хоть какой — это не человек, — наставлял он. — Бес в ем волен. Особь не якшияся с расейскими. Они тебя...*» (Дибаш Каинчин, 2008, с. 87). Из-за инвалидности Герасю не взяли на фронт, и пришлось ему «*чертомелить все четыре года. Спину теперь разламывает, суставы болят, пухнут*» (с. 84)¹⁷. После войны он решается «перейти на пасеку», в надежде обрести земной рай. Но и здесь его ожидает разочарование: «*Думал, тут — рай. Пчела — не корова, много ли ей надо ухода. Да, как говорится, испугался пенька, а набежал на медведя. Так и у него получилось*» (с. 84).

Для глубинного раскрытия внутреннего мира Герасы автор вводит в рассказ сновидческое начало. Все переживания героя о предстоящей ночевке в чужом доме выливаются в удивительный сон, который можно отнести к «кризисным» снам. В рассказе сон помогает герою понять себя, переродиться. В ирреальном мире Герасы поднимается в небеса и видит рай таким, каким рисовало его воображение:

Сидит Герася на белом облаке высоко в небе. Напротив на таком же облаке сидит, поджав ноги, сам Христос в белых одеждах. Большие, глубокие, пронзительные у него глаза. Ничего от них не скрыть, ничего не утаить. Рядом — Богородица. И так она похожа на Прасковью в молодости... Да ведь это и есть Прасковья!

Поют ласковые, чистые голоса, пахнет летними цветами, свежим медом, птицы разноцветные перелетают. Совсем как в сказке!.. (с. 96).

¹⁷ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2008).

В рассказе автор иронизирует по поводу христианских представлений Герасы о том, кто может попасть в рай. По мысли писателя, отдельные представители рода людского, хоть и не крещенные, более достойны вечного блаженства, чем некоторые крещенные. Например, Бедур-Федор:

И тут из-за облака вырос огромный мужчина. Весь израненный, в шрамах, а на шее у него — креста нет!

Бедур-Федор, воин и работник! Проходи прямо в рай! — Христос поднял руку, приветствуя великана.

Он же нехрист! — закричал Герася.

Знаю, — спокойно прозвучал голос Христа, — но он проливал кровь за Отечество, детей растил, работал честно, был человеком, а с крестом или без креста — неважно. Вот ты, когда у него в избе ночевал...

Чистым я вышел от него! — закричал Герася и свалился с облака, полетел, полетел и ...грохнулся с лавки на пол.

Сел, и так ясно стоял у него в голове сон... (с. 97).

В раю, созданном автором, Христос и Богородица приветствуют ничем не примечательного простого человека — некрещеного Бедура-Федора. Его заслуги перед Отечеством оцениваются выше, чем все старания Герасы остаться чистым, не осквернить себя. Этот рай небесный мало похож на тот, представления о котором создали предки Герасы. И устами этого героя автор ведет полемику с вековыми представлениями о рае, он убежден: чтобы быть счастливым, надо жить в собственном раю, который ты создал для себя сам. Библейский образ рая Герасы противопоставляется земному раю. Для Герасы рай — его пасека, хотя работы там много, но он там живет в своем мире, где отдых и блаженство зависят от него самого. Это его райский уголок, где существует гармония человека с окружающей его природой, душевный покой и безмятежность.

Тема «земного рая», как земного блаженства, звучит и в небольшом рассказе «Тууларыс јеринде» («А горы-то наши остались»). В нем повествуется о семье деда Федота, старовера, когда-то пришедшего в Закаутье и пустившего там свои корни, смешавшись с коренными жителями:

Будто в крепости жили за камень-горю Карганалу. И надежно ограждала их от всего чужого река родная Катунь. Отчуждено жили, замкнуто жили. Чтоб к ним не лезли, чтоб подальше от властей. <...> Вжились, выросли в эти горы (Дибаш Каинчин, 2012).

В рассказе тоже прослеживается авторское представление о рае земном: люди сами являются творцами «рая» и «ада» на земле. Писатель изображает мир, в котором осуществляются все мечты и желания людей:

Земли немерено, «сколь хошь», зверя и рыбы полно; бельчатиной кормили собак и, не хариус или таймень, рыбу отдавали курам да кошкам. Чем тебе не Беловодье... Работяги были, трудяги, вот через что у них достаток. <...> ... Дышали воздухом таежным, пили воду чистейшую из-под ледников, мёд ели прямо из сот. И, что скрывать-то, кровь маралью могли себе позволить (2012).

Дед Федот и его дети создали свой собственный рай на земле своим же трудом и были счастливы.

Дибаш Каинчин, используя богатую палитру языковой выразительности, раскрывает и концепцию ада на земле. Идиллическую картину «земного рая» в рассказе разрушает «земной ад» (революция, гражданская война):

Страшнее чумы ворвалась! Не отгородишься, не отстреляешься, тем более не открестишься. Так и пошло, будто пожар за пожаром: то красные, то белые, то красные... А то вовсе банда какая. И все на одно лицо — чужаки да разбойники. <...> Расшатали, исковеркали все и вся — и устои, и нравы... (2012).

Свои главные идеи автор выражает через сравнения: «страшнее чумы» (революция), «будто пожар за пожаром» (гражданская война), «матерого, что марал-рогач» (старший сын), «будто нелюдь какую» (убивали), «стал беднее мыши» и т.д.

Райский уголок для земных жителей, облюбленный и отстроенный по своему желанию и хотению, приобретает своего «хозяина» — все принадлежит теперь советской власти. Выжившие и оставшиеся в Закагунье навсегда потеряли свободу.

Как отмечает Т.Г. Артамонова, «подобно раю, ад у каждого жителя земли индивидуален. Это состояние физических и душевных мук в связи с трагическими обстоятельствами жизни» [Артамонова, 2019, с. 77]. Таков и рай, и ад у героев исследуемого рассказа. В разграбленное и опустошенное Закагунье пришел измученный и израненный войной бывший красноармеец Вася Васечкин. Здесь он находит кров у красавицы Раи, которая вылечила его, откормила, подарила свою любовь и поставила на ноги, как известно, «ад, в котором вспыхнула любовь — рай» [Касаткина, 2015, с. 123]. После четырехлетней кровавой войны заимка в Закагунье казалась для Васечкина раем: «*Рая, у тебя как в раю — счастлив Вася*» [Каинчин, 2012]. Земной ад для Василия превратился в земной рай. Ощущение счастья Васечкина подтверждает мысль о том, что человек сам творец своего рая на земле.

Глубокие раздумья о сущности, о природе мироздания звучат в небольшом по объему рассказе «Наш счастливый бег...» (Ди-

баш Каинчи, 2004а). В нем, в частности, представлена образно-смысловая оппозиция «жизнь» — «смерть» (именно в этот период (последнее десятилетие XX и начало XXI вв.) писатель много работал в художественных, публицистических и философских жанрах). В этом рассказе привлекает внимание образная форма и смысловое наполнение категории жизни и смерти. Размышления автора-мыслителя (повествование ведется от первого лица) о природе человека, об устройстве мира, о гусенице, стремящейся в «неизвестность», актуализируют оппозицию «жизнь» — «смерть». Повествователь воспроизводит конкретную незначительную ситуацию: Гусенице непременно нужно переползти через тротуар, перейти опасную дорогу, где «тьма машин», а дальше — тупик: ее ожидает «голая стена типографии». Но она все же с «рвением пересекала тротуар», «вся неистово извивалась, тело ее шерстистое, перекатывалось буграми» (с. 122)¹⁸.

...Ни малейшего шанса у ней остаться живою. Выходило, что она стремится к своей неминуемой Смерти. Хотя, представим, что ей удалось чудом переползти улицу. Думаете, там ждут ее гуци райские? <...> А может это извечный путь ее рода, пересеченный человеком, и она обязана «испытать свою чашу» (с. 122).

В рассуждениях повествователя воссоздается пространственная картина мира. Он понимает, что этот мир несколько иной, чем он представлял раньше. Раздумья о судьбе гусеницы приводят его к удивительным мыслям: «..По-моему выходило, что она в этот путь отправилась, не зная, Что ее ожидает. А может, зная?.. Едва ли... А я вот — Человек, стою над нею, и знаю, с огромной по сравнению с нею высоты своего роста, своих знаний, своего опыта — Что ее ожидает» (с. 122). Размышления о человеческом бытии, о своем месте в этом мире приводят к новому аспекту видения:

И тут мне невольно подумалось — может сейчас, именно в сей момент, Кто-то — Бог или само Небо-Тенгри — так же наклонился надо мною, и Он знает мою судьбу?! Может, я тоже спешу, поспеваю, как эта гусеница? Он ясно видит все, и это Ему нисколько не трудно... (с. 122).

Получается, и повествователь не знает, как и гусеница, что его ожидает: «Как никчемен я: мне не дано знать, что случится со мною хотя бы через час» (с. 123). Но он понимает и задумывается о первоначале мироздания:

¹⁸ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчин, 2004а).

Или вот я наклонился над муравейником, нарушил ни за что муравьиную мирную жизнь. Мне ничего не стоит разорить... А может из Вселенной Кто-то так же наклонился над нашей Матерью-Землею? Испытывает: дай-ка, туда дуну, туда плюну, сюда ткну, тут устрою землетрясение, а тут посею вражду... Посмотрю, как они, людишки эти, гнида земная?.. Каким надо быть мудрым, какими обладать знаниями и опытом, чтобы понять сущность, закономерность всего этого Мироздания! (с. 123).

Рассказчик осознает, что живет в определенных временных границах (рождение — смерть) ощущает бесконечность окружающего мира через связь с другими персонажами произведения.

Одним из последних произведений Дибаша Каинчина стал рассказ «Рай» (Дибаш Каинчин, 2018), который так и не был опубликован при жизни писателя. В период накала политических страстей во время предвыборной кампании в регионе писатель забирает из издательства газеты «Алтайдын Чолмоны» свою рукопись. Только спустя девять лет семья писателя опубликовала рассказ в газете. Привлекает необычное название произведения — «Рай», что сразу вызывает интерес. Образ рая создается в размышлениях главного героя и дополняется в его сновидениях. И здесь снова автор вводит элемент онирического, позволяющего проникнуть в подсознательные напластования психологии героя, так как сверхъестественность природы сновидений предстает средством соединения реального, земного бытия человека и ирреального, мистического, потустороннего миров.

Повествование начинается с небольшого вступления. Главный герой рассказа Ырыс Ыргаевич никак не может забыть «тот случай», когда ему было всего три года (Ырысту переводится как Счастливый). События происходили в годы Великой Отечественной войны. В старенькой избушке в ожидании матери замерзает от мороза мальчик: *«Je Ырыстунынг колы да, буттары да кыймыктабайт. Онын кол-буды агаши болуп калгандый — энгилбейт, бүктелбейт. Оны уур жүк базырып, шык этире орооп алган. Уйуктаар ла күүни келет. Артык не де керек жок. Je эмди уйуктаза јарт - ол качан да ойгонбос. Ондый сана-анан сүрекей коркымчылу да болзо, уйку Ырыстунанг бөкө, ол уйкуга удурлажып болбос деп билип јатты»* («Но у Ырысту ни руки, ни ноги не шевелились. Его руки-ноги стали как деревянные — не сгибаются, не сгибаются. Его словно придавил тяжелый груз, накрепко запеленал. Только хочется спать. Большие ничего не нужно. Но если он уснет сейчас — то он никогда не проснется. От такой мысли было так страши-

но, но сон был сильнее Ырыса, и он понимал, что не сможет сопротивляться сну») (2018)¹⁹.

Ырысту Ыргаевич в последние годы жизни стал задумываться о жизни после смерти: «Телекейде кажы ла неме — ончозы туулган баишту, койтон учту. Ёргёлји не де жок» («В мире всё имеет начало — рождение, конец — исчезновение. Вечного ничего нет») (2018) /здесь и далее смысловой перевод наш — У.Т/. Автор через размышления Ырысту Ыргаевича ставит вопрос о существованиирая и ада, но героя беспокоит еще и вопрос — попадет он в рай (если он есть) или нет: «Чындап та, бу ла тирүү жүрген кижии кенете ле канай жоголотон. Онон не де артар учурлу ине. О, Кудайга баш, ол р а й бар болзо кайдар...» («И вправду, как может внезапно исчезнуть вот этот живший человек. Что-то же должно от него остаться. О, Боже, хоть бы тот рай существовал...») (2018).

Эти мысли приводят героя к внезапному пониманию, что слова «рай» в алтайском языке нет, но если даже слова такого и нет, есть понятия, с ним связанные: «ол јер» («та земля»), «ол алтай» («тот алтай»), «ак чечектү алтай» («с белыми цветами алтай»), «ада-өбөккө јери» («земля предков»), «айланбастын јери» («место невозврата»), «ак булуттын үсти» («поверхность белого облака»), «јаан боочыны ажа берди» («перевалил большой перевал»), «тустай берди» («ушел за солью») или «јакиш јер» («хорошая земля») «амыралтанын јери» («место покоя»). При мысли о том, что эти места иногда могут и не соответствовать раю, Ырысту Ыргаевича вдруг озарило: «Ээ, «Ўстимде турган Көк» дейтени бар туру ине! Онын карган энези тенгери унчукса ла, түүнүк јаар кангас эдип, түрген ле: «Кайрако-он, баш...» — деп, тунгдарын сыймаар...

Табылды, табылды. Таптым, таптым! «Ўстиги ороон» деп онгомол бар туру ине! Р а й дегени ол! Кудайга баш, ол р а й бистерде, алтайларда да, бар туру ине» («Ээ, оказывается есть еще «Синь, стоящая надо мной!» Старая мама, как только небо заговорит, поднимала голову к дымоходу и быстро произносила: «Кайрако-он, баш...» и гладила свои косы...

Нашлось, нашлось. Я нашел, я нашел! Это же понятие «Ўстиги ороон!» Оказывается это и есть рай! Рай есть и у нас, у алтайцев») (2018).

Здесь справедливо можно привести слова: «...Творя добро, человек в этот миг и этим самым действием распахивает дверьрая, творя зло — дверь ада, выпускает эти формирующие пространство сущности

¹⁹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся ссылки на цитаты по изданию (Дибаш Каинчи, 2018).

в область «срединного мира», оказывается — вместе с окружающими его и причастными его действию — в раю или в аду, которые открываются при этом как истинное лицо земли. Да и сам человек приобретает райские или адские черты, гармонизируя или искажая произведенным действием свою природу» [Касаткина, 2015, с. 115].

Устами своего героя Ырысту Ыргаевича автор уверенно говорит о существовании и ада: *«А бот ад дегени чын бар. Мында бир аланзу жок. Онызы - Алтыгы ороон дегени. Эрлик-Бийдин бийлеген ай-каракчы жер-таамызы. Айланбастын жери. Бй-сыгыттын, шыра-кинчектин жери»* («А вот **ад** точно есть. Здесь нет даже сомнения. Это — Нижний Мир. Темные подземные владения Эрлик-бия. Земля невозврата. Плача, горя-мучений») (2018). Ведь в Нижний Мир попадают люди, совершившие тяжкие преступления в лунно-солнечном Алтае.

Перед глазами Ырысту Ыргаевича проходит вся его жизнь. Началом его карьеры была должность комсорга в пединституте, затем райком комсомола, райком партии, обком партии, пережил распад СССР, работал в составе первых лиц Правительства Республики. Даже приходилось работать и в быткомбинате, и руководить энергосетью. В период «перестройки и гласности» Ырыс Ыргаевич оказался в *«очень нужном месте»*. Он был у власти и не был обделен ничем: появились машины, квартиры, счета, драгоценности и бриллианты. И нажито это было далеко не честным трудом. Но герой пытается убедить себя, что его вина не столь тяжела, что *«нет человека без единой вины, белого как молоко и с чистыми мыслями»*: Теперь его мучила только одна мысль: *«Салым санаа ээчиир. Жагыс ла санааркаткан санаа — бу мыны ончозын кемге артырар...»* («Судьба идет вслед за мыслями. Только беспокоила одна мысль — кому все это оставить...») (2018). Он стал бояться, что люди узнают о его «нажитом» богатстве, что могут все отнять: *«Мынызы ас — карангуй жаар калыраткылап та ийип айабас. Мынызы ас — мандайынга ок эмезе ۆзөгине — корон. Машинаг да жар ажып айабас... Же онон сананып ийзенг, ол акча-жөбжө дө не керектү. <...> «Ол жер» жаар ийненинг сыныгын да апарып болбозыг. <...> Канайып ла баалу кийин, ала-чоокыр жаран — көлөткөн түңгей ле кара болор»* («Этого мало — могут в темноту (тюрьму) отправить. Этого мало — в лоб пулю или яд — в желудок. Машина с обрыва может сорваться... Если так подумать, то зачем нужны деньги и богатство. <...> В «тот мир» осколка иглы даже не сможешь унести. <...> Хоть как дорого оденься, нарядись красиво — тень твоя все равно будет черной») (2018).

Ырысту Ыргаевич чувствовал приближение смерти и часто находился на грани яви и сна, мучительных бессонниц и зыбкого полусна.

В умирающем герое звучит голос совести, и он, наконец, дает реальную оценку своей жизни, действиям и поступкам. Для него приближающаяся смерть стала своего рода лакмусовой бумагой, «проявляющей» все хорошее и плохое в бытии героя. Здесь согласимся с высказыванием, что «эстетическое, сюжетное, самоценное движение — движение в прошлом, которое ценно помимо будущего, в котором прощены все обязательства и долги и все надежды оставлены» [Бахтин].

Писатель изображает смерть своего героя «не только извне, но и изнутри, то есть из самого сознания умирающего человека, почти как факт этого сознания. Его интересует смерть для себя, то есть для самого умирающего, а не для других, для тех, которые остаются» [Бахтин]. Как и Лев Толстой, Дибаш Каинчин изображает смерть изнутри, что для всего творчества писателя становится новым явлением.

В финале рассказа опять тот же сон, увиденный героем в детстве: ему становится очень холодно, но появление матери окружает его теплом и заботой. Маленький Ырысту сидит на ее коленях, чувствует материнскую любовь. Он оказывается в «Верхнем Мире», в раю, рядом с матерью. Совесть и помыслы героя при жизни, осознание своих поступков и испытание чувством вины, раскаяние открывают ему дорогу к предкам в рай. Смерть героя в рассказе оставляет надежду на его духовное обновление. Онирическое начало в рассказе соседствует с мотивами холода, вьюги, мотивом памяти.

Подводя итоги, можно сказать, что образы «рая» и «ада» появляются на заключительном этапе творчества Дибаша Каинчина, и это стало новым явлением в алтайской литературе. Своеобразие «рая» и «ада» в рассмотренных рассказах проявляется, прежде всего, на концептуальном уровне: их трактовка неоднозначна, их интерпретации имеют разную природу. В рассказе «Как Болот в космос летал» образ рая отражает алтайскую картину мира, восходит к алтайской мифологии. В рассказе «Как Герася у нехристей ночевал» рай связан с библейскими (новозаветными) мотивами, а авторская позиция — с лесковской концепцией праведничества. В рассказе «А горы-то наши остались» рай — это любовь, мирная жизнь, созидательный труд, а ад — это ненависть, война, разруха. То есть и рай, и ад — грани земной жизни. Наконец, в рассказе «Рай» автор приходит к мысли, что жизненные цели и дела человека — это путь либо в рай, либо в ад, здесь человек торит себе дорогу сам. Все эти столь разные интерпретации образов рая и ада объединены общим идейным содержанием: с раем связаны темы и мотивы добра, любви, труда, мирной жизни, красоты; с адом — темы и мотивы

ненависти, вражды, войны, разрухи, страданий. Итак, рай и ад у Дибаша Каинчина — это либо ментальные образы, восходящие к мифологическим или библейским представлениям, либо психологическое/психическое состояние счастья, радости или страдания.

Библиографический список

Артамонова Т.Г. Образы рая и ада в философских произведениях Марка Твена // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 12. Вып. 6. Тамбов, 2019.

Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности (глава «Временное целое героя»). URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. Т.6. М., 2002.

Касаткина Т.А. Образ пространства: рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М., 2015.

Рабош В.А., Солдатов А.В. Структура мироздания в художественной и научной картинах мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2014.

Текенова У.Н. Художественный мир Дибаша Каинчина. Горно-Алтайск, 2012.

Источники

Каинчин Д.Б. Как Болот в космос летал // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004.

Каинчин Д.Б. Наш счастливый бег... // Лунная соната. Горно-Алтайск, 2004а.

Каинчин Д.Б. Как Герася у нехристей ночевал // Живу и верую. Горно-Алтайск, 2008.

Каинчин Д.Б. А горы-то остались // Звезда Алтая. Горно-Алтайск, 2012.

Каинчин Д.Б. Рай // Алтайдын Чолмоны. Горно-Алтайск, 2018.

References

Artamonova T.G. *Obrazy` raya i ada v filosofskix proizvedeniyax Marka Tvena* [Образы рая и ада в философских произведениях Марка Твена]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. Т. 12. Tambov, 2019. Iss. 6.

Bahtin M.M. *Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti*. [The Author and the Hero in Aesthetic Activity]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/1.html>

Baxtin M.M. *Problemy` poe` tiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. In: *Sobranie sochineni*. [Collected works]. T.6. Moscow, 2002.

Kasatkina T.A. *Obraz prostranstva: raj i ad v proizvedeniyax F.M. Dostoevskogo 1860-x godov*. [The image of space: heaven and hell in the works of F.M. Dostoevsky in the 1860s]. In: *Svyashhennoe v povsednevnom: Dvusostavny`j obraz v proizvedeniyax F.M. Dostoevskogo*. [Sacred in everyday life: A two-part image in the works of F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2015.

Rabosh V.A., Soldatov A.V. *Struktura mirozdaniya v xudozhestvennoj i nauchnoj kartinax mira*. [The structure of the universe in the artistic and scientific pictures of the world]. In: *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena*. [Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. St. Petersburg, 2014.

Tekenova U.N. *Xudozhestvenny`j mir Dibasha Kainchina*. [The artistic world of Dibash Kainchin]. Gorno-Altajsk, 2012.

List of sources

Kainchin D.B. *Kak Bolot v kosmos letal*. [How Bolot flew into space]. In: *Lunnaya sonata*. [Moonlight Sonata]. Gorno-Altajsk, 2004.

Kainchin D.B. *Nash schastlivy`j beg...* [Our happy run...]. In: *Lunnaya sonata*. [Moonlight Sonata]. Gorno-Altajsk, 2004a.

Kainchin D.B. *Kak Gerasya u nexristej nocheval*. [How Gerasya spent the night with the infidels]. In: *Zhivu i veruyu*. [I live and believe.]. Gorno-Altajsk, 2008.

Kainchin D.B. *A gory` -to ostalis`*. [But the mountains remained]. In: *Zvezda Altaya*. [Star of Altai]. Gorno-Altajsk, 2012.

Kainchin D.B. *Raj*. [Paradise]. In: *Altajdy`n — Cholmony`*. [Altai — Cholmon]. Gorno-Altajsk, 2018.

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ КАТЕГОРИИ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА АЙРИС МЕРДОК «ДИТЯ СЛОВА»)

Л.Л. Шевченко

Ключевые слова: метатекст, метапроза, гипертекст, картина мира, метакогниция.

Keywords: metatext, metaprose, hypertext, worldview, metacognition.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-10

Традиционно в лингвистических исследованиях художественного текста гораздо больше внимания отводится вопросам диалога автора и читателя, опосредованного не столько самой историей (сюжетом), сколько способом, которым эта история рассказывается. Не «что», а «как» часто определяет художественное достоинство литературного произведения и филологический интерес к нему. Исследователь не только «распаковывает» смысл текста, но также предлагает анализ того, как он «запакован», что неизменно выводит его на описание авторской картины мира.

Данная статья относится к области лингвокогнитивных исследований художественного текста и рассматривает литературное произведение как воплощение авторской картины мира, проецируемой в текст с помощью определенных языковых средств. Одним из способов репрезентации авторской картины мира является метатекст, понимаемый как истолкование текста, вербализованное в самом тексте.

Метатекстуальность является неотъемлемым признаком художественной литературы, поскольку метакоммуникация часто инициируется самим автором, который предлагает читателю разъяснение к своему тексту. Понимая метатекстуальность как способность текста «комментировать самого себя», проявляющуюся в различных формах, можно предположить, что формы метатекстового повествования, или автокомментария, будут повторяться в произведениях одного и того же автора и выстраиваться в систему средств, составляющих индивидуальную манеру изложения, которая является отражением всего творческого опыта автора.

Существует некая системная организация процесса повествования, которая имеет свои закономерности. Такую своеобразную «надстройку» Л.И. Чернейко называет гипертекстом, или моделью текста, вскрывающей нелинейные (над-, сверх-текстовые) отношения составляющих его единиц. Эти отношения описываются с помощью текстовых парадигм, устанавливаемых по любому основанию, значимому для исследователя [Чернейко, 2017, с. 18, 32].

Особое гипертекстовое пространство может структурироваться различными формами автокомментария в художественном тексте. Эти формы объективации категории метатекстуальности, опосредующие диалог автора и читателя/исследователя, в своей совокупности выступают объектом данного исследования, а их участие в репрезентации уникальной модели авторского повествования и картины мира в целом — его предметом.

Скрыто или явно в структуре любого произведения присутствуют следы творческого поиска автора. В произведениях, относящихся к эпохе постмодернизма, метатекстуальность выступает одной из ведущих характеристик художественного текста и идиостилевой чертой отдельных авторов.

Ссылаясь на эссе Н.А. Бердяева, посвященное творчеству Вячеслава Иванова, поэта и теоретика символизма, В.И. Постовалова говорит об особом «умонастроении субъекта культуры, живущего в мире эстетической реальности», где филология «подменяет» онтологию, в замкнутом вторичном мире, в котором все воспринимается в отражениях культуры и продуктах творчества [Постовалова, 2011, с. 9]. Это суждение совершенно справедливо в отношении многих представителей литературы прошлого века. В.В. Фещенко, говоря о концептуальном искусстве XX века, отмечает, что, начиная еще с эпохи авангарда, художник «не просто создает произведение искусства, но ставит целью сказать что-то о самом искусстве, причем автокомментарий самого художника становится сопутствующим элементом творческого акта» [Фещенко, 2011, с. 38].

Результатом интенсивной интеграции автокомментария в саму материю текста стало появление феномена метапрозы в литературе. Исследователи постмодернистской метапрозы связывают ее появление с установкой современной литературы на саморефлексию и интертекстуальность, обусловленную целым рядом философских идей об исчерпанности культуры, диалогичности, игре, открытости текста, стертости его границ [Блинова, 2012, с. 843]. Особая сложность постмодернистских произведений объясняется множеством историко-культурных обстоятельств, кумулятивно-синергетическим характером самого сти-

ля эпохи, повышенным уровнем эстетических задач и сознательной закодированностью не только смысла художественного произведения, но и его стилевой и языковой ткани [Моташкова, 2015, с. 144].

Рассмотрение метапрозы как особой повествовательной модели ставит одной из своих задач систематизацию приемов метатекстового повествования. Строгой классификации этих приемов не существует, равно как и четких границ самого понятия метатекста. Смысловая структура метатекста многослойна и неоднородна, поскольку она формируется не только из содержания метавысказываний, но и фоновых знаний автора и читателя.

О.С. Федотова использует понятие метадискурса, выделяя две стороны художественного произведения: «то, о чем повествуется, и то, как организуется процесс повествования» [Федотова, 2019, с. 3]. Другими словами, разграничение проводится между информацией, относящейся к сюжету, и авторской манерой изложения. Исследователь широко трактует понятие метадискурса, реконструируя когнитивные структуры, описывающие различные стратегии формирования текста художественного произведения. Автор отмечает, что метатекстовые элементы, или показатели метатекста (метадискурса), такие как различные сигналы очередности и логической последовательности, средства когезии, различные формы апелляции к читателю, используются с целью упорядочить передаваемую идею [Федотова, 2019, с. 20].

Предложенная методика декодирования метадискурсивного компонента художественной прозы сочетает в себе концептуальный и языковой уровень анализа и представляет большой интерес. Когнитивно-дискурсивный подход к решению проблемы классификации метатекстовых элементов в художественном тексте позволяет включить в их перечень такие, которые содержат имплицитную информацию о метаязыковой рефлексии автора.

С включением когнитивного уровня анализа понятие метатекста расширяется. Рассмотрение метатекста как проекции авторского сознания в художественном тексте, по сути, является метакогницией, определяемой как «когниция о когниции» и включающей «либо интроспективный анализ наших собственных ментальных состояний, либо прогностически-вероятностный анализ ментальных состояний другого когнитивного субъекта» [Клепикова, 2008, с. 155]. Метатекст является свидетельством внутреннего поиска автора, направленного на выбор наилучшего способа рассказать ту или иную историю. Это след всех размышлений автора по поводу своего произведения, манифестация того внутреннего диалога, который автор ведет с читателем, с самим собой, с другими авторами и их произведениями.

Источником материала для данной статьи послужил роман Айрис Мердок «Дитя слова», в котором метаязыковая рефлексия становится предметом художественного осмысления и, наряду с другими формами метатекстуальности, находит наиболее яркое воплощение в творчестве исследуемого автора.

Айрис Мердок является выдающейся английской писательницей XX века и одним из ярких представителей постмодернистской традиции. Ее творчество отличается философской направленностью и психологической глубиной. Обращение к метатексту в произведениях Айрис Мердок обусловлено склонностью данного автора к метаязыковой рефлексии. Важной составляющей уникального стиля писательницы, на наш взгляд, является удивительное равнодушие к языку.

Анализ форм метатекстуальности в произведении Айрис Мердок мы начнем именно с *метаязыковой рефлексии* и рассмотрим наиболее яркие примеры комментариев героя-рассказчика, касающиеся формы и значения слов.

Склонность героя романа «Дитя слова» к метаязыковой рефлексии тесно связана со стремлением к раскрытию и истолкованию своего внутреннего мира, в котором слова выступают как способ взаимодействия с миром внешним, гораздо более надежный и доступный герою, чем все другие способы: *I discovered words and words were my salvation. I was not, except in some very broken-down sense of that ambiguous term, a love child. I was a word child* (Iris Murdoch, 2002, p. 21). Языковая игра в данном случае основана на взаимодействии значений исходного выражения *a love child* («незаконнорожденный ребенок») и образованного *a word child* («дитя слова»). Прием замещения компонента позволяет очень точно передать отношение героя к миру, языку и самому себе.

Хилари Берд был незаконнорожденным ребенком. Смерть матери, разлука с сестрой и тяжелое детство в приюте лишили его надежды на счастливую судьбу. Единственным его даром была способность к языкам, благодаря которой он поступил в Оксфорд. Любовь к замужней женщине и ее смерть от несчастного случая разрушили академические планы молодого человека и обрекли его на жалкое существование в окружении «странных» людей, бессмысленную работу и обременительную связь с нелюбимой женщиной. Одним из немногих удовольствий для Хилари является наблюдение за словами. Как рассказчик своей истории он чрезвычайно внимателен к выбору того или иного слова. Особое отношение героя к словам выражается в форме прямых комментариев, предшествующих или следующих за словами, форма или значение которых подвергаются метаязыковой рефлексии: *I know*

the whole thing is a terrible imposition, a terrible — impertinence. 'What a ridiculous word (p. 240)²⁰.

В речи героя анализ значения того или иного слова превалирует над анализом его формы. Он может ограничиваться коротким комментарием к слову, квалифицирующим его как подходящее или не подходящее для передачи того или иного смысла: *I was (I think this describes it) ill for years* (p. 126). Однако чаще всего встречаются примеры более внимательного анализа значения слова: *Arthur worked in a cupboard (almost literally), a little room partitioned off from the corridor...* (p. 29); *Aunt Bill was, of course, a tough egg. ('Brave' carries the wrong implications.)* (p. 18); *Tommy, darling girl, was not only remarkable for her name and her legs and her lucid Cairngorms misty eyes. (Mist is perhaps a better image than smoke...)* (p. 35). Прямое и переносное значение слова, различные оттенки значения и его образный компонент становятся предметом размышлений героя.

Комментарий к словам проявляется в характеристиках, основанных на личном чувственном опыте Хилари: *Tommy, as I should have perhaps explained earlier, was my mistress; though this awkward word scarcely conveys the odd relation in which she stood to me. 'Ex-mistress' would be more accurate in some ways, less truly descriptive in others* (p. 34); *When we parted from each other, mingling our tears, she used always to say to me, 'O be good!'...But for me Crystal's little cry was and is the apotheosis of that word* (p. 19). Слова опосредуют бытие героя: неловкость и неудобство в отношениях с женщиной находит отражение в сомнениях героя по поводу подходящего слова для наименования этой женщины и этих отношений; настойчивый и одновременно отчаянный призыв сестры *'O be good!'*, который всегда звучал при расставании, превратился для героя в квинт-эссенцию смысла, который стоит за словом *good*.

История жизни Хилари рассказывается от первого лица. Особенность такого повествования состоит в максимальном сближении героя и автора. Автор словно вживается в героя, или «завладевает» им, делая его транслятором собственной морально-эстетической идеи. Роман «Дитя слова» является отражением концепции Айрис Мердок, которую писательница обозначила как *Salvation in Words* («Спасение в словах»): *“Words constitute the ultimate texture and stuff of our moral being, since they are the most refined and delicate and detailed. As well as most universally used and understood, of the symbolisms whereby we express ourselves into existence. We become spiritual animals as we become we become verbal*

²⁰ Здесь и далее ссылки даны по изданию: Murdoch I. *A Word Child*. London, 2002.

animals. The fundamental distinctions can only be made in words. Words are spirit” (цит. по: [Козлова, 2012, с. 97]).

Отсюда происходит чрезвычайно внимательное отношение автора к языковому оформлению своей идеи. Множество свидетельств этому мы также находим в пунктуации и графическом выделении слов. В тексте исследуемого романа присутствует большое количество обособлений, используемых с целью разграничить повествование и авторский комментарий к нему: *Beyond my routine chaos began and without routine my life (perhaps any life?) was a phantasmagoria* (р. 28). Автор нередко помещает в скобки довольно большие отрывки, состоящие из нескольких предложений: *(I detest television. I'm told that the average person now spends twelve years of his life watching it. No wonder the planet is done for)* (р. 39). Графическое выделение отдельных слов с помощью кавычек или курсива косвенно указывает на метаязыковую рефлекссию: *Gunner can't "forgive" me, I doubt I God could, what's done is done* (р. 196); *My reputation for 'badness' was not unmerited* (р. 19); *A death is the most terrible of f a c t s* (р. 228).

Косвенно реализация метаязыковой рефлексии также осуществляется в словотворчестве. Говоря об уровнях метаязыковой организации поэтического текста, Н.А. Фатеева выделяет словообразовательный уровень как наиболее интересный для метаязыкового исследования [Фатеева, 2011, с. 204]. Создание окказиональных образований свидетельствует о креативности языкового мышления автора, а также о его размышлениях над словом, «стремлении получить на основе смыслового синкретизма более емкое слово» [Шапилова, 2010, с. 151]. Яркой стилиевой чертой А. Мердок можно считать авторские новообразования с суффиксом — *ness*: *And I reflected too, as walked and walked about London, on the absolute doneness of what was done* (р. 201).

Метатекст, или автокомментарий, в художественном тексте может выполнять различные функции, распространяясь не только на отдельные языковые единицы, но и на весь текст. Как указывает А. Вежбицкая, «метатекстовые нити», вплетаясь в основной текст, скрепляют и соединяют элементы текста [Вежбицкая, 1978]. Подобные метатекстовые элементы служат не только для переключения внимания читателя, помогая ему ориентироваться в тексте, но также свидетельствуют о своего рода самоконтроле автора. Будучи «вербализацией контроля над вербализацией», они в самом строгом смысле соответствуют определению «метатекста» [Ляпон, 1986, с. 54].

Метатекстовые уточнения иногда не имеют особого значения для прояснения событий основной истории: *Uhlmeister was however an inter-*

loper who had married Tommy (nee Forbes) when she was eighteen and abandoned her when she was twenty. (Uhlmeister is not part of this story. Only his name got left behind.) (p. 34). Среди так называемых «метаорганизаторов», не имеющих особой смысловой нагрузки, выделяются сигналы очередности: ..., as I have said, ... (p. 69) ..., as I have explained, ... (p. 33); ..., as I should have perhaps explained earlier, ... (34); I suggested in the last paragraph that ... (p. 35). Наиболее часто эти сигналы встречаются в начале и в конце главы. Ярким примером в романе служит глава *Thursday* («Четверг»): *Before describing the events of Friday I must [while, as it were, I am asleep] talk at more length about myself* (p. 17); *A year afterwards, as a result of a catastrophe which will be mentioned later in these pages, I resigned my post and left Oxford for ever* (p. 24).

Таким образом, некоторые метатекстовые элементы, как описанные выше внутритекстовые референции, или организаторы, лишь устанавливают связи, не дополняя содержания основного текста. В других случаях метатекст помогает читателю интерпретировать материал основного текста или комментирует его: *I shall try to be just in telling the story, however unjust I am in the story told* (p. 36); *Any story can be told many ways; and there is a kind of justice in the fact that this one could be told cynically...* (p. 122). Иногда комментарий несет и смысловую нагрузку, показывая насколько важно место описываемого события в истории: *I will now tell the story which is at the center of this story, and which it was necessary to delay until the moment when, in this story, I told it. I will tell it now, as far as it can be told by me, truthfully and as it was, and not as I told it that Friday night to Arthur* (p. 111).

Обращение к читателю в тексте — наследство английской литературной традиции. С момента зарождения жанра романа в XVIII веке фигура рассказчика, ведущего диалог с читателем, рассматривалась как эффективный художественный прием. Эта повествовательная стратегия способствует установлению «прямого» контакта с читателем: *It was now Monday afternoon (it looks as if nothing ever happens on Sundays, but just wait a while), getting dark, which consisted in a yellowish twilight which had persisted all day thickening into a yellowish darkness* (p. 137); *This sounds like a prejudiced description. Let me try to amend it* (p. 14). Таким способом происходит смещение акцента с «события, о котором говорится» на «событие самого рассказывания» [Теория литературы, 2004, с. 348].

Автокомментарий в тексте может иметь самый разный характер — быть спонтанным или намеренным, включенным в основную текстовую ткань или выделяться в отдельный текст. Примером «прямого» диалога автора с читателем, который выходит за рамки рассказываемой исто-

рии, являются авторские отступления. Они могут приобретать форму риторических вопросов: *Why are such people not made rich by a grateful society?* (p. 21); *'Who am I to have a cosmic sorrow?'* (p. 109).

Чаще всего отступления-комментарии служат обобщением к описываемым событиям. Эти обобщения охватывают определенный круг концептов, таких как *Любовь, Брак, Жизнь, Смерть, Сознание, Литературное творчество*. Это стержневые элементы ментального лексикона автора. Анализируя отступления-комментарии, можно выделить несколько наиболее острых вопросов, вызывающих у автора потребность высказаться. Ни одно произведение писательницы не обходится без обсуждения сущности Любви: *Being in love has its own self-certifying universality, it informs and glorifies the world with an energy which, like a drug, becomes a necessity of consciousness* (p. 335). Редкая книга не содержит упоминания о сложности *Супружеских отношений*: *Married life if not organized is hell* (p. 62); *Life does not end even with the most desperate of marriages, it prolongs itself drearily: new occasions for cruelty, a life of crime* (p. 44). Тема *Жизни и Смерти* неизменно сопровождает ситуации морального выбора, на которых строится любой сюжет произведений писательницы: *History was a slaughterhouse, human life was a slaughterhouse. Mortality itself was my philosophical robe. Even the stars are not ageless and our breaths are numbered* (p. 28); *There is so much accident in all things — I suppose in the end all things must be forgiven* (p. 327). Излюбленной также является тема устройства *Человеческого сознания*: *The deeper levels of the mind no not of time* (p. 147); *'Human minds are relentless things and strong. You can't just turn a switch and decree merriment.'* (p. 336). Как писатель Айрис Мердок редко может обойтись без размышлений по поводу *Литературы*: *It is only in books that a violent nature is attractive* (p. 35); *'Novels explain. Plays don't.' — 'It's better not to explain,' said Arthur. 'Poetry is best of all. Who wouldn't rather be a poet than anything else? Poetry is where words end.' — 'Poetry is where words begin.'* (p. 88).

Отступления, как правило, очень гармонично вписываются в основной текст повествования и не уводят читателя от сюжета. Однако есть и такие, которые значительно превышают объем сопутствующего комментария и представляют собой целые пассажи авторских размышлений. Таким отступлением в романе «Дитя слова» является описание лондонского метро: *Drinking there between six and seven in the shifting crowd of rush-hour travellers, one could feel on one's shoulders as a curiously soothing yoke the weariness of toiling London, that blank released tiredness after work which can somehow console even the bored, even the frenzied. The coming and the parting rattle of the trains, the drifting movement*

of the travellers, their arrival, their waiting, their vanishing forever presented a mesmeric and indeed symbolic fresco: so many little moments of decision, so many little finalities, the constant wrenching of texture, the constant destruction of cells which shifts and ages the lives of men and of universes. The uncertainty of the order of the trains. The dangerousness of the platforms. (Trains are lethal weapons.) The resolution of a given moment (but which?) to lay down your glass and mount the next train. (But why? There will be another in two minutes.) (p. 38). Целая страница размышлений, оформленных с помощью односоставных предложений, выступает как зарисовка к сюжету романа. С ее помощью Айрис Мердок словно выписывает образ героя и одновременно приоткрывает дверцу в собственное сознание. Отступления дают возможность писательнице сказать что-то важное, наиболее важное, что беспокоило ее давно и ждало возможности быть выраженным.

Очень часто важные концепты, структурирующие авторскую модель мира, актуализируются в форме интертекстуальных включений. Интертекстуальность в творчестве Айрис Мердок реализуется через диалог с другими авторами и имеет ключевое значение для «распаковки» смысла произведения. Так описание лондонского метро служит ссылкой на знаменитое стихотворение Эзры Паунда: *The apparition of these faces in the crowd; Petals on a wet black bough*. А в размышлениях о поэзии мы слышим слова из стихотворения Эмили Дикинсон: *A word is dead / When it is said / Some say / I say it just / Begins to live / That day*. Эти реминисценции — свидетельство метатекстовой природы интертекстуальности, которая связана с необходимостью обращения к прецедентному тексту.

Использование многочисленных аллюзий в романах Айрис Мердок является индивидуально-авторской повествовательной стратегией, поскольку большинство из них не выходит за пределы определенного списка «любимых» автором произведений английской литературы. По словам А.В. Кремневой, интертекстуальность «является средством овнешнения памяти культуры» [Кремнева, 2017, с. 200]. Не случайно участниками интертекстуальной «переключки» часто становятся тексты, представляющие одну культуру. Подтверждение этому мы находим в романах Айрис Мердок, чье мировоззрение складывалось под влиянием таких произведений, как легенды о Короле Артуре, пьесы Уильяма Шекспира, «Питер Пен» Джеймса Барри, «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла.

Роман «Дитя слова» изобилует ссылками на эти книги. Образы благородного короля Артура (Arthur) и прекрасной леди (Lady Kitty) преломляются через образы героев книги, чьи «говорящие» имена являются тому подтверждением: *'Crystal is definitely going to marry Arthur,*

it's fixed. She has said yes. Arthur is glorified. Arthur in majesty.' (p. 143); *The end of the quest was in sight, the Lady had already gone* (p. 259). По количеству ссылок Пупера Пена можно было бы отнести к полноправному участнику событий, будь то упоминание его статуи в парке, которая выступает свидетелем встреч Хилари и Леди Кити, или обсуждение одноименной пьесы, которую выбрали для праздничной постановки в офисе: *'I mean one's mind is just an accidental jumble of stuff. There's nothing behind ordinary life. There isn't anything complete. Life isn't a play. It isn't even a pantomime.'* — *'No Never-Never Land.'* — *'Certainly no Never-Never Land,' said Arthur. 'That's the point.'* (p. 88). Использование в сюжете постановочного действия служит реминисценцией, отсылающей читателя к шекспировским пьесам. Влияние Шекспира на творчество Айрис Мердок неоспоримо. Осмысление человеческой жизни как драмы, разыгрываемой на сцене, красной нитью проходит через все ее творчество. Наиболее часто писательница обращается к «Буре» — последней пьесе Шекспира, ставшей завещанием великого драматурга: *Who after all did poor Crystal ever meet? She might as well have been Miranda on the island for all she really saw of men* (p. 76).

Еще одним способом направить читателя, сориентировать его в повествовании, является включение в текст описания сновидений героев. Метатекстовая функция такого приема заключается в образном прояснении надвигающихся событий: *One dream I remembered. I was in a quite awful place beside some water where some huge crime either had been committed in the past or would be committed in the future* (Murdoch, 2002, p. 129); *I had gone straight to bed and slept well and dreamed of an elephant who turned to pick me up and take me to the dance* (p. 295). Последняя встреча героя с возлюбленной произошла на причале. Неожиданное появление Ганнера, мужа леди Китти, грузного мужчины, которого автор часто сравнивает с большим животным, стало причиной трагедии. Во время драки между Хилари и Ганнером леди Китти упала в реку. Женщина умерла в больнице от переохлаждения.

Известно, что через образность лежит наиболее короткий путь к авторскому мировосприятию. Метафора, которая в тексте описывает одно через другое, метатекстуальна по своей природе. Она выступает как стимул метатекстовой реакции и выводит читателя на уровень концептуальных связей, структурирующих авторскую картину мира. Так метафоры *игры, клетки, сцены, сна, полотна, паутины*, переходя из произведения в произведение, начиная с самого первого романа Айрис Мердок «Под сетью», выступают яркой чертой «поэтической филологии» автора, неизменно возвращающей читателя к экзистенциальной философии. Как и многие писатели ее поколения, Айрис Мердок испытывала тревогу за

судьбу «дезориентированного» мира, мира абсурда и хаоса, в котором человек обречен на одиночество. Реальность, через которую пробираются ее герои в поисках истины, всегда трагична. Стремление героев к постижению смысла бытия — основа творчества писательницы. Они много говорят и думают, транслируя читателю взгляды самого автора.

Рассмотрение произведений Айрис Мердок в широком культурологическом контексте сводит воедино все формы объективации категории метатекстуальности в ее романах. Прямо или косвенно они указывают на важные составляющие авторского образа мира. Читатель/исследователь оказывается в положении соучастника творческого процесса создания текста. Для распознавания метатекстовых сигналов ему необходимо владеть кодом, ключ к которому содержится в повторяющихся повествовательных стратегиях автора.

Каждый художник слова на протяжении всей жизни создает лишь одно безграничное произведение, неповторимый текст, проистекающий из его жизненного опыта, воспитания, образования, культурной среды, всего того, что создает цементирующую основу его творчества. Одна из задач данной статьи состояла в том, чтобы показать, что понимание художественного текста, как воплощения авторской картины мира, вряд ли достижимо без определения роли метатекста в ее моделировании. Взаимодействуя со всей системой средств художественного изображения, метатекст приобретает вид особой надстройки, или гипертекстового пространства, и служит своеобразной проекцией авторского сознания в текст.

Библиографический список

Блинова М.П. Структура постмодернистского метатекста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2012. Вып. 84.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1978. Вып. 8.

Клепикова Т.А. Метакогниция и язык // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 3.

Козлова Л.А. Метаязыковая рефлексия как предмет художественного осмысления и как регулятор межличностного общения // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.

Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул, 2017.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

Моташкова С.В. Постмодернизм и интертекстуальность как проблемы диалога автора и читателя // Известия ВГПУ. 2015. № 2.

Постовалова В.И. Три пути метасинтеза в культуре XX-XXI вв.: А.Ф. Лосев, прот. А. Геронимус, Ю.С. Степанов // Под знаком «Мета»: материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры». Москва ; Калуга, 2011.

Теория литературы. Т. 1. М., 2004.

Фатеева Н.А. Уровни метаязыковой организации поэтического текста // Под знаком «Мета»: материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры». Москва ; Калуга, 2011.

Федотова О.С. Лингвокогнитивные метаструктуры в англоязычном художественном нарративе. М., 2019.

Фещенко В.В. Наука о концептах и искусство концептов // Под знаком «Мета»: материалы конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры». Москва ; Калуга, 2011.

Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М., 2017.

Шапилова Н.И. Метаязыковые рефлексивы в художественном дискурсе [на материале произведений В.П. Астафьева] // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2010.

Источники

Murdoch I. A Word Child. London, 2002.

References

Blinova M.P. *Struktura postmodernistskogo metateksta*. [The Structure of Postmodernist Metatext]. In: *Politematicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. [Polithematic Online Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University]. 2012. Iss. 84.

Wierzbicka A. *Metatekst v tekste*. [Matatext in a Text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. [The New in Foreign Linguistics]. 1978. Iss. 8.

Klepikova T.A. *Metakogniciya i yazyk*. [Metacognition and Language]. In: *Vestnik TGU* [Tomsk State University Bulletin]. 2008. Iss. 3.

Kozlova L.A. *Metayazykovaya refleksiya kak predmet hudozhestvennogo osmysleniya i kak regulyator mezhlichnostnogo obshcheniya*. [Metalanguage Reflexion as the Object of Artistic Comprehention and the Regulator of Interpersonal Communication]. In: *Kommunikativistika v sovremennom mire: effektivnost' i optimizaciya rechevogo vzaimodejstviya v sociume*. [Communication Research in Modern World]. Barnaul, 2012.

Kremneva A.V. *Intertekstual'nost' kak odna iz form mezhtekstovogo vzaimodejstviya v semioticheskom prostranstve kul'tury*. [Intertextuality as a Form of Intertextual Interaction in the Semiotic Cultural Space]. Barnaul, 2017.

Lyapon M.V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst : k tipologii vnutritekstovykh otnoshenij*. [The Meaning Structure of Complex Sentence and Text : on the Types of Intratextual Relations]. Moscow. 1986.

Motashkova S.V. *Postmodernizm i intertekstual'nost' kak problemy dialoga avtora i chitatelya*. [Postmodernism and Intertextuality as the Questions of Author-Reader Dialogue]. In: *Izvestiya VGPU*. [Bulletin of the Volgograd State University]. 2015. Iss. No.2.

Postovalova V.I. *Tri puti metasinteza v kul'ture XX-XXI vv.: A.F. Losev, prot. A. Geronimus, YU.S. Stepanov*. [Three Directions of Metasynthesis in the Culture of the 20th and 21st Centuries]. In: *Pod znakom «Meta»*. [Under the Mark of 'Meta']. The materials of the Conference "Languages and Metalanguages in the Cultural Space". Moskva–Kaluga, 2011.

Teoriya literatury. [Theory of Literature]. Vol. 1. Moscow, 2004.

Fateeva N.A. *Urovni metazyzkovoj organizacii poeticheskogo teksta*. [The Levels of Metalanguage Organisation of Poetic Text]. In: *Pod znakom «Meta»*. [Under the Mark of "Meta"]. The materials of the Conference "Languages and Metalanguages in the Cultural Space". Moskva–Kaluga, 2011.

Fedotova O.S. *Lingvokognitivnye metastruktury v angloyazychnom hudozhestvennom narrative*. [Linguistic and Cognitive Metastructures in the English Literary Narrative]. Moscow, 2019.

Feshchenko V.V. *Nauka o konceptah i iskusstvo konceptov*. [The Study of Concepts and the Art of Concepts]. In: *Pod znakom «Meta»*. [Under the Mark of "Meta"]. The materials of the Conference "Languages and Metalanguages in the Cultural Space". Moskva–Kaluga, 2011.

Chernejko L.O. *Kak rozhdaetsya smysl: Smyslovaya struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovaniya*. [How the Meaning is Born : The Meaning Structure of Literary Text and the Linguistic Rules of its Modeling]. Moscow, 2017.

Shapilova N.I. *Metazyzkovye refleksivy v hudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedenij V.P. Astaf'eva)*. [Metalanguage Reflexion in Literary Discourse (on the works of Viktor Astafyev)]. In: *Obydennoe metazyzkovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty*. [Common Metalanguage Consciousness: Ontological and Gnoseological Aspects]. Kemerovo, 2010.

List of sources

Murdoch I. A *Word Child*. London, 2002.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕТАФОРЫ В СПОРТИВНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ)

В.В. Катермина, Н.С. Соловьева

Ключевые слова: религиозная метафора; спортивный дискурс; масс-медиа; газетный дискурс; британская пресса, метафорическая модель.

Keywords: religious metaphor; sports discourse; mass media; newspaper discourse; British press; metaphor model.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-11

В современном медиапространстве ведущее положение занимают британские СМИ, имеющие наиболее разветвленную сеть в мире. Среди них особое место принадлежит печатным изданиям, которые пользуются уважением как внутри страны (по статистике двое из трех британцев, достигших 15 лет, читают периодику [Линговская, 2018]), так и за рубежом, уступая первое место в списке наиболее влиятельных периодических изданий только американской *"The New York Times"*.

Конечно, не все печатные издания (или их онлайн версии), издаваемые в Великобритании, имеют безоговорочный авторитет. Современные британские периодические издания делятся на две группы, представляя качественную прессу, прессу мнений, и популярную прессу, прессу новостей. Качественные издания (или широкоформатные) (*"The Guardian"*, *"The Daily Telegraph"*, *"The Times"*, *"The Independent"*) освещают национальные и резонансные международные события, социальные и культурные проблемы, прибегая к анализу фактов с разных точек зрения, нередко имплицитно манипулируя реципиентами. Популярные (или бульварные) издания (*"The Sun"*, *"Daily Star"*, *"Daily Mail"*, *"The Express"*, *"The Daily Mirror"*) отводят главные полосы скандалам, криминальным и спортивным событиям, а также необычным происшествиям. Их главное отличие от качественной прессы — повышенный эмоциональный фон и нередко предвзятое оценочное суждение происходящего. Несмотря на видимые различия, качественная и популярная пресса выполняют взаимосвязанные функции: информирующую и воздействующую, которые реализуются, главным образом, при помощи языковых средств. Кроме этого, общими для британских изданий являются и некоторые темы, например, спорт, занимаю-

щий в жизни британцев важное место. Ни одна британская газета не обходится без спортивной рубрики.

Современные исследования спортивного дискурса невозможны без анализа медийных текстов, т.к. именно СМИ наиболее эффективно представляют спортивные события [Кудрин, 2011, с. 6]. СМИ определяют тон и набор лингвистических средств для организации спортивного дискурса, а также фиксируют и отражают новые тенденции, появляющиеся в мире спорта. В этой связи анализ языка массмедийного спортивного дискурса не только раскрывает функции языковых единиц в спортивном дискурсе, но и вносит диагностирующий вклад, позволяя выявить новые тенденции как в изучаемом виде дискурса, так и в обществе в целом.

Исследователи в области массмедийного дискурса не раз обращали внимание на наличие в нем метафор. Метафоры, являясь неотъемлемой частью массмедийного дискурса, обеспечивают его информативную точность, необходимую для эффективного общения. Помимо этого, посредством метафор создаются образы, влияющие на отношение адресата к событиям, которые освещают масс-медиа. Постоянное развитие массмедийного дискурса и его слияние с другими видами институциональных дискурсов приводит к появлению новых образов, и, как следствие, к возникновению новых метафорических моделей. Нередко уже известные метафорические модели получают новое наполнение.

Цель данной статьи — выявление функционального аспекта религиозных метафор в спортивном газетном дискурсе на материале британских газет. Актуальность данной темы объясняется как природой самой метафоры, которая, по словам Ф. Анкерсмита, «превращает незнакомую действительность в знакомую, вследствие чего используется для передачи опыта и знания от одной культурной среды к другой» [Анкерсмит, 2003, с. 85], так и спецификой британского газетного дискурса, в котором метафоры используются как одни из самых частых и ярких средств выразительности речи. Исследование религиозных метафор на материале британских периодических изданий позволяет рассмотреть особенности массмедийного газетного спортивного дискурса и определить роль и функции религиозной метафоры в их формировании.

Важность спорта в современном обществе как огромной сферы человеческой деятельности не вызывает сомнений. Спортивный дискурс, понимаемый как «речь (в устной и письменной форме), которая транслирует смыслы, определяющие спортивную деятельность, и как совокупность произведенных текстов, в которых репрезентированы эти смыслы» [Снятков, 2008, с. 8], все чаще становится предметом исследования в лингвистике.

Одна из особенностей спортивного дискурса состоит в том, что он тесно связан с другими современными социальными институтами, которые отражаются в спортивном дискурсе, образуя различные суб-дискурсы. В научной литературе не раз освещалась очевидность связи спортивного дискурса с другими видами институциональных дискурсов: педагогическим, научным, деловым, юридическим, политическим, военным, медицинским и рекламным [Малышева, 2014, с. 107–110; Снятков, 2008, с. 12–16; Шарипова, Орлова, 2017, с. 339], однако «открытость» спортивного дискурса [Зилберт, 2001], обусловленная проникновением спорта практически во все сферы общества, и активное освещение спортивных событий СМИ, привела к наибольшему сращиванию спортивного дискурса с массмедийным.

Интердискурсивная природа массмедийного дискурса обусловила появление новых разновидностей спортивного дискурса, важнейшим из которых в англоязычном пространстве, учитывая влияние британских периодических изданий, является газетно-журнальный. В отличие от специализированной спортивной литературы британские СМИ освещают спортивные события так, чтобы они были понятны широкому кругу читателей, а не только узким специалистам. Тем не менее, спортивный дискурс, независимо от своей разновидности, обнаруживает ряд особенностей, делающих его узнаваемым и отличным от других видов институциональных дискурсов. К таким особенностям исследователи относят, прежде всего, лексические средства: использование спортивной лексики (спортивная терминология, спортивный жаргон, спортивные неологизмы) и особое синтаксическое построение текста (эллиптические предложения, парцелляция, вводные конструкции, отражающие модальные значения и оценки высказанного, вставные компоненты, присоединительные конструкции, конструкции с чужой речью, диалогичность общения [Шарипова, Орлова, 2017, с. 340–341]).

Кроме этого, спортивный дискурс, независимо от своей жанровой и тематической разновидности, по справедливому замечанию А.Н. Гриценко, «редко разворачивается в нейтральном регистре» [Гриценко, 2015, с. 10], в связи с чем в нем часто используются различного рода образные, оценочные и стилистически окрашенные средства с целью воздействия на эмоциональную сферу реципиента. Одним из таких средств являются метафоры, которые оказывают довольно сильное воздействие на читателя, формируя заданное отношение к той или иной проблеме [Розе, Емельянова, 2018, с. 1].

Исследователи спортивного дискурса, помимо традиционной военной метафоры, реализующей базовую для спортивного дискурса оппозицию «спорт» — «война» [Белютин, 2017; Гриценко, 2015; Долгова, 2018; Кудрин, 2011; Пак, 2018], выделяют в спортивном дискурсе наличие метафор из области искусства [Кудрин, 2011], шоу-бизнеса [Малышева, 2014], магии, мира финансов [Гриценко, 2015]. Отмечают лингвисты наличие в спортивном дискурсе и религиозных метафор [Белютин, 2012], которые стали объектом данного исследования.

Эмпирической базой настоящего исследования послужили 302 метафорические единицы, прототипами которых являются библейские высказывания. Все статьи, из которых методом сплошной выборки были отобраны лексические единицы, взяты из четырех британских периодических изданий (онлайн версии), датируемых периодом с 2015 по 2019 годы: *"The Guardian"* (50 единиц), *"The Daily Telegraph"* (95 единиц), *"The Daily Mail"* (79 единиц), *"The Daily Mirror"* (78 единиц). Первые два периодических издания возглавляют список самых влиятельных британских газет и представляют пример качественной британской периодики. Два других — классические популярные британские газеты. Обращение к изданиям разных групп позволяет сделать исследование более объективным, т.к. любое периодическое издание, независимо от той группы, к которой оно принадлежит (качественная либо бульварная пресса), придерживается своей собственной политики в подаче материала, а значит, и в выборе языковых средств. Кроме того, анализ религиозных метафор в изданиях обоих типов дает больше оснований говорить об особенностях спортивного массмедийного дискурса в британских периодических изданиях в целом, а также о тенденциях, существующих в изданиях обеих групп.

Весь эмпирический материал был подвергнут анализу на основании следующих параметров: количество метафорических единиц, вид спорта, местоположение единицы в тексте газетной статьи, функции в дискурсе.

1. Количество метафорических единиц. По данным нашей выборки за период с 2015 по 2019 год наименьшее количество религиозных метафор в статьях о спортивных событиях отмечается в газете *"The Guardian"*. Наибольшее количество единиц — в газете *"The Telegraph"*. Единиц в популярных бульварных газетах *"The Daily Mail"* и *"The Daily Mirror"* в нашей выборке почти поровну. При этом большинство примеров, взятых из *"The Daily Telegraph"* и *"The Daily Mail"*, приходится на 2018–2019 годы. Данные о количественном соотношении метафорических единиц приведены в таблице 1.

Таблица 1

Название издания	"The Guardian"	"The Daily Telegraph"	"The Daily Mail"	"The Daily Mirror"
Количество единиц	50 (16,5%) ²¹	95 (31,5%)	79 (26,2%)	78 (25,8 %)

Такое соотношение цифр, очевидно, связано с политикой изданий. *"The Guardian"* знаменита своими политическими обзорами и аналитическими статьями. Газета стремится к сдержанности и объективности в своих оценках. Спортивные события освещаются в таком же ключе. *"The Daily Telegraph"* приобрела хорошую репутацию за свои интересные статьи на разные темы и объективный подход к изложению материала. Большое количество исследуемых единиц в этом издании обусловлено умением газеты интересно подавать спортивный материал, а также широким спектром видов спорта, которым уделяется внимание. *"The Daily Mail"* и *"The Daily Mirror"* известны как «негодующее лицо бульварной журналистики» [Линговская, 2018], реализованное в преобладании эмоционально окрашенных языковых единиц.

2. Вид спорта. Как показывает материал выборки, виды спорта, освещенные в том или ином издании, обусловлены, с одной стороны, общенациональными пристрастиями, а с другой — социальным статусом читательской аудитории. Первое место безоговорочно во всех изданиях отведено футболу, однако любовь к футболу особенно заметна в популярных изданиях. Так, раздел *"Sport"* в *"The Daily Mail"* делится на подразделы, четыре из которых посвящены исключительно футболу. В другом популярном издании *"The Daily Mirror"* футбол занимает отдельный раздел, в то время как иные виды спорта представлены в разделе под общим названием *"Sport"*.

Далее список популярных видов спорта продолжают крикет, регби, теннис и гольф. Однако новости о последних двух видах спорта занимают скромное место во всех четырёх изданиях в сравнении с футболом, крикетом и регби, уступая место новостям из мира авто- и мотогонок.

Качественные издания также уделяют внимание скачкам и парусному спорту, что обусловлено стремлением газет удовлетворить интересы своих читателей, представителей среднего и (как в случае в *"The Daily Telegraph"*) высшего классов. Кроме того, статус качественной прессы обязывает *"The Guardian"* и *"The Telegraph"* предоставлять информацию о максимальном количестве видов спорта, популярных в стране и даже за

²¹ Проценты от общего количества единиц.

ее пределами, поэтому издания нередко освещают события из американской спортивной жизни, центральное место в которой занимает бейсбол.

В список видов спорта в бульварных изданиях, помимо футбола, регби, крикета, авто- и мотогонок, тенниса и гольфа, входят бокс и рестлинг. Очевидно, что это обусловлено интересами читательской аудитории, которую, помимо среднего класса, составляют представители низшего и рабочего классов. Новости о «небританских» видах спорта редко появляются на страницах изданий.

Соотношение языковых единиц из нашей выборки и видов спорта представлены в таблице 2.

Таблица 2

Название издания	"The Guardian"	"The Telegraph"	"The Daily Mail"	"The Daily Mirror"
Вид спорта				
Футбол	13	48	60	69
Крикет	11	13	3	1
Регби	4	12	6	-
Теннис	3	4	1	1
Бейсбол	3	1	-	-
Гольф	2	4	-	-
Авто- и мотогонки	4	1	4	-
Бокс	2	2	-	4
Рестлинг	-	-	-	3
Конный спорт	2	1	-	-
Легкая атлетика	2	1	2	1
Остальные виды спорта	3	8	3	-

Несмотря на значительное количество примеров, метафоры, используемые во всех изданиях, не отличаются разнообразием. Наибольшее разнообразие метафор обнаружено только в газете *"The Daily Telegraph"* (40 единиц), однако в этом издании освещается и самое большое число разных видов спорта. Кроме того, читательскую аудиторию *"The Daily Telegraph"* составляют представители среднего и высшего классов, образованные люди с широким кругом интересов, входящие в политическую и экономическую элиту страны. *"The Guardian"* также обращается к широкому спектру видов спорта, однако набор метафор, встречающихся в статьях, аналогичен: в разных статьях используются одни и те же метафоры. Возможно, это обусловлено тем, что газета стремится быть сдержанной в подаче информации.

В бульварных изданиях, сосредоточенных в основном на футболе, также наблюдается использование одних и тех же метафор. В целом, среди наиболее частотных единиц, присутствующих во всех четырех газетах, можно отметить следующие (единицы представлены в порядке убывания): *scapegoat, a stumbling block, cornerstone, anathema, behemoth, Judas, to fall from grace, David and Goliath*.

Scapegoat (футбол, крикет, рэгби): *Jose Mourinho has been made a scapegoat for Manchester United's flops, claims Wayne Rooney* (Daily Mirror. 08.10.2018).

(A) *stumbling block* (футбол и крикет): *Radamel Falcao desperate to join Chelsea would be a stumbling block to Chelsea, whose highest earner Eden ...* (Daily Telegraph. 25.05.2015).

Cornerstone (футбол и бейсбол): *The inside story behind Aston Villa cash crisis as cornerstone of the English game is brought to its knees* (Daily Mirror. 07.07.2018).

Anathema (различные виды спорта): *And that, even though the idea of the European Clubs Association wanting to rope off the Champions League is anathema, Claudio Ranieri's men somehow won't truly belong there* (Daily Mirror. 04.04.2016). Единица используется для обозначения всего, что связано с неприличным поведением фанатов, изменением правил игры и нарушением принятых в данном виде спорта норм.

Behemoth (футбол, бокс и реслинг): *How the Champions League ate the world — the story behind European football's behemoth* (Daily Telegraph. 17.09.2018). В футбольном дискурсе единица обозначает сильную команду, в дискурсе о боксе или реслинге — сильного, непобедимого спортсмена.

Judas (футбол и регби): *Bobby Moore was no Judas when he left for new club... neither is Chelsea legend John Terry* (Daily Mail. 23.04.2017). Единица используется для обозначения игрока, переходящего в другой клуб.

David (and Goliath) (футбол, бокс, реслинг): *Gary Bowyer insists his Blackburn players are confident ahead of 'David vs Goliath' FA Cup sixth round clash against Liverpool* (Daily Mail. 06.03.2015). Иногда в спортивном дискурсе для обозначения целой команды или одного спортсмена встречается только один из элементов единицы.

(To) *fall by the wayside* (различные виды спорта от футбола до конного спорта): *Two obvious contenders have fallen by the wayside in the past week but at last we've found a runner set to go in the Classic* (Guardian. 23.04.2019).

(To) *fall from grace* (различные виды спорта): *Liverpool ranked third best team in world as Man Utd suffer embarrassing fall from grace* (Daily Mirror. 15.07.2019). Единица используется в отношении игрока или команды, которым перестала сопутствовать удача.

Остальные единицы в нашей выборке имеют низкую частотность, поэтому делать выводы, о том в каких видах спорта они больше всего употребляются, затруднительно.

3. Местоположение в тексте статьи. Как известно, заголовок занимает самую сильную позицию в статье, определяя тему и оценку сообщения, привлекая внимание читателя. Наличие метафор, аллюзий и прочих фигур речи является обязательной характеристикой заголовков [Jaki, 2014, p. 38]. Однако по данным нашей выборки основное место функционирования религиозных метафор — не заголовок, а текст статьи, и эта тенденция наблюдается во всех четырёх изданиях, независимо от того, к какой группе они принадлежат. Наименьшее различие в числовом соотношении отмечается в издании *"The Daily Mail"*, которое славится своими резкими эмоциональными суждениями, но и в нем замечено большее наличие религиозных метафор в текстах статей, а не в заголовках.

Количественное соотношение языковых единиц и их месторасположение в тексте статьи приведены в таблице 3.

Таблица 3

Название издания	"The Guardian"	"The Telegraph"	"The Daily Mail"	"The Daily Mirror"
Заголовок	18	36	33	5
Текст статьи	32	59	46	73

Библеизмы не являются редкостью в британских СМИ, но им, как правило, отводится место в заголовке, где они выполняют манипулирующие функции [Катермина, Соловьева, 2019]. Преобладание религиозных метафор в тексте, очевидно, связано с тем, что они несут в нем особую смысловую нагрузку.

4. Функция метафор в спортивном газетном дискурсе. Наличие религиозных метафор в текстах британских периодических изданий обусловлено как природой метафор, так и особенностями массмедийного дискурса. Любой коммуникативный акт успешен, если он смог привлечь внимание читателя или слушателя, а наилучший способ для этого — использование метафор [Punter, 2007, p. 3]. В этой связи неудивительно, что массмедийный дискурс активно обращается к метафорам.

Помимо этого, метафоры предоставляют готовую модель для создания новых образов и, следовательно, способствуют развитию языка. Библейские образы, хорошо знакомые английским читателям, активно используются в спортивном дискурсе СМИ как модели, на которых

формируются новые образы. К примеру, *Judas* — игрок, покидающий свой клуб ради более выгодного контракта, *doubting Thomas* — не верящий в свою команду болельщик. Такое использование метафор не только привлекает читателя знакомой формой, но и содействует более компактному представлению информации и ее лучшему запоминанию. Благодаря этому реализуется одна из главных функций СМИ — воздействие на реципиента [Жогова, Кузина, 2015, с. 134]. Обращение к знакомым библейским образам в спортивном дискурсе обеспечивает быстрый доступ к ассоциативной сфере читателей, укорачивая процессы переработки информации. Характеристика теннисиста посредством метафоры *feet of clay* или сравнение дополнительного времени в матче с *anna from heaven* позволяет читателям быстрее проникнуть в суть описываемого спортивного события.

Еще одна особенность метафор, широко используемая в британской периодике, — их способность воздействовать на эмоциональную сферу реципиента. Неслучайно религиозных метафор так много в бульварной прессе, задача которой — не только донести информацию, но и сформировать определённую оценку происходящего. Повторение одних и тех же единиц в одном и том же виде дискурса (в особенности, если это один и тот же вид спорта) способствует формированию у адресата заданной оценки. Читатель, знакомый с оценочным потенциалом метафоры, встречая знакомую языковую единицу в похожем дискурсе, уже не тратит силы на распознавание ее коннотативного значения. Оценивающая функция, по справедливому замечанию Н.Н. Болдырева, предполагает «схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной шкалой оценок, системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, принятых в рамках той или иной культуры, т.е. оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию объектов и событий» [Болдырев, 2016, с. 13].

Однако представляется, что наличие религиозной метафоры в спортивном дискурсе — не только следствие экономии языковых средств и осуществление функции воздействия на адресата. Перенос религиозных ценностей в спортивный дискурс через метафору есть отражение новых тенденций, проявляющихся в европейском спорте. Исследователи в области спортивного дискурса отмечают существенное пересечение спортивного и религиозного дискурсов, например, в немецком футбольном субдискурсе [Белютин, 2017; Белютин, 2012]. Основания для внедрения религиозной метафоры в спортивный дискурс, по мнению Р.В. Белютина, «кроются в том, что оба феномена — спорт и религия — обнаруживают много общего в плане восприятия и системы взаимоотношений между субъектами, эмоционального фона и пр.» [Белю-

тин, 2012, с. 132]. Например, в немецком языковом пространстве активно формируется модель «Спорт — это религия». Развитие этой модели поддерживается в немецком обществе даже теософами, которые находят в Библии фразы, говорящие о футболе [Белютин, 2017].

Полученных нами данных недостаточно для того, чтобы с уверенностью говорить о подобных тенденциях в британском обществе. Однако необходимо отметить, что в газете *"The Guardian"* в 2009 г. в разделе спорт велась рубрика *"Seven deadly sins of football"* (*The Guardian*. 22.05.2009). В ней размещались фотографии и приводились факты из футбольных архивов, которые, по мнению авторов рубрики, иллюстрировали все семь библейских грехов, проявляющихся в футбольном мире: *Lust, Wrath, Greed, Sloth, Gluttony, Pride, Envy*. Такой перенос библейских понятий в сферу спорта вряд ли можно считать случайным.

Тем не менее, для утверждения функционирования в спортивных британских СМИ метафорической модели «спорт — это религия» необходимо более развернутое исследование с привлечением данных из других видов спортивного дискурса. Необходимо также проследить частичность и разнообразие метафорических моделей в спортивных дискурсах, описывающих другие виды спорта, данные по которым, в отличие от футбольного дискурса, отсутствуют. Однако то, что религиозные метафоры уже стали неотъемлемой частью спортивного газетно-журнального дискурса Великобритании, очевидно и является показателем развития данной тенденции.

Сливаясь с другими видами институциональных дискурсов, массмедийный дискурс проникает во все сферы человеческой деятельности. Спорт, став неотъемлемой частью современного общества, неотделим от спортивного массмедийного дискурса, который не только влияет на выбор языковых средств при подаче информации из мира спорта, но и является отражением процессов и явлений, происходящих как в спортивной жизни, так и в жизни социума.

Периодические издания Великобритании (качественные и бульварные) по-разному представляют информацию; однако и те и другие при описании спортивных событий нередко прибегают к религиозным метафорам. При этом наибольшее количество метафор отмечается в футбольном спортивном дискурсе.

В спортивном дискурсе британских периодических изданий религиозная метафора выполняет несколько функций. Использование религиозной метафоры посредством отсылки к библейским сюжетам формирует у реципиента готовое оценочное суждение, а сравнение библейских событий со спортивными способствует формированию новых об-

разов, которые при неоднократном повторении в спортивном дискурсе становятся привычными для реципиентов.

Кроме того, использование одних и тех же религиозных метафор и в качественной и в бульварной прессе Великобритании свидетельствует о наметившейся тенденции, согласно которой спорт в современном обществе приравнивается к религии.

Библиографический список

Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

Белютин Р.В. Религиозная метафора в системе речевых коллективных практик немецких футбольных фанатов // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 3 (76).

Белютин Р.В. Религиозная семантика спортивного дискурса (на материале немецкого языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3 (032).

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4.

Гриценко А.Н. Метафоры в спортивных СМИ, описывающие мир баскетбола // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4.

Долгова Е.В. Милитарная метафорика в медийном дискурсе // Филология и человек. 2018. №1.

Жогова И.Г., Кузина Е.В. Роль идиоматических сочетаний в англоязычном медиа-дискурсе политической и экономической направленности // Филология и человек. 2015. №1.

Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. М., 2001. Вып. 19.

Катермина В.В., Соловьева Н.С. Фразеологические единицы-библеизмы как средство воздействия в англоязычном массмедийном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3.

Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как тексто-порождающие модели : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Линговская С. СМИ Великобритании: история, развитие и современные тенденции // FB. 30.04.2018. URL: <https://fb.ru/article/382507/smi-velikobritanii-istoriya-razvitie-i-sovremennyye-tendentsii>

Малышева Е.Г. Концептуальная метонимическая модель «спорт — это шоу»: особенности репрезентации в русском спортивном дискурсивном пространстве // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50).

Пак Л.Е. Метафора в дискурсе спортивного комментария США и России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 3/2. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/f3be7a90-ab54-45ad-ad77-349fa8ecceb3>

Розе Е.Е., Емельянов А.В. Метафоры в миграционном дискурсе англоязычных газетных статей // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (16).

Снятков К.В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса : автореф. ... канд. филол. наук. Вологда, 2008.

Шарипова Ф.Н., Орлова Э.А. Спортивный дискурс и его жанры // Интегрированный коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. Краснодар, 2017. Т. 1. № 1.

Jaki S. Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines: "More than meets the eye". Amsterdam, 2014.

Punter D. Metaphor. N. Y., 2007.

Источники

Daily Mail. 06.03.2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-2982962/Gary-Bowyer-insists-Blackburn-players-confident-ahead-David-vs-Goliath-FA-Cup-sixth-round-clash-against-Liverpool.html>.

Daily Mail. 23.04.2017. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-4437984/John-Terry-no-Judas-leaving-Chelsea-new-club.html>.

Daily Mirror. 04.04.2016. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/little-old-leicester-could-more-7688865>.

Daily Mirror. 07.07.2018. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/inside-story-behind-aston-villa-12655774>.

Daily Mirror. 08.10.2018. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/jose-mourinho-been-made-scapegoat-13385258>.

Daily Mirror. 15.07.2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/liverpool-ranked-third-best-team-1826508>.

Daily Telegraph. 25.05.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/sport/football/teams/chelsea/11629088/Radamel-Falcao-desperate-to-join-Chelsea.html>

Daily Telegraph. 17.09.2018 URL: <https://www.msn.com/en-ie/sport/football/how-the-champions-league-ate-the-world-the-story-behind-european-football-behemoth/ar-BBNrxzc>.

Guardian. 23.04.2019. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2019/apr/23/talking-horses-finally-an-intended-runner-for-the-2000-guineas>

Guardian 15.07.2019. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2019/apr/23/talking-horses-finally-an-intended-runner-for-the-2000-guineas>.

Guardian 22.05.2009. URL: <https://www.theguardian.com/football/series/seven-deadly-sins>.

References

Ankersmit F. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory*. [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow, 2003.

Belyutin R.V. *Religioznaya semantika sportivnogo diskursa (na materiale nemeckogo yazyka)*. [Religious semantics of sports discourse (based on the material of the German language)]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. [Cognitive linguistics issues]. 2012. No. 3(032).

Belyutin R.V. *Religioznaya metafora v sisteme rechevyh kollektivnyh praktik nemeckih futbol'nyh fanatov*. [Religious metaphor in the system of collective speech practices of German football fans]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific notes of the Oryol State University]. 2017. No. 3 (76).

Boldyrev N.N. *Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretacii*. [Cognitive schemes of language interpretation]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive linguistics issues]. 2016. No. 4.

Gricenko A.N. *Metafory v sportivnyh SMI, opisyyayushchie mira basketbola*. [Sports media metaphors describing the world of basketball]. In: *Vestnik RUDN*. [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. Series Theory of language. Semiotics. Semantics. 2015. No. 4.

Dolgova E.V. *Militarnaya metaforika v medijnom diskurse*. [Military metaphorization in the media discourse]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2018. No.1.

Zhogova I.G., Kuzina E.V. *Rol' idiomaticheskikh sochetanij v angloyazychnom media-diskurse politicheskoy i ekonomicheskoy napravlennosti*. [The Role of idioms in English politic and economic discourse]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No.1.

Zil'bert B.A. *Sportivnyj diskurs: tochki peresecheniya s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti)* [Sports discourse: intersection points with other discourses (problems of intertextuality)]. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. [Language, consciousness, communication]. Moscow, 2001, Iss. 19.

Katermina V.V., Soloveva N.S. *Frazeologicheskie edinicy-bibleizmy kak sredstvo vozdeystviya v angloyazychnom massmedijnom diskurse*. [Phraseological biblical units as a means of influence in the English-language mass media discourse]. In: *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. [Cognitive linguistics issues]. 2019. No 3.

Kudrin S.A. *Bazovye metafory sportivnogo diskursa kak tekstoporozhdayushchie modeli*. [Basic metaphors of sports discourse as text-generating models]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2011.

Lingovskaya S. *SMI Velikobritanii: istoriya, razvitie i sovremennye tendencii*. [UK media: history, development and current trends]. URL: <https://fb.ru/article/382507/smi-velikobritanii-istoriya-razvitie-i-sovremennyye-tendentsii> (accessed 30.07.2019).

Malysheva E.G. *Konceptual'naya metonimicheskaya model' «sport — eto show»: osobennosti reprezentacii v russkom sportivnom diskursivnom prostranstve*. [Conceptual metonymic model “sport is a show”: features of representation in Russian sports discourse space]. In: *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2014. No. 4 (50).

Pak L.E. *Metafora v diskurse sportivnogo kommentariya SSHA i Rossii*. [Metaphor in the discourse of US and Russian sports commentary]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki*. [Modern science: topical problems of theory and practice]. 2018. No. 3/2. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/files/f3be7a90-ab54-45ad-ad77-349fa8ecceb3>

Roze E.E., Emel'yanov A.V. *Metafory v migracionnom diskurse angloyazychnyh gazetnykh statej*. [Metaphors in the migration discourse of English-language newspaper articles]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. [Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University]. 2018. No. 4 (16).

Snyatkov K.V. *Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa: avtoref. ... kand. filol. nauk*. [Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Vologda, 2008.

Sharipova F.N., Orlova E.A. *Sportivnyj diskurs i ego zhanry*. [Sports discourse and its genres]. In: *Integrirovannyj kommunikacii v sporte i turizme: obrazovanie, tendencii, mezhdunarodnyj opyt*. [Integrated communications in sports and tourism: education, trends, international experience]. Krasnodar, 2017. Vol.1. No.1.

Jaki S. *Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines: “More than meets the eye”*. Amsterdam, 2014.

Punter D. *Metaphor*. New York, 2007.

List of sources

Daily Mail. 06.03.2015. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-2982962/Gary-Bowyer-insists-Blackburn-players-confident-ahead-David-vs-Goliath-FA-Cup-sixth-round-clash-against-Liverpool.html>.

Daily Mail. 23.04.2017. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/football/article-4437984/John-Terry-no-Judas-leaving-Chelsea-new-club.html>.

Daily Mirror. 04.04.2016. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/little-old-leicester-could-more-7688865>.

Daily Mirror. 07.07.2018. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/inside-story-behind-aston-villa-12655774>.

Daily Mirror. 08.10.2018. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/jose-mourinho-been-made-scapegoat-13385258>.

Daily Mirror. 15.07.2019. URL: <https://www.mirror.co.uk/sport/football/news/liverpool-ranked-third-best-team-1826508>.

Daily Telegraph. 25.05.2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/sport/football/teams/chelsea/11629088/Radamel-Falcao-desperate-to-join-Chelsea.html>.

Daily Telegraph. 17.09.2018. URL: <https://www.msn.com/en-ie/sport/football/how-the-champions-league-ate-the-world-the-story-behind-european-footballs-behemoth/ar-BBNrxzc>.

Guardian. 23.04.2019. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2019/apr/23/talking-horses-finally-an-intended-runner-for-the-2000-guineas>.

Guardian 15.07.2019. URL: <https://www.theguardian.com/sport/blog/2019/apr/23/talking-horses-finally-an-intended-runner-for-the-2000-guineas>.

Guardian 22.05.2009. URL: <https://www.theguardian.com/football/series/seven-deadly-sins>.

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «КАРАНТИН» В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОРЕ

Т.П. Павлюк, З.А. Дубинец

Ключевые слова: интернет-фольклор, карантин, концептуальный признак, концепт, субконцепт.

Keywords: Internet folklore, quarantine, conceptual feature, concept, sub-concept.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-12

В современных филологических исследованиях прослеживается рост интереса лингвистов и литературоведов к произведениям фольклора. Термин «фольклор» введен в научный обиход ученым и археологом Вильямом Томсом в 1846 году и в переводе с английского означает «народная мудрость» [Кормильцева, 2011, с. 177]. Активное изучение фольклора в России началось во второй половине XIX века и связано с именами А. Афанасьева, Ф. Буслаева, П. Киреевского, В. Миллера. В советской науке фольклор стал объектом внимания М. Азадовского, Н. Андреева, Ю. Соколова, О. Фрейденберг и др. Была исследована роль русского фольклора в литературно-общественной борьбе разных лет (М. Азадовский), проблема фольклоризма писателей (Н. Андреев), детально проанализирована теория античного фольклора, выявлено соотношение образа и понятия в античных мифах (О. Фрейденберг). Весомый вклад в исследование русской фольклористики внесли представители формальной школы в литературоведении: А. Астахова, П. Богатырев, В. Жирмунский, В. Пропп, Б. Соколов, В. Шкловский.

В работах современных авторов (В. Аникин, А. Архипова, С. Неклюдов, Н. Петрова, Д. Радченко, В. Черванева и др.) фольклорный текст рассматривается как реакция на событие, дающая представление о восприятии людьми происходящего. Важность знаний фольклора для изучения народной психологии отмечал Л. Толстой: «Изучение фольклора может дать человеку знание о русском народе, и в конечном итоге о самом себе» [Толстой, 1984], подтверждение этому мы находим и сегодня. Однако если поначалу под фольклором понимали устное народное творчество, возникшее еще в дописьменный период (О. Кормильцева), то сегодня основным источ-

ником фольклора является письменная коммуникация различных национальных (англо-, русско-, испаноговорящих и др.) сегментов интернета.

Следует отметить, что Интернет, с одной стороны, — вторичный носитель фольклорного текста (сайты, на которых размещены без изменений произведения фольклора), а с другой, — активный создатель (форумы, социальные сети и блоги). Пользователи социальных сетей в ответ на любое резонансное социально-политическое событие в стране и мире продуцируют фольклорные тексты (чаще всего юмористического характера), которые отображают нашу реакцию на действия власти (А. Архипова, Д. Радченко) и, по мнению Джеймса Скотта, являются одним из проявлений «оружия слабых».

Среди многообразия терминов (постфольклор, медиалор, ньюслор, техлор, фолькнет, нетлор, интернет-фольклор, фольклор в Интернете, е-фольклор, экранный фольклор и др.) наиболее предпочтительным, на наш взгляд, является «интернет-фольклор», поскольку именно он указывает на главное свойство явления: возможность существования только в сети Интернет. В качестве синонима считаем возможным использовать термин, разграничивающий традиционное и современное понятие народного творчества, — актуальный фольклор, который также отображает соответствующий моменту (т.е. находящийся на пике обсуждения) акт народного словотворчества.

Мы понимаем интернет-фольклор как инструмент, с помощью которого говорящий опосредованно описывает некое социально-политическое событие и выражает свое мнение, участвуя в «цепочке» передачи фольклорного текста [Архипова, 2016, с. 39], как «средство межкультурной коммуникации, сохранения культурной преемственности и традиции в условиях глобализации» [Савченко, 2012]. При создании произведения интернет-фольклора прослеживается диалогичность текстообразования, то есть совмещение актов производства и интерпретации, на которую указывал М. Бахтин: «...всякая коммуникация на что-то отвечает и на какой-то ответ рассчитывает (хотя бы на ответное понимание) [Бахтин, 1997, с. 255].

Лингвосемиотический анализ сетевого фольклора, особенности современного фольклорного дискурса представлены в публикациях А. Колистратовой [Колистратова, 2012, с. 135], интернет-фольклор как одна из форм современной коммуникации стал предметом исследования Т. Сусловой [Сулова, 2015], жанрово-видовую дифференциацию языкового творчества в Интернете и Рунете проанализировала О. Мельникова [Мельникова, 2018], новым исследовани-

ям современного словесного искусства посвящена работа А. Бушуева [Бушуев, 2018, с. 90].

Мы согласны с Т.И. Сусловой в том, что интернет-культура в фольклорных формах предстает как одна из ярчайших субкультур современности, которая синтезирует все варианты развития современной культуры [Суслова, 2015], а потому наше внимание привлёк феномен концептуализации самого актуального понятия 2020 года — «карантин», который реализован средствами интернет-фольклора. По мнению М.Л. Ковшовой, фольклор в данном контексте берет на себя «роль посланца эпох, является напоминанием об истоках культурного знания носителей языка» [Ковшова, 2006, с. 12]. Кризисная эпоха первой половины 2020 года не могла не отобразиться в словесном творчестве наших современников: на просторах всемирной сети ей посвящены тексты разных жанров и стилей.

Цель исследования — осветить особенности концептуализации понятия «карантин» и сопутствующих концептов в современных жанрах интернет-фольклора: мемах, анекдотах, байках, пирожках («перашках») и т.д.

Анализ материала производился с использованием приемов семантико-когнитивного анализа, а также приема количественного подсчета для представления статистических данных.

Материалом для статьи послужила картотека из 150 единиц, собранных методом сплошной выборки из социальных сетей Facebook и Twitter русскоязычного сегмента интернета за период с марта по май 2020 года. Показательно, что предметом юмористического фольклора стал именно карантин, а не коронавирус, то есть следствие, а не причина. Масштабы и драматичность эпидемии, вероятно, не позволяли авторам текстов шутить о своего рода табуированном явлении.

Понятие карантина присутствовало в когнитивной картине мира современного человека на отвлеченно-абстрактном уровне. Справочно-информационный портал Грамота.ру дает следующее определение карантину: Карантин, -а; м. [франц. quarantaine] 1. Временная изоляция больных и лиц, соприкасавшихся с ними, для предупреждения дальнейшего распространения эпидемических заболеваний. *Наложить к. Выдержать к. Срок карантина.* 2. Санитарный пункт для осмотра лиц, судов, товаров, прибывающих из местности, охваченной эпидемией. Карантинный, -ая, -ое. *К. срок. К. пункт. К. врач* [Большой толковый словарь, URL]. Последние же события мирового масштаба актуализировали данный концепт и наделили его рядом классификационных когнитивных признаков, которые мы решили исследовать на материале юмористического фольклора социальных сетей.

Следует отметить, что анализируемые тексты создавались авторами двух типов: теми, кто работал на развлекательных порталах, и теми, кто просто рефлексировал над происходящими событиями, находясь на самоизоляции. Ввиду того, что не представляется возможным разграничить эти две категории текстов, мы применяли к ним одинаковые методы семантико-когнитивного анализа; укажем лишь, что индивидуальный интернет-фольклор отличается от рабочего непринужденностью мысли и меньшим объемом текстов.

В результате анализа собранного материала были выделены 24 категории, которые вошли в ассоциативное поле исследуемого концепта: это пародия на кино, анекдоты, устойчивые выражения; объявления, реклама; домашнее обучение; быть дома; вопросы на форуме, советы; алкоголь; устойчивые фразы, эвфемизмы, афоризмы; ретроспективная пародия на реалии советского прошлого; шутки, мемы; страх смерти; обогащение на беде; планирование праздников; подпольная работа; брачные знакомства; всевидение политиков; поход в магазин; лозунги; туризм; лингвистические шутки; одежда; приметы; новые социальные и экономические реалии; спорт; самоизоляция. Отметим, что в одну категорию объединялись тексты, которые тематически связаны. Именно поэтому одни категории обозначают объекты первичной материальной системы (предметы и опредмеченные действия — одежда, алкоголь, поход в магазин), другие — вторичной (т.е. языковые — шутки, вопросы на форуме, лозунги и т.д.)

Рассмотрим две самые продуктивные группы.

Одной из наиболее конструктивных для концептуализации «карантина» стала категория «быть дома» (15%). Она представляет собой рефлексию человека над смещением акцентов в его распорядке дня, поскольку большую часть времени люди вынуждено проводили дома. В ядро данной группы входят такие лексемы как «спать», «сегодня», «выходной», «есть», «дом», например: *Я уже два раза спала и шесть раз ела, а это все еще сегодня; Сегодня уникальное событие: выходной день на выходной неделе во время выходного месяца.* С одной стороны, авторы стали замечать, как медленно проходит время, когда ты не занят работой, а также получать ответы на существовавшие ранее вопросы об обиходе своих домашних. Находясь на карантине, люди пытаются организовать свое время с максимальной пользой. Для этого они занимаются саморазвитием и целеполаганием, которые, однако, оказываются неэффективными: *Моей целью на карантин было похудеть на 10 кг. Осталось 15... Или: Самоизоляция дана для того, чтобы ты понял: никакое свободное время на чтение книг, спорт и развитие тебе не нужно, и ты просто ленивая ж**а!*

Избыток времени привел к тому, что люди стали шутить о несерьезном времяпрепровождении, как в примере: *Оказывается, 1 кг риса это 3 479 453 рисинки. Завтра про сахар расскажу; Третья неделя изоляции: побеседовал с науком. Нормальный мужик! Работает в сети системным администратором*; а также о нарочито серьезных занятиях: *На десятый день карантина моя собака сказала мне, что никогда не считала Ницше серьезным философом*. Таким образом, авторы комических текстов утверждают: во время изоляции у человека нарушается психологическое равновесие, что приводит к несвойственным для него занятиям (пересчету крупы) и стремлению общаться о жизни и философских категориях даже с домашними питомцами.

Одним из главных концептуальных признаков карантина выступает повышенное употребление пищи. Заслуживает внимания пример языковой игры, когда в пределах одного устойчивого словосочетания (в музыке: *тональность до мажор*) срачиваются два разных слова и графически выделяется новый композит: *Открытие в теории музыки: новая тональность 21 века — ДомаЖор*.

Указанный дериват строится на основе параллелизма, предполагающего одновременную актуализацию в сознании адресата «старой» и «новой» языковых единиц. По мнению исследователей языковой игры (Н. Болотнова, Т. Булыгина, Т. Гридина, В. Санников, И. Цикушева и др.), восприятие значения реинтерпретированного слова происходит на фоне его собственного узуального значения, что приводит к установлению в сознании носителя языка разнообразных связей между этими значениями.

Также тема еды обыграна в жанре «перашков», в котором создано небольшое количество текстов, например:

*Сама с собой сижу в квартире
Вино и пачка сигарет
И больше ничего не надо
И нет.*

В данном примере концептуальным признаком выступает показная аскетичность самоизолированного субъекта при отсутствии пищи.

Еще одной продуктивным мотивом карантинного фольклора являются отношения в браке с концептуализацией признака неверности обоих супругов. Так, в примере *Кампания «Муж дома. Не пиши» продлена еще на месяц* прослеживается ироничное отношение к непостоянству женской натуры, а во фразе *А ведь многим мужикам теперь приходится заниматься сексом со своими женами* — к мужской неверности.

Также признаком карантина в анализируемой категории является нагнетание негативной информации, которая становится причиной со-

вершения нелогичных, на первый взгляд, поступков пользователями соцсетей: *Каждый вечер после просмотра новостей я обязательно включаю фильм ужасов, чтобы хоть как-то успокоиться.* Заметим, что мнения по поводу реакции организма на фильмы ужасов разнятся. Одни считают, что их просмотр не способствует успокоению, а напротив — вредит нашей психике. Другие — что это средство борьбы с депрессией, стрессом и страхом. Во время самоизоляции в жизни человека мало интересных событий и интенсивных переживаний, поэтому он ощущает эмоциональный вакуум и начинает искать способы его заполнения. В приведённом нами контексте акцентируется внимание на том, что в период карантина именно чувство страха культивируется СМИ на предельном уровне и порождает социальную тревожность. Фильм ужасов помогает переключиться, ведь там, в отличие от реальности, ситуация под контролем.

Панический страх заразиться новым вирусом обыгрывается в следующих комических ситуациях: *Мариную мясо. Нанюхалась черного перца. Чихаю раз за разом. Слышу соседи в подъезде мою дверь досками забивать начали; Проснулся ночью от того, что жена чихнула. Вся жизнь пролетела перед глазами.* Чрезмерная наблюдательность и подозрительность стали неотъемлемой частью жизни на карантине.

Также в категории «быть дома» присутствует тема домашних животных, ставших участниками и свидетелями вынужденного заточения людей. Авторы текстов испытывают эмпатию к своим питомцам и часто даже говорят от их имени, например: *Побыв несколько дней дома, я понял почему мой кот постоянно просит жрать!* Или: *Я: 2 недели сижу дома. Мой пес (картинка пса): Теперь ты понимаешь, почему я грызу мебель?* В рассмотренных примерах концептуализируется признак чрезмерного питания и скуки.

Следующая по численности категория, выделенная на основе жанрового оформления текстов — «вопросы, советы на форуме» (13,3 %). Сюда относятся тексты, в которых пользователи будто обращаются друг к другу и либо имитируют публичное обращение к представителям власти, например: *Решил порадовать себя после карантина и отметить окончание самоизоляции. Xbox или PlayStation, что посоветуете?* В данном примере — ирония по поводу того, что люди приспособились к длительной принудительной изоляции и в дальнейшем свое время планируют проводить подобным образом — за игровыми приставками. В обращении *Уважаемые создатели коронавируса! Огромная просьба с ближайшим обновлением убрать признак по возрасту и добавить признак по IQ. Спасибо!* слышится сарказм: пользователи воспринимают эпидемию как версию нового телефона или приложения, которая будет воспроизводить

ся неоднократно, осознают ее искусственность и предлагают создателям «доработать» несовершенства.

Желание побыть где-нибудь, кроме дома, приводит пользователей к поиску оправдательных объяснений, как в примере *Могу ли я самоизолироваться в машине, если потерял ключ от квартиры?* Также в данной группе актуальным является обсуждение массовой закупки товаров и продуктов в магазинах: *У меня еще соль с конца света не закончилась!* (12.12.2012). Приведенный контекст отсылает нас к подобного рода событию, связанному с концом света, когда люди аналогично скупали все подряд и в больших количествах.

Концептуальный признак страха смерти реализован в примере *Совет от электрика Сережи: лучше быть изолированным, чем заземленным*. Комический эффект достигается игрой слов «изолированный провод» / «изолированный человек» и «заземленный» в окказиональном смысле «умерший», а не «безопасный, соединенный с землей». Данный контекст опосредованно выражает недовольство граждан принудительной изоляцией.

В следующем примере: *Ребята, кто кем хочет стать после карантина?* концептуализируется идея слишком долгого выполнения социальных требований (по аналогии со школой), которое обуславливает переосмысление человеком своего места в жизни и как результат — желание сменить привычную работу. Отсутствие живого общения и непосредственного контактирования побудили многих заняться самосовершенствованием, а это, в свою очередь, открыло перспективы альтернативного трудоустройства и самореализации личности. Субституция в приведенном вопросе слова «школа» на «карантин» придает иронический оттенок высказыванию, намекая на продолжительность данного явления, и латентно воспринимается как вызов — читающие осознают, что кто-то эффективно проводит освободившееся от работы время и увеличивает свою конкурентоспособность на рынке труда.

В разных тематических группах на Facebook довольно активно обсуждается то, какими мероприятиями закончится карантин — вечеринкой, праздником, обрядом. В одном из текстов видим готовность людей закончить затянувшийся процесс изоляции и воссоединиться с другими людьми в праздничном общении: *В средневековье победу над чумой отмечали оргиями. Никто не знает — что-то уже планируется?* В другом примере: *27 марта — день святого Карантина! Мужчины и женщины ищут себе пару на 14 дней и дарят друг другу «карантинки»* — пародируются увеселительные мероприятия ко Дню святого Валентина, и даже представлен окказионализм «карантинки», созданный по аналогии с ва-

лентинками. Отсутствие веры в то, что карантин скоро закончится, продемонстрирован в тексте *В последний день карантина нужно обязательно устроить выпускной, на который мы выползем из своих нор ночью и будем обниматься, пить вино и танцевать под яркой июльской луной 2025 года...* Скептическое отношение людей к информации о коронавирусе делает их недоверчивыми к любым прогнозам и приводит к выводу, что финал может быть затяжным.

Безусловно, некоторые примеры актуального фольклора потенциально могут функционировать в разных концептуальных группах. Например, такие тексты, как *Посоветуйте, куда сходить в квартире. А то я уже вроде все видел* и *Не забывайте находясь на карантине время от времени примерять джинсы. Пижама коварны*. Здесь мы видим одновременное соприсутствие групп «быть дома» и «вопросы, советы на форуме». В целом к таким единицам относится около 5 % исследуемого материала.

Примеры актуального фольклора непосредственно со словом «карантин» насчитывают всего 1,2 %, что свидетельствует о широком распространении фоновых знаний относительно данного социального мероприятия, и потому исключает необходимость постоянного употребления данной лексемы. В юмористических советах и прогнозах, таких как: *Надо было не перебирать и выходить замуж до карантина; Карантин покажет кто есть кто: отрастут некрашенные корни, выпадут накладные ресницы, облупится гель-лак. Страшные последствия! Страшные!* — присутствует концептуальный признак заботы о себе в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах: высмеивается неподготовленность человека к резко изменившимся условиям жизни, а также неспособность скорректировать свой пищевой режим.

В концептуальное поле «карантин» входят разные субконцепты, среди которых наиболее частотными оказались «маска», «имбирь», «самоизоляция». К критериям субконцептности мы относим более низкий процент употребления в текстах и хронологическую производность от уже обсуждаемого в сети концепта 'карантин'.

Рассмотрим субконцепт «маска». Он занимает ведущее место среди субконцептов с показателем 4,2 %. В семантическом плане данный субконцепт реализует значение своей ненужности и абсурдности социальных норм, принуждающих к его использованию. Например: *Выносила мусор в маске, с собакой на поводке. Все равно оштрафовали. Сказали, что без трусов на улицу нельзя*. В данном тексте утрируется важность маски как ежедневного элемента одежды человека. Или: *Где мне купить маску? А то без маски купить маску не пускают* — концептуализируется признак непродуманности административных действий по урегулированию

потребительских нужд населения. Парадоксальность ситуации с масками создает комический эффект в следующем примере: *Вот жизнь, с*ка! Приедешь в банк без маски — выгонят, приедешь в маске — застрелят!* На разницу между масками — медицинской и лыжной, «грабительской» — не указывается в тексте, однако она присутствует в пресуппозиции, что обеспечивает наличие антитезисного смысла данного утверждения.

Автор высказывания: *12 апреля 1961 года — первый полет человека в космос! 12 апреля 2020 — мастерим маски из трусов* — акцентирует внимание читателя на прекращении технического прогресса вопреки наращиванию технического потенциала человечества. Профанируются все далеко идущие планы (в частности, по завоеванию космоса) в связи с тем, что человеку сказали заботиться о собственном выживании. В данном примере высмеивается навязываемый обществу способ выживания, который в научном плане совершенно не обоснован.

Некоторая мизантропичность присутствует в следующем тексте: *Вижу у многих селфи в маске. Некоторым так даже лучше.* Концептуальным признаком здесь выступает принятие феномена маски как атрибута внешнего вида — с ней даже делают селфи для социальной сети.

В жанре детского стихотворения зафиксирована мораль весны 2020 года — надо соблюдать нормы социальной защиты для преодоления болезни, что и является концептуальным признаком данной языковой единицы:

*Вышел зайчик на крыльцо
И не трогает лицо.
Зайчик теперь в масочке,
Чтоб дожить до Пасочки.*

Актуальный фольклор создается в жанре анекдота:

- *Давид Маркович, а шо ви без маски, когда кругом коронавирус?*
- *И шо ви думаете, если я надену маску, он таки меня не узнает?*

В данном примере также реализуется концептуальный признак ненужности маски в борьбе с распространением вируса.

Субконцепт «имбирь» появился в текстах интернет-фольклора не сразу. Его актуальность оказалась связанной с заявлением одной медийной личности (О. Торсунова) о пользе данного корнеплода для профилактики вирусных заболеваний. Это повлекло стремительное повышение цен на указанный продукт, что не могло не отобразиться в социальных сетях: *Сейчас всем уже пофигу, сколько стоит доллар и евро. Сейчас куда интереснее следить за курсом лимона и имбиря!* Или: *Уважаемые врачи, не вздумайте сказать, что в квашеной капусте в 10 раз больше витамина С, чем в некоторых цитрусовых! Хватит с нас цен на лимоны и им-*

бирь! Также нами зафиксировано использование лексемы в окказиональном словосочетании *имбирь головного мозга*, чтобы показать, насколько неадекватным может быть поведение людей, которые руководствуются чьими-то ненаучными утверждениями. Остроумие крымских жителей проявилось в псевдорекламном объявлении: *Сода лечит не хуже имбиря. Крымский содовый завод. На правах рекламы.*

Данные ассоциативного эксперимента, проведенного со студентами направления подготовки 45.03.01 Филология Института педагогического образования и менеджмента (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Армянске в мае 2020 года (около 200 опрошенных), указывают на то, что в большинстве случаев карантин ассоциируется с домом, едой и различного рода ограничениями. Это подтверждают и выводы настоящего исследования.

Итак, анализ отобранного материала засвидетельствовал, что категории «быть дома» и «вопросы, советы на форуме» репрезентируют следующие особенности концептуализации карантина: 1) неэффективность саморазвития и целеполагания в условиях длительной изоляции; 2) избыток времени; 3) повышенное употребление пищи; 4) воздержание от неверности в браке; 5) нагнетание негативной информации в СМИ; 6) адаптация к новым условиям и возможная экстраполяция их на дальнейшую жизнь вне карантина; 7) забота о собственном выживании перед страхом смерти.

Частотность появления фольклорных текстов с концептом *карантин* уменьшается с каждым днем. Это может быть связано с тем, что человеческая психика адаптировалась к новым условиям жизни и воспринимает их теперь не так остро; они утратили рецептивную новизну для говорящего.

«Карантин» в актуальном фольклоре — это синоним самоизоляции, его значение расширяет словарные дефиниции, поскольку карантинные мероприятия стали применяться даже по отношению к здоровым людям, не имевшим контакта с больными.

На концептуальном уровне прочитывается скука и нежелание себя организовывать; наряду с тоской по внешней жизни пришло понимание важности структуризации личного пространства каждого члена семьи. Находиться на самоизоляции оказалось своеобразным челленджем для современного человечества и тексты интернет-фольклора демонстрируют, что далеко не все могут с ним справиться успешно. Необходимо отметить, что данные умозаключения были выведены из комических текстов, форма которых снимает определенную трагичность выявленных концептуальных признаков.

Концепт 'карантин', по нашему мнению, присутствовал в сознании современного человека на абстрактном уровне, как незначительное явление, находящееся на периферии эмпирического опыта. События весны 2020 года обогатили содержание данного концепта чувственной стороной — увеличилось количество закрепленных за концептом признаков и появилась образная основа концепта, составляющая его ядро. На основе сказанного можно сделать вывод, что мы имеем дело с реверсивной концептуализацией, то есть процессом, протекающим от рационального, абстрактного к чувственно-образному.

Проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективным, на наш взгляд, является анализ особенностей концептуализации понятия карантин как в родственных (украинский, польский), так и неродственных (английский, немецкий и др.) языках.

Библиографический список

Архипова А. Зачем рассказывать анекдоты. От корпусного анализа к социологии фольклора // Методы и концепции в фольклористике и культурной антропологии (конец XX — начало XXI века): материалы XVI Международной школы-конференции по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии. М., 2016.

Бахтин М. М. Собрание сочинений. М., 1997. Т. 5.

Большой толковый словарь. Грамота.ру. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/карантин+>.

Бушуев А. Б. Русский фольклор в современном мультикультурном мире // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2.

Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретический и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. № 3.

Калистратова А.О некоторых особенностях современного фольклорного дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 1.

Кормильцева О.В. Научные подходы в определении сущности фольклора // KANT. 2011. № 3.

Мельникова О. Жанрово-видовая дифференциация языкового творчества в Интернете и Рунете // Казанский лингвистический журнал. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-vidovaya-differentsiatsiya-yazykovogo-tvorchestva-v-internete-i-runete>

Савченко А.В. Интернет-фольклор как возможность сетевой культурной самоидентификации // Connect Universum. 2012. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum_2012_ru/22.html.

Суслова Т. Интернет-фольклор как средство коммуникации // Журналистский ежегодник. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-folklor-kak-sredstvo-kommunikatsii>

Толстой Л.Н. Былины. М., 1984.

References

Arhipova A. *Zachem rasskazyvat' anekdoty. Ot korpusnogo analiza k sociologii fol'klora*. [Why tell jokes. From corpus analysis to the sociology of folklore]. In: *Metody i koncepcii v fol'kloristike i kul'turnoj antropologii (konets XX — nachalo XXI veka)*. [Methods and concepts in folklore and cultural anthropology (late XX — early XXI century)]. Proceedings of the XVI International school-conference on folklore, sociolinguistics and cultural anthropology. Moscow, 2016.

Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy*. [Collected Works]. Moscow, 1997. T. 5.

Bol'shoj tolkovyj slovar' [Large explanatory dictionary. Gramota.ru]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/karantin>.

Bushuev A.B. *Russkij fol'klor v sovremennom mul'tikul'turnom mire*. [Russian folklore in a multicultural world]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Buryat state University. Language. Literature. Culture]. 2018. Iss. 2.

Kovshova M.L. *Yazykovaya i kul'turnaya specifika frazeologicheskogo znaka: teoreticheskij i metodologicheskie osnovy issledovaniya*. [Linguistic and cultural peculiarities of the phraseological sign: theoretical and methodological basis for research]. In: *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2006. No 3.

Kalistratova A. *O nekotoryh osobennostyah sovremennogo fol'klornogo diskursa*. [On some features of modern folklore discourse]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of the Irkutsk state linguistic University]. 2012. No 1.

Kormil'ceva O.V. *Nauchnye podhody v opredelenii sushchnosti fol'klora*. [Scientific approaches to determining the nature of folklore]. In: *KANT*. [KANT]. 2011. No 3.

Mel'nikova O. *Zhanrovo-vidovaya differenciaciya yazykovogo tvorchestva v Internete i Runete*. [Genre and generic differentiation of language creativity on the internet and runet]. In: *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*. [Kazan linguistic journal]. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovo-vidovaya-differentsiatsiya-yazykovogo-tvorchestva-v-internete-i-runete>

Savchenko A.V. *Internet-fol'klor kak vozmozhnost' setevoj kul'turnoj samoidentifikacii*. [Internet-folklore as the opportunity of network cultural self-identification]. In: *Connect Universum*. 2012. URL: http://connect-universum.tsu.ru/blog/connectuniversum_2012_ru/22.html.

Suslova T. *Internet-fol'klor kak sredstvo kommunikacii*. [Internet folklore as a means of communication]. In: *Zhurnalistiskij ezhegodnik*. [Journalistic Yearbook]. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-folklor-kak-sredstvo-kommunikatsii>

Tolstoj L.N. *Byliny*. [Bylinas]. Mosow, 1984.

СТРУКТУРНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И СОДРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ ВЕБ-САЙТА «THE GUARDIAN»

О.В. Лущинская

Ключевые слова: медийный дискурс, веб-сайт «The Guardian», конвергентная журналистика, конвергентные средства массовой коммуникации, дискурс-категории.

Keywords: media discourse, web-site «The Guardian», convergent journalism, convergent media, discourse categories.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-13

Медийный дискурс представляет собой отдельный институциональный тип, который имеет отличительные характеристики, признаки, параметры, свойства, ценности и др. Он включает в себя такие разновидности, как новостной, рекламный, PR-дискурс, аналитический, публицистический и ряд других. Институциональное общение предполагает наличие статусно-ролевых характеристик участников коммуникации, соответственно, в медийном дискурсе — это журналисты и их целевые аудитории. Для взаимодействия с ними медиаспециалисты используют не только традиционные каналы передачи информации, но и ресурсы сети интернет, в которой функционируют сетевые издания, информационные интернет-порталы, интернет-издания, электронные версии печатных СМИ и другие, относящиеся к сфере конвергентной журналистики. Именно этот тип журналистики привлекает внимание многих исследователей, которые изучают средства массовой коммуникации с разных сторон: контент, структурно-организационные особенности, специфику освещения и представления информации в них, построение медиатекстов и их языковую реализацию и другие вопросы. Среди белорусских ученых, занимающихся исследованием данной сферы, в первую очередь следует назвать работы В. И. Ивченкова и А.А. Градюшко [Ивченков, 2018а, 2018б; 2019; Градюшко, 2014; 2018]. Вопросы конвергентной журналистики и функционирования в ней «новых» СМИ, конвергентные жанры, форматы и их специфические черты, категории медийного дискурса, особенности взаимодействия автора сообщений и аудитории в этом дискурсе широко освещаются в работах российских исследователей: Е.А. Барановой, А.А. Бастрон и Е.В. Желудевой, Т.А. Бирюко-

вой, Е.Л. Вартановой, Ю.С. Воротниковой, А.В. Вырковского, А.А. Грабельникова, М.М. Лукиной, Е.В. Олешко, Е.М. Пак, М.В. Симкачевой, В.С. Хелемендика [Баранова, 2018; Бастрон, Желудева, 2016; Бирюкова, 2017; Вартанова, 2015; Воротникова, 2005; Вырковский, 2017; Грабельников, 2013; Лукина и др., 2010; Олешко, 2018; Пак, 2012; Симкачева, 2015; Хелемендик, 2013] и др. Однако в качестве предмета изучения в этих исследованиях в основном выступают белорусские или российские средства массовой коммуникации. Специфические конвергентные явления в зарубежных СМК не находят достаточного внимания. Мы имеем в виду не общую характеристику этих интернет-изданий, а особенности их структурно-композиционного наполнения с учетом выстроенной иерархии разных компонентов и составных частей, а также контентной организации конкретных СМК и их жанров и форматов, специфику репрезентации в содержании медиатекстов экстралингвистических параметров, которые синкретизируют с интралингвистическими.

В фокусе наших исследовательских интересов находятся конвергентные средства массовой коммуникации в разных журналистских традициях, в частности, в белорусской, британской и американской. Всестороннее изучение данных СМК позволит выявить их сходные и отличительные черты, построить модели этих медиа, что будет способствовать, с одной стороны, определению мировых тенденций и аспектов в сфере конвергентной журналистики, а с другой, — рассмотреть эти тенденции в преломлении к белорусской медиасфере. Привлечение широкой эмпирической базы, в данном конкретном случае британского веб-издания «The Guardian», даст возможность получить необходимую информацию для моделирования дискурса британских конвергентных СМК.

Веб-сайт газеты «The Guardian» анализируется с точки зрения его структурно-композиционной организации и содержательных характеристик на основе предложенной *интегративной методики дискурсного анализа* [Луцинская, 2019], опирающейся на отдельные положения критического дискурс-анализа, социо-когнитивной и информационной моделей, лингвистического и структурно-сопоставительного анализа. Кроме того, предлагаемая методика дополняется другими элементами (критериями) для проведения более детального и всестороннего анализа, исходя из особенностей дискурса конвергентных средств массовой коммуникации. В разработанной методике учитываются четыре группы критериев: формальные, мультимедийных технологий, экстра- и интралингвистические. Формальные критерии подразделяют-

ся на несколько подгрупп и включают следующие: а) организационная структура (тип СМК; выходные данные; организация контента и рубрики, тематическое наполнение; особенности жанрового разнообразия; дополнительные сервисы и услуги; специальные проекты; наличие и форматы рекламы; б) критерии дизайна: (визуализация материала: степень креолизации текста, уровень оформления, дизайн, интерфейс, навигация); в) количественные критерии (периодичность обновления информации; посещаемость сайта; способы реализации обратной связи).

Критерии мультимедийных технологий нацелены на анализ использования информационных технологий в медиатекстах: включение видеoinформации или аудиоматериалов в сообщение; наличие гиперссылок; присутствие элементов интерактивности (комментариев аудитории); другие уникальные мультимедийные технологии (при условии их наличия).

Экстралингвистические используются для анализа социокультурного контекста дискурсивных практик посредством репрезентации следующих дискурс-категорий: целевая аудитория, коммуникативная установка медиатекстов, самоидентификация, время, пространство, интертекстуальность, интересобытийность, интересубъектность.

Интралингвистические критерии применяются для анализа лингвистической реализации медийного дискурса. Данная группа представлена одной категорией — «стилистический диапазон», которая имеет широкое содержательное наполнение и отражает языковые средства, использованные автором в медиатексте; целостность дискурса (смысловое единство и логическое развертывание информации); связность (лексические, грамматические, стилистические и композиционные средства связи). Так как речь идет о конвергентных СМК, то, наряду с традиционными средствами связи, используются и гипертекстовые средства, такие, как цвет, подчеркивание, ссылки, иконические вставки и др., т.е. визуальные средства. Кроме того, категория «стилистический диапазон» отражает системность медиатекста, выражающуюся в определенной схеме следования элементов, и завершенность, связанную с формированием целостного образа содержания.

Отметим, что все критерии взаимосвязаны и синкретизируются друг с другой, поэтому при анализе издания, его разных структурных частей и информационных блоков мы не всегда выделяем какой-то один критерий, а рассматриваем его в единстве с другими.

Веб-сайт «The Guardian» имеет свою структуру, композицию и реализует системно-иерархические отношения. «Шапка» выдержана в одном цвете, как и в печатной версии. В этой части страницы справа по-

мещено название сайта, выделенное белым цветом. Слева находится логотип: «Available for everyone, funded by readers» («Доступно всем, спонсируется читателями»). Кроме того, в «шапке» содержатся активированные опции «Сделай вклад» и «Подпишись», «В поисках работы», «Поиск» и опция «Издания Великобритании», кликнув на которую, можно выбрать наряду с британской еще американскую, австралийскую или международную версию. Ниже содержится строка с основными рубриками, такими, как «Новости», «Мнение», «Спорт», «Культура», «Образ жизни» и «Больше». Последняя включает в себя уже названные рубрики с их подразделами, а также много другой дополнительной информации, например, видео, подкасты, фотографии, кроссворды и т.д., что репрезентирует критерий «дополнительные услуги» и показывает, как выстраиваются иерархические отношения. Далее помещаются статьи, сопровождающиеся названиями и иллюстрациями к ним. Обычно после «шапки» идет блок материалов под названием «Headlines», в котором находятся «свежие» и, по мнению редакции, важные на текущий день материалы из разных рубрик и их подразделов.

Когда пользователи заходят на сайт «The Guardian», то они попадают на домашнюю страницу первой рубрики «Новости» с ее подразделами: «Объединенное Королевство», «Мир», «Бизнес», «Коронавирус», «Футбол», «Окружающая среда», «Политика Великобритании» и др. Если листать страницу вниз, то можно заметить на ней выстроенные системно-иерархические отношения с учетом размещенных тематических блоков. На дату 08.07.2020 эти блоки были представлены в следующей иерархии: «Заголовки», «Коронавирус», «Коронавирус в Великобритании», «Коронавирус в мире», «Прожектор», «Сегодня в фокусе», «Мнение», «Спорт», «Видео», «Из Великобритании», «В мире», «Культура» и др. Отметим, что информационные блоки не являются фиксированными и периодически меняются: добавляются новые, исключаются другие. В то же время, те, которые представлены в «шапке издания», присутствуют постоянно. Как можно заключить, приоритетность их следования определяется редакцией издания и с учетом освещаемой тематики.

Нижняя часть страницы повторяет строку с подразделами рубрики «Новости», что представляется удобным для пользователей и реализует дискурс-категорию «аудитория». Затем на синем фоне снова дублируется лента с основными рубриками издания, которые отражены в его «шапке». Кроме того, содержится ряд активированных опций: «О нас», «Связаться с нами», «Жалобы и исправления», «Политика конфиденциальности» и др. (реализация критерия «дополнительные услу-

ги»). Есть оцифрованный архив печатной версии издания и ссылки на некоторые соцсети.

Все рубрики и их подразделы следуют **принципу единообразия** в оформлении и представлении информации, варьируется только содержательное наполнение и названия подразделов, что обусловлено спецификой освещаемой тематики. Было замечено, что в разных рубриках могут повторяться одни и те же подразделы. Во всех разделах в конце домашней страницы присутствует блок «Наиболее просматриваемые статьи», в котором помещаются популярные среди читателей материалы в рамках тематики каждого блока.

На первых страницах каждого подраздела слева есть блок «Все публикации», кликнув на который, можно познакомиться с материалами, опубликованными по дням в порядке убывания и с указанием времени по часам и минутам их размещения. Ниже находится строка с пронумерованными страницами, содержащими предыдущие статьи (архив публикаций). В данном случае репрезентируется дискурс-категория «время», так как читатели могут познакомиться с материалами, опубликованными ранее.

Для привлечения внимания аудитории редакцией веб-сайта используются несколько цветов в оформлении информации. В названиях к статьям указывается ключевое слово, выделенное темно-красным цветом и помогающее пользователям сориентироваться в теме публикации, что реализует критерий «уровень оформления, дизайн, интерфейс, навигация».

На некоторых материалах помещен значок, обозначающий количество просмотров, что репрезентирует критерий «посещаемость сайта».

Таким образом, анализ первых страниц разных рубрик издания показал, что редакцией соблюдается принцип единообразия в оформлении сайта и его разделов; каждая рубрика имеет свои тематические подразделы, которые на домашней странице выстраиваются в определенной системно-иерархической последовательности; используется цветовая палитра для привлечения внимания аудитории; иллюстративная информация преобладает над текстовой.

Медиатексты электронного издания сохраняют структуру, оформление и особенности предъявления информации. Они включают заголовки и подзаголовки, шрифты которых отличаются по размеру. Справа от статьи помещается ключевая фраза или слово по теме, ниже в столбик указывается автор и уточняется, кто он, затем указывается дата и время выхода публикации, есть ссылка на соцсети, электронную почту и значок «поделиться информацией». После подзаголовка могут

находиться активированные ссылки на другие статьи, связанные тематически с текущей публикацией, что свидетельствует о наличии гипертекстуальности. Далее следует большая фотография с подписью или помещается видео, имеющее отношение к сообщаемому. После этого следует текст. Для удобства читателей абзацы в нем отделяются друг от друга пробелами, это способствует лучшему восприятию информации. В текстах используются гиперссылки (внутренние и внешние), выделяемые другим цветом и подчеркнутые серой линией; может помещаться видеoinформация; диаграммы, схемы или таблицы. В конце текста находятся активированные ключевые слова и повторяется ключевая фраза по теме, а также значки соцсетей и e-mail, что соответствует критерию «способы реализации обратной связи».

Для выявления жанров и форматов, используемых в издании, внимание было сфокусировано на некоторых подразделах рубрики «Новости»: «Объединенное королевство», «Мир» и «Политика Великобритании», которые освещают общественно-политическую тематику как в самой стране, так и за рубежом. Методом сплошной выборки мы отобрали 100 материалов, опубликованных в июле 2020 г. В электронном издании новости размещаются часто, и в течение дня журналистами освещается большее количество событий.

Анализ показал, что преобладающими жанрами выступают *информационные*. Лидирующим среди них явилось расширенное новостное сообщение, что составило 41%. В этом типе сообщений журналисты используют много цитат, видеoinформации, графиков и диаграмм. 33% пришлось на новостное сообщение; встретилось и краткое новостное сообщение, что составило 8%. Кроме выделенных жанров публикуются и *аналитические* статьи: тематическая статья, в том числе и новостная, — 14% от общего количества материалов; политический очерк — 3%; 1% — статья-мнение.

В содержании медиатекстов «The Guardian» наблюдается тенденция к использованию весомой аргументирующей информации именно в информационных жанрах, которая конкретизирует тему публикации посредством ссылок на мнения респондентов, включение статистических данных, отсылок к разным документам, размещение графиков, диаграмм, видеoinформации и др.

Тематика, освещаемая в трех проанализированных подразделах рубрики «Новости», связана с общественно-политической жизнью Великобритании, ее регионами, разными городами. Международные события рассматриваются в преломлении к интересам государства и его взаимоотношений с другими странами. Проблема коронавируса прохо-

дит центральной темой в освещении многих вопросов данной рубрики. Рассматривается тема эмигрантов; состояния здравоохранения; решений премьер-министра страны по ряду вопросов; брексит и его последствия для Великобритании; мнения политических партий в отношении разных вопросов и др.

Были рассмотрены 100 материалов подраздела «Бизнес» за период июль 2020 г. для определения его жанрового разнообразия. Преобладающими жанрами в этом разделе также выступают информационные: лидирует новостное сообщение, которое составило 45%; расширенное новостное сообщение соответствует 14%; краткое новостное сообщение — 3%. Встретилась статья-прогноз, что составило 1% от общего количества проанализированных материалов. В данном подразделе используется, кроме того, тематическая статья, среди которой выделяется такой ее подвид, как новостная, что составило 19%; далее следует статья-комментарий — 14%; письмо-мнение — 2%; статья-обзор — 1% и редакторская статья также 1%.

Для получения более точной информации о формально-содержательных особенностях веб-сайта «The Guardian» были рассмотрены другие его рубрики и их подразделы. Особенностью электронного издания является наличие отдельного раздела «Мнение», который сразу же идет после «Новости» и в котором содержатся только аналитические материалы, распределенные по таким подразделам, как «Точка зрения *The Guardian*», «Обозреватели», «Карикатуры», «Мнение-видео» и «Письма». Жанровое разнообразие рубрики представлено редакторскими статьями, колонками журналистов с их мнением и видением различных проблем и вопросов. Именно в этом разделе пользователи могут увидеть материалы с карикатурами, познакомиться со статьями-комментариями, тематическими статьями, аналитическими публикациями, видеокomentarиями, а также письмами в редакцию.

В зависимости от рубрики, ее подразделов, коммуникативной установки, которую ставят перед собой журналисты с учетом освещаемой темы в той или иной публикации, определяется ее жанр и формат. Но во всех медиатекстах веб-сайта соблюдается принцип единообразия в их структурно-композиционном и дизайнерском оформлении, для них характерно наличие явлений *конвергенции* и *креолизации*. Следует отметить, что структурно-композиционное и системно-иерархическое представление информации выдерживается во всех частях веб-сайта, который представляет собой целостную систему.

Поскольку электронное издание имеет несколько версий: для жителей Великобритании, США, Австралии и международную версию, то

можно заключить, что аудитория у него обширная. Но так как мы рассматривали именно версию для Великобритании, то ее целевая аудитория — это жители Объединенного Королевства. В данном случае категория *аудитория* учитывается и репрезентируется, во-первых, через оформление и соответствующее предъявление информации на сайте для своих пользователей. Соблюдение принципа единообразия в разных системных компонентах издания и выстраивание определенных иерархических отношений позволяет читателям достаточно легко ориентироваться в потоке содержащейся информации и находить нужную. Кроме того, используемая цветовая палитра, разные виды и размеры начертаний, присутствие большого количества иллюстративного материала способствуют лучшему восприятию информации и привлечению внимания аудитории к конкретным публикациям. Разнообразные тематические подразделы рубрик издания также свидетельствуют об учете интересов различных аудиторий, что в очередной раз подтверждает реализацию дискурс-категории «аудитория».

Во-вторых, учет этой категории проявляется непосредственно при продуцировании медиатекстов: тематика публикуемых материалов в разных рубриках в первую очередь связана с различными событиями, происходящими в стране или относящимися к ней, по-другому, учитывается новостной принцип «близости»; выбор соответствующих аргументов, статистической информации, примеров, мнений респондентов, гиперссылок на разнообразные источники осуществляется с учетом предполагаемой аудитории.

Немаловажную роль играет использование явления конвергенции: видео- и графическая информация, фотографии и слайд-шоу, которые журналисты применяют в своих сообщениях, подбирается и выстраивается определенным образом с фокусом внимания на целевую аудиторию. В медиатекстах интернет-издания часто встречаются аббревиатуры, которые авторами не всегда расшифровываются. Это показывает, что журналисты пишут для аудитории Великобритании, для которой эта информация понятна.

В аналитических материалах авторы могут вписывать своих читателей в контекст сообщения, называя или обращаясь к ним: *Just because you're at a desk and could work from home doesn't mean that job will still be required when your colleagues shift to remote* («Тот факт, что **вы** сидите за столом и можете работать из дома, не означает, что эта работа все еще будет необходима, когда **ваши** коллеги перейдут на удаленный вариант»). В данном примере из статьи-комментария (от 23.07.2020 в рубрике «Стиль жизни») под названием «To survive, shops in Britain will have

to move to where the commuters are now», полужирным начертанием выделены местоимения «вы и ваши», которые автор использует, обращаясь к читателям и вписывая их в содержание сообщения.

Дискурс-категория **коммуникативная установка** медиатекстов определяется их содержанием и может заключаться в информировании аудитории о различных событиях, в анализе, интерпретации, объяснении этих событий.

При продуцировании медиатекстов в информационных жанрах журналисты используют местоимения в третьем лице в единственном числе, чтобы объективно передать информацию, не высказывая своего мнения открыто. Однако те факты и данные, которые они выбирают и помещают в текст сообщения, позволяют судить, насколько авторы компетентны по тому или иному вопросу, насколько глубоко они знают освещаемую тематику. На основе анализа содержания публикации можно составить определенное представление о журналисте, что репрезентируется посредством дискурс-категории *самоидентификация*.

В аналитических материалах медиаспециалисты также стараются быть объективными и непредвзятыми в освещении событий, в то же время используют ряд лексических единиц, имеющих оценочный характер и которые дают возможность аудитории «считать» мнение автора по освещаемому вопросу. Например, в статье-комментарии «Donald Trump's assault on the WHO is deeply worrying for global health» (от 23.07.2020) журналист Питер Бомонт пишет: «*But above all this is what American diplomacy looks like in the Trump era. It is ugly, dishonest, bullying and cruel, a pathetic trade in self-serving tittle-tattle that damages not only public health around the world, but undermines America's claim to global leadership*» («Но прежде всего так выглядит американская дипломатия в эпоху Трампа. Это уродливый, нечестный, запугивающий и жестокий, патетический обмен корыстной болтовней, которая наносит ущерб не только общественному здравоохранению во всем мире, но подрывает притязания Америки на мировое лидерство»). Выделенный текст, изобилующий разными оценочными эпитетами, эксплицитно отражает мнение журналиста.

В аналитических материалах журналисты нередко идентифицируют себя с аудиторией. В тематической статье «Seven key moments in Boris Johnson's first year as prime minister» (от 23.07.2020) автор Хизер Стюард пишет: «A year on from Boris Johnson's victory in the Conservative party leadership race, which ushered him into Downing Street, we look **at the key moments of his time in office so far**» («Год спустя после победы Бориса Джонсона в гонке за лидерство консервативной

партии, которая привела его на Даунинг-стрит, мы смотрим на **ключевые моменты его пребывания в должности до сих пор**»).

В электронном издании новости обновляются по мере их появления. В верхней части страницы любой рубрики и ее подраздела всегда публикуются текущие события. Кликнув на фразу «все статьи» на домашней странице, пользователь видит, что материалы располагаются в определенной последовательности по дням и с указанием времени выхода сообщения, начиная с текущего дня и далее в порядке убывания, то есть соблюдается определенная иерархия. Есть архив новостей со страницами в конце списка событий после каждого дня. Все сказанное подтверждает репрезентацию дискурс-категории «время». Кроме того, она реализуется и в самих медиатекстах, что зависит от освещаемой коммуникативной ситуации и ее составляющих. Текущее событие может рассматриваться в связи с другими, уже произошедшими событиями или теми, которые еще произойдут, но имеют отношение к главной новости. В тематической статье «UK coronavirus job losses: the latest data on redundancies and furloughs» (от 23.07.2020) основная тема связана с большим сокращением рабочих мест в стране из-за пандемии. В тексте автор отмечает: **«As a result, companies have announced tens of thousands of redundancies, and with millions more still on furlough (1), experts warn this number will get higher (2). The government's economics forecaster, the Office for Budget Responsibility (OBR), has warned unemployment could more than double by the end of this year (3) to the highest levels since the 1980s (4)»** («В результате компании объявили о десятках тысяч увольнений, и, поскольку еще миллионы людей продолжают сокращаться (1), эксперты предупреждают, что это число будет расти (2). Государственный прогнозист по экономическим вопросам, Управление бюджетной ответственности (OBR), предупредил, что безработица может более чем удвоиться к концу этого года (3) до самого высокого уровня с 1980-х годов (4)»). Полужирным шрифтом выделены события, репрезентирующие категорию «время»: основное, связанное с настоящим моментом (1); прогнозируемое будущее (2) и (3); прошедшее (4).

Дискурс-категория *пространство* охватывает самый широкий контекст. Наряду с географическим пространством Великобритании, ее частями / регионами и другим локальным пространством, в медиатекстах, освещающих мировые события, называются различные страны, их регионы, города, какие-то отдельные места в рамках города или другой местности. В частности, в рубрике «Новости» в ее подразделе «Мир» выделяются блоки, посвященные новостям Европы, США, Северной и Южной Америки, Азии, Австралии, Средней Азии и Африке. В любом медиа-

тексте всегда называется, конкретизируется географическое пространство, в рамках которого освещается то или иное событие.

В новостной тематической статье «Tsunami of fake news hurts Latin America's effort to fight coronavirus» (от 26.07.2020) событие связано с Латинской Америкой. В тексте авторы пишут: «As **Latin America battles the advance of Covid-19, which has now claimed more than 160,000 lives in the region, it is also fending off a tsunami of online disinformation designed to bamboozle and deceive. From the Mexican state of Chiapas to Ceara in Brazil, social networks are awash with quack cures and fantastical conspiracies that can carry an all-too-real human cost**» («В то время как **Латинская Америка борется с наступлением Covid-19, который в настоящее время уносит более 160 000 жизней в регионе, она также защищается от цунами онлайн-дезинформации, призванной запутать и обмануть. От мексиканского штата Чьяпас до Сеары в Бразилии социальные сети наводнены извращенными лекарствами и фантастическими заговорами, которые могут нести слишком реальные человеческие затраты**»). Выделенная информация репрезентирует категорию «пространство».

Интертекстуальность как одна из наиболее частотных категорий медийного дискурса и важный смыслообразующий текстовый признак [Кремнева, 2019; Сергодеев, 2019] находит реализацию на веб-сайте. Во всех сообщениях «The Guardian» используются цитаты и гиперссылки на другие тексты. Часто именно цитаты преобладают в авторском тексте. Данный факт свидетельствует об объективной, конкретной и достоверной подаче журналистами информации своим аудиториям.

В британском издании журналисты достаточно часто реализуют дискурс-категорию *интерсобытийность*. Ссылка или упоминание других событий в контексте описываемой ситуации позволяет конкретизировать новость, предоставлять читателям больше информации и отражать полную картину происходящего. В новостном сообщении (от 23.07.2020) под названием «Sajid Javid urges PM and businesses to improve diversity immediately» автор, поднимая тему расовой дискриминации в Великобритании, упоминает несколько событий, связанных с описываемой новостью: «**Following the killing of George Floyd in the US and the widespread Black Lives Matters protests in the UK, Boris Johnson announced he would set up an independent Commission on Race and Ethnic Disparities in June — the sixth review into discrimination since 2014**» («**После убийства Джорджа Флойда в США и повсеместных протестов Black Lives Matters в Великобритании Борис Джонсон объявил, что в июне он создаст независимую комиссию по расовому и этническому неравенству — шестой обзор дискриминации с 2014 года**»).

В анализируемом интернет-издании категория *интерсубъектность* находит широкую репрезентативность, отражая взаимодействие и взаимоотношения участников события. Ссылаясь на суждения определенных субъектов коммуникативной ситуации, авторы вписывают их в контекст, идентифицируют их, и аудитории понятно, почему именно этих коммуникантов упоминают журналисты, почему их мнения используют в текстах. В публикации «Hospitals in north of England fear worst as coronavirus admissions rise rapidly» (от 10.10.2020) автор использует цитату эксперта по поводу ситуации с коронавирусом и идентифицирует его (выделено полужирным начертанием): «*I think we're starting to see that again," said Dr Matthew Tuck, who works in Newcastle as an anaesthetic registrar and is deputy chair of the BMA's junior doctors committee. "Where we are now is very similar to how we all felt in the middle of March"*» («Я думаю, мы снова начинаем это видеть», — **сказал доктор Мэтью Так, который работает в Ньюкасле анестезиологом и является заместителем председателя комитета молодых врачей ВМА.** «То, где мы сейчас находимся, очень похоже на то, что мы чувствовали в середине марта»). Кроме того, детальное представление информации о коммуникантах события имплицитно реализует еще один тип взаимодействия «автор — аудитория», который также репрезентируется данной категорией.

Дискурс-категория *стилистический диапазон* связана с лингвистическим анализом медиатекстов, в частности, использованием определенных лексических единиц. В медиатекстах упоминаются различные государственные институты, комитеты, организации, международные в том числе, бизнес-компании и их аббревиатуры. В предложениях используется активный залог, по структуре предложения сложные или сложноподчиненные. В новостных сообщениях лексика нейтральная, в аналитических статьях, в первую очередь в тематических могут использоваться разнообразные стилистические средства. Медиатексты имеют завершенный характер, являются целостными и связными мультимедийными коммуникативными продуктами.

Таким образом, британское интернет-издание «The Guardian» представляет собой целостную дискурсную систему с выстроенными иерархическими отношениями, которые реализованы и прослеживаются в последовательной организации информации на домашней странице и в отдельных рубриках сайта, а именно, в том, какие тематические разделы и информационные блоки выбраны редакцией и как они выстроены в приоритетном направлении, каким событиям отводится первоочередное место на домашней странице и др. Данное издание име-

ет структурно-композиционные особенности (как на различных страницах, так и в медиатекстах, о чем свидетельствуют результаты проведенного и описанного анализа) и отличается спецификой дизайнерских приемов и контентной реализацией.

Несмотря на то, что современные конвергентные СМК в разных журналистских культурах имеют общие черты, в то же время, в каждой культуре есть свои особенности и тенденции. Так, в «The Guardian» явление конвергенции шире отражено на домашней странице, в рубриках и в содержании медиатекстов, чем в некоторых белорусских и американских электронных изданиях. В то же время текстовая информация является базовой во всех СМК. Если, например, в белорусских конвергентных СМК информационные жанры краткие и не расширенные, то в британских изданиях (в «The Guardian» в том числе) точно также, как и в американских, используется много аргументирующей информации, что увеличивает объем текста, но с учетом того, что речь идет об интернет-изданиях, такой подход целесообразен. Использование иллюстраций, главным образом, фотографий в публикациях, свидетельствует о наличии явления креолизации. Это свойственно различным интернет-изданиям в разных журналистских культурах, в том числе и в проанализированном британском СМК. Применение широкой цветовой гаммы, что, например, не так распространено в белорусских интернет-СМИ, способствует привлечению внимания аудитории и ее лучшему восприятию информации. Освещение событий в медиатекстах происходит посредством репрезентации таких дискурс-категорий, как аудитория, коммуникативная установка, самоидентификация, время, пространство, интертекстуальность, интересобъектность и интересубъектность, которые реализуют экстралингвистические параметры интернет-издания на фоне стилистического и жанрового диапазона. Отражение данных категорий в содержании медиатекстов разных СМК имеет много общего, что свидетельствует о едином подходе к освещению дискурсивных практик.

Библиографический список

Баранова Е.А. Медиаконвергенция как системообразующий фактор трансформации института СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

Бастрон А.А., Желудева Е.В. Медиаконвергенция в журналистике: от классики к универсальности // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение, информатика, защита информации и информационная безопасность. 2016. № 3(5).

Бирюкова Т.А. Гипертекстовая онлайн-журналистика: история возникновения (на примере электронного журнала Feed) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2017. № 3.

Вартанова Е.Л. Новые медиа как культурное пространство современного общества // МедиаАльманах. 2015. № 4(69).

Воротникова Ю.С. Реализация новостного дискурса в электронных англоязычных СМИ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Вырковский А.В. Управление процессами создания журналистского текста в печатных и онлайн-новых СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017.

Грабельников А.А. Особенности конвергентной журналистики // Вестник университета Российской академии образования. 2013. № 3.

Градюшко А.А. Сетевой текст как особый продукт творческой деятельности в веб-журналистике // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2014. № 10.

Градюшко А.А. Белорусские интернет-СМИ в контексте меняющегося медиапотребления // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2018. №1.

Ивченков В. И. Медиадискурс современности: стилистические приоритеты и экстралингвистические факторы // Актуальные проблемы стилистики. 2018. № 4.

Ивченков В. И. Мультимедийность. М., 2018.

Ивченков В.И. Новые модели коммуникации и стилистические приоритеты современного медиадискурса // Медиалингвистика. СПб., 2019. Т. 6 (1).

Интернет-СМИ: Теория и практика. М., 2010.

Луцинская О. В. Дискурсивный анализ как научный метод исследования конвергентных средств массовой коммуникации // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2019. № 6 (103).

Олешко Е.В. Конвергентная журналистика: профессиональная культура как фактор оптимизации информационно-коммуникативных процессов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж. 2018.

Пак Е. М. Конвергенция жанров сетевой журналистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2.

Симкачева М. В. Процесс конвергенции СМИ и его влияние на формирование современного медиаполя // Ученые записки Казанского университета. 2015. Т. 157. Кн. 4.

Хелемендик В. С. Конвергенция как современная форма взаимодействия СМИ // Проблемы современного образования. 2013. № 3.

References

Baranova Y.A. *Mediakonvergenziya kak sistemoobrazujushchiy factor transformatsii instituta SMI*. [Media convergence as a system-forming factor in the transformation of the institute of mass media]. Abstract of Philol. Doct. Diss. Moscow, 2018.

Bastron A.A., Zheludeva Y.V. *Mediakonvergenziya v zhurnalistike: ot klassiki k universal'nosti*. [Media convergence in journalism: from classic to versatility]. In: *Vestnik RGGU*. [Bulletin of Russian State University for the Humanity]. . Series documentation and archival science, informatics, information protection and information security. 2016. No 3(5).

Biryukova T.A. *Gipertekstovaya onlayn-zhurnalistika: istoriya vozni-knoveniya (na primere elektronnoy zhurnala Feed)*. [Hypertext online journalism: a history of origin (on the example of electronic journal Feed)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University.]. Series 10. Journalism. 2017. No 3.

Vartanova Y.L. *Novyye media kak kul'turnoye prostranstvo sovremennoy obshchestva*. [New media as a cultural space of contemporary society]. In: *MediaAl'manakh* [MediaAlmanac]. 2015. No 4(69).

Vorotnikova Y.S. *Realizatsiya novostnogo diskursa v elektronnykh angloyazychnykh SMI*. [Implementation of news discourse in electronic English-language media]. Abstract of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2005.

Vyrkovskiy A.V. *Upravleniye protsessami sozdaniya zhurnalisticheskogo teksta v pechatnykh i onlaynovykh SMI*. [Managing the processes of creating journalistic text in print and online media]. Abstract of Philol. Doct. Diss. Moscow, 2017.

Grabel'nikov A. A. *Osobennosti konvergentnoy zhurnalistiki* [Peculiarities of convergent journalism]. *Vestnik universiteta Rossiyskoy Akademii Obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2013. No 3.

Gradyushko A.A. *Setevoy tekst kak osobyy produkt tvorcheskoy deyatelnosti v veb-zhurnalistike*. [Web text as a special product of creative activity in web journalism]. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Polotsk State University]. Series A. Humanitarian sciences. 2014. No 10.

Gradyushko A.A. *Belorusskiye internet-SMI v kontekste menyayushchegosya mediapotrebleniya*. [Belarusian online media in the context of changing media consumption]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika*. [Journal of the Belarusian State University]. Journalism. Pedagogy. 2018. No 1.

Ivchenkov V.I. *Mediadiskurs sovremennosti: stilisticheskiye priority i ekstralingvisticheskiye factory*. [Media discourse of modernity: stylistic priorities and extralinguistic factors]. In: *Aktual'nyye problemy stilistiki*. [Actual problems of stylistics]. 2018. No 4.

Ivchenkov V.I. *Mul'timedynost'*. [Multimedia]. Moscow, 2018.

Ivchenkov V.I. *Novyye modeli kommunikatsii i stilisticheskiye priority sovremennogo mediadiskursa*. [New models of communication and stylistic priorities of contemporary media discourse]. In: *Medialingvistika*. [Media-linguistics]. St. Petersburg, 2019. Vol. 6 (1).

Internet-SMI: teoriya i praktika. [Online media: theory and practice]. Moscow, 2010.

Lushchinskaya O.V. *Diskursnyy analiz kak nauchnyy metod issledovaniya konvergentnykh sredstv massovoy kommunikatsii*. [Discourse analysis as a scientific method of convergent media research]. In: *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of Minsk State Linguistic University]. Series 1, Philology 2019. No 6 (103).

Oleshko Y.V. *Konvergentnaya zhurnalistika: professional'naya kul'tura kak faktor optimizatsii informatsionno-kommunikativnykh protsessov*. [Convergent journalism: professional culture as a factor of optimization of informational and communicative processes]. Abstract of Philol. Doct. Diss. Voronezh, 2018.

Pak Y.M. *Konvergenziya zhanrov setevoy zhurnalistiki*. [Convergence of genres of online journalism]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. [Bulletin of Saint Petersburg University]. Series 9, Philology. Oriental studies. Journalism. 2012. No 2.

Simkachyova M.V. *Protsess konvergenzii SMI i yego vliyaniye na formirovaniye sovremennogo mediapolya*. [The Process of convergence of mass media and its influence on the formation of the contemporary media field]. In: *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scholarly notes of Kazan University]. 2015. Vol. 157. Book 4.

Khelemendik V.S. *Konvergenziya kak sovremennaya forma vzaimodeystviya SMI*. [Convergence as a contemporary form of media interaction]. In: *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. [Problems of contemporary education]. 2013. No 3.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

КОМПЛЕКС СРЕДСТВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЯМИ В ПРИМЕЧАНИЯХ А.Д. КАНТЕМИРА К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ «РАЗГОВОРОВ О МНОЖЕСТВЕ МИРОВ»

А.С. Пчелинцева

Ключевые слова: перевод, примечание, модус, метатекст, адресат, А.Д. Кантемир.

Keywords: translation, footnote, modus, metatext, addressee, Antiochus Cantemir.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-14

В 1740 году увидел свет русский перевод популярного произведения Б. де Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», выполненный А.Д. Кантемиром. Перевод был снабжен дополнительными структурными элементами, которые свидетельствуют о стремлении переводчика адаптировать оригинальное произведение для русскоязычной аудитории. Это «Предисловіе къ читателю», примечания к оригинальному тексту «Разговоров» и очень подробное «Краткое содержание каждого вечера». В предисловии переводчик знакомит читателей с автором «Разговоров», отмечает значимость переводимого текста как в общемировом масштабе, так и для русского народа. Составленные им примечания содержат пояснения к терминам из различных областей знания, описание географических объектов, реалий европейской жизни, а также ряд биографических справок. В «Кратком содержании» выделяются основные положения и ключевые идеи произведения, чтобы читателю было проще ориентироваться в тексте «Разговоров».

Признание коммуникативной сущности текста делает его «открытым навстречу всем участникам акта коммуникативной деятельности» [Земская, Качесова, Комиссарова, Панченко, Чувакин, 2010, с. 17]. Это замечание справедливо и для примечаний Кантемира к оригинальному тексту «Разговоров», которые заслуживают особого внимания с точ-

ки зрения адресованности русского перевода произведения читателям. Уже сам жанр подстрочного примечания предполагает двустороннюю направленность. С одной стороны, примечание отсылает к конкретному фрагменту основного текста, который оно комментирует, с другой стороны, оно обращено к читателю, для которого автор произведения или переводчик посчитал необходимым пояснить этот фрагмент [Уржа, 2017, с. 52]. Содержательная сторона примечаний явно указывает на их адресованность русскому читателю первой трети XVIII века, которому нужно было «растолковывать в примечаниях такие слова, как «машина», «опера», «театр», «экземпляр», «герой» и т.д.» [Майоров, 1998, с. 146].

Отношения адресант-адресат устанавливаются в тексте примечаний и на языковом уровне. Так, авторское «я» Кантемира может маркироваться в тексте формами личного и притяжательного местоимений первого лица (10 примеров). Кроме того, в отличие от примечаний в классическом понимании, содержащих фактическую информацию, которая предстает «эмоционально и оценочно нейтральной» [Уржа, 2017, с. 53], примечания Кантемира насыщены множеством субъективных смыслов. Эти субъективные смыслы, получая языковое выражение, не только позволяют охарактеризовать фигуру переводчика, но в то же время обращены и на адресата примечаний — читателей русского перевода «Разговоров».

В статье будет рассмотрено, какие языковые средства формируют тот функциональный комплекс, который позволяет Кантемиру установить взаимодействие с читателями русского перевода «Разговоров».

Традиционно роли адресанта и адресата маркируются в речевых актах при помощи языковых средств, способных передавать грамматическое значение лица: личных глагольных форм и местоимений. Так, в нарративе формы 2-го лица (в адресатном употреблении) указывают на позицию адресата [Падучева, 2010, с. 211].

Однако в тексте примечаний Кантемира местоимения второго лица не встречаются вообще, а глагольные формы, маркирующие это грамматическое значение, появляются только в обычном для примечаний контексте — в виде императивного «смотри», отсылающего читателей к некоторому фрагменту текста или дополнительному источнику информации (19 примеров).

Такие формы императива в примечаниях Кантемира выполняют две функции: сохраняя «печать прямой обращенности к адресату» [Арутюнова, 1981, с. 365], они служат средством апелляции к читателям, а также превращают примечания в систему, позволяющую Канте-

миру управлять читательским «взглядом», перемещая его между примечаниями и основным текстом произведения, устанавливая между ними связь:

5. *Вихри. Французское слово Tourbillons, я порусски назвалъ вихрь. Въ изданныхъ на Россійскомъ языкѣ сокращенныхъ Комментаріяхъ Академіи Наукъ Санктпетербургской слово сіе также переведено. <...> **Смотри еще** вечеръ IV.*

37. *Механіческа. Сирьчь слѣдующа правиламъ Механіки <...> Есть же Механіка наука дѣлать Машины, о которыхъ **смотри** примѣчаніе 29.*

Таким образом, сфера второго лица в примечаниях Кантемира к «Разговорам» оказывается довольно ограниченной. Однако в тексте примечаний есть и другие средства, служащие для взаимодействия переводчика с читателями. К ним относятся языковые средства реализации актуализационных категорий модуса и метатекстовые показатели.

Актуализационные категории модуса

По определению Т.В. Шмелевой, под актуализационными категориями модуса понимаются субъективные смыслы, которые служат для «установления отношения объективного содержания предложения к моменту речи и участникам общения» [Шмелева, 1984, с. 82]. Таким образом, эта группа модусных категорий, включающая в себя персонализацию, временную и пространственную локализацию, позволяет обозначить роли участников ситуации общения, а также охарактеризовать их положение в пространстве и во времени. В дальнейшем мы последовательно рассмотрим, какую роль играют данные модусные категории в установлении и поддержании взаимодействия между Кантемиром и читателями русского перевода «Разговоров о множестве миров».

1. Персонализация. Изменение референции инклюзивного «мы»

Помимо сферы 2-го лица (императивное «смотри») и 1-го лица единственного числа (указание на Кантемира как автора примечаний) в примечаниях Кантемира частотны случаи употребления местоимения первого лица множественного числа — инклюзивного «мы».

При нормальном употреблении личные местоимения характеризуются прагматической определенностью: их референт всегда известен адресату речевого акта [Шмелев, 2002, с. 157]. Так и референция инклюзивного «мы» в примечаниях Кантемира определяется с очевидностью во всех случаях его употребления. Сфера его референции может сужаться и расширяться в зависимости от того, к кому отсылает местоимение «мы» в каждом конкретном случае. Тем не менее, оно всегда объединяет в себе Кантемира и его читателей и позволяет усилить вовлеченность последних в коммуникацию за счет «приближения» читате-

ля к предмету повествования, который становится «привычным и доступным для него» [Назаренко, 2000, с. 129].

Нами были выделены три референтных группы местоимения «мы» в примечаниях Кантемира к «Разговорам». При этом учитывалось употребление не только самого инклюзивного «мы», но и средств, поддерживающих сферу его референции, — притяжательных местоимений и глагольных форм 1-го лица множественного числа.

«Мы» — все люди в мире (12 примеров):

Референция местоимения «мы» в первой группе является максимально широкой. Это «универсальное мы», включающее в себя всех людей в мире. Так, например, в примечании №161 инклюзивное «мы» и сопутствующие ему средства употребляются в контексте описания некоторых действий, которые потенциально может совершить любой человек.

*161. Орізонть. Черта, что съ поверхности **нашей** Земли умомъ **нашимъ** протягаемъ во всѣ стороны Неба, сколь далеко **глазъ нашихъ** сягнетъ; или, короче сказать, Орізонть есть то, что опредѣляетъ зрѣніе наше, и отдѣляетъ часть Неба **намъ** видиму отъ той, которую **не** видимъ.*

«Мы» — жители северного полушария (2 примера):

Следующая референтная группа — частный случай «универсального» употребления местоимения «мы». Описываемые в примечаниях из этой группы явления в силу объективных причин не могут быть отнесены ко всем людям в мире. Так, описанное в примечании №131 расположение полюсов Земли является таковым только для жителей северного полушария.

*131. Полусть. <...> Полусть Сѣверныи есть тотъ, къ которому **мы** смотримъ; а Полусть Южныи тотъ, что **подъ нами**.*

«Мы» — подданные Российской империи (6 примеров):

В примечаниях третьей группы референция местоимения «мы» равняется «базовой» референции «Кантемир + русские читатели “Разговоров”».

*118. До гниды. Во французскомъ стоитъ до подкожного червяка. Я гниду употребилъ для того, что и довольно мала, и **намъ** знакомѣе.*

*125. Лапонцы. Суть народъ ближайшии къ сѣверу, и потому край ихъ обитанія гораздо студеныи. <...> **У насъ** Лапонію Лепорью называютъ.*

Употребление местоимения «мы» в первой и второй референтных группах и в третьей группе функционально различно. В первой и второй группах местоимение «мы» служит для дополнения примечания иллюстративным материалом, который был бы достаточно наглядным и в то же время убедительным для читателей: легче понять, что такое горизонт, если он представляется одинаковым всем людям в мире.

«Мы» из третьей же группы выполняет в тексте примечаний другую функцию. С одной стороны, оно является «объединяющим», указывает на внутреннее единство людей, входящих в сферу его референции. С другой стороны, инклюзивное «мы» позволяет Кантемиру противопоставить русских людей всем остальным людям в мире, не входящим в сферу его референции, формируя тем самым национальное самосознание своих читателей.

2. Пространственная локализация (4 примера)

Актуализационные модусные категории в тексте примечаний к «Разговорам» позволяют объединить фигуры Кантемира и его читателей в одном пространстве и времени.

Модусное значение пространственной локализация совмещается при этом со значением персонализации в показателе «у нас», эквивалентном показателю «здесь» [Шмелева, 1984, с. 84].

Показатели пространственной локализации обычно возникают в тексте примечаний в контексте сопоставления-противопоставления. Так, в примечании №6 Кантемир сравнивает несколько систем дворянских титулов, противопоставляя отсутствие одного из элементов этой системы в Российской империи («у нас») его наличию в европейских странах, а в примечании №114 сравниваются обычаи игры с мячом во Франции и в России.

6. Маркізъ Ъ. Маркізанство есть тѣло дворянства знатнаго, у насъ еще не въ обыкновеніи. Во Франціи и Италіи Маркізы слѣдуютъ за Графами. Въ Англіи и въ Германіи чинъ ихъ между Дюкомъ и Графомъ.

141. Балонъ. Есть пузырь надутый, и обшитой весь кожею, которымъ во Франціи играютъ, какъ у насъ мячомъ.

Инклюзивный характер местоимения «мы» и взаимодействие категорий персонализации и пространственной локализации позволяет интерпретировать показатель «у насъ» как указание на локализацию его референтов в пределах Российской империи.

Такое объединение в одном пространстве должно способствовать интимизации отношений между автором Кантемиром и читателями, а также повышению убедительной силы текста.

3. Временная локализация (19 примеров)

Наряду с пространственной локализацией в тексте примечаний Кантемира реализуется и модусная категория временной локализации. Она охватывает временные планы прошлого, настоящего и гипотетического будущего и маркирует описываемые в примечаниях события относительно той точки на временной оси, в которой Кантемир локализует себя и адресатов примечаний — читателей русского перевода «Разговоров».

Любопытно отметить, что и среди показателей временной локализации фигурирует инклюзивное «мы», которое позволяет объединить Кантемира и его читателей в одном временном промежутке, как например, в следующем примечании.

5. *Вихри. Французское слово Tourbillons, я поруски назвалъ вихрь. <...> прилагаю присемъ того описаніе <...>, каково въ своеи ФвсікѢ издалъ Картезіевъ ученикъ, Господинъ Петръ Регісъ, **нашихъ вЪковъ** славный фїлософъ.*

Аналогичным образом функционируют в тексте примечаний и другие показатели временной локализации.

1. *Маркъ Туллїи Цїцеронъ, былъ сынъ римскаго всадника изъ поколѣнїя Короля Тїта Сабїя. <...> Въ 691 лѣто по созданїи Рима vybrанъ в Консулы (чинъ **тогда** не только знаменитой, но и первыи почти в РепублїкѢ) <...>*

В этом примечании наречие «тогда» отсылает не только ко времени жизни Цицерона, но и локализует этот временной отрезок в прошлом относительно позиции Кантемира и его читателей. Данный временной показатель актуализирует для читателя противопоставление между планом прошлого, в котором титул консула обладал значимостью, и планом настоящего читателей и Кантемира, в котором данный титул представляет собой историческую реалию.

Метатекстовые показатели

По мнению Т.В. Шмелевой, метатекст ближе к коммуникативному аспекту предложения, так как он «целиком обращен к адресату речи» [Шмелева, 1984, с. 82]. Это свойство метатекстовых показателей позволяет нам объединить их в один функциональный комплекс с категориями модуса, которые в рамках примечаний Кантемира также обращены на читателей и помогают организовать взаимодействие с ними.

В тексте примечаний Кантемира к «Разговорам о множестве миров» метатекстовые показатели встречаются в следующих контекстах:

1. Пояснение и уточнение слов и выражений (21 пример)

36. *Декартъ. <...> Въ фїлософїи своеи онъ доказательства употребляетъ Математїческїя, **то есть**, вѣроятныя.*

107. *Кліматъ горячеи и ледянои. Астрономы Глобусъ земный раздѣляютъ на пять главнѣишїе кліматы, которые обыкновенныѣ Зонами, **сирѣчь** поясами, называютъ.*

2. Приведение примеров (8 примеров)

Примеры представляют собой частные проявления феноменов, о которых говорится в примечаниях. Так, например, посадка живой изгороди из примечания №135 — частный случай явления линейной перспективы.

135. Перспективу. Здѣсь значитъ такое разположеніе вещи, что зрѣніе наше въ великой дальности видитъ, но убавляясь всегда ихъ величина и ясность, сколь дальше отъ глазъ отстоятъ. Таковы **на прикладъ** суть розсаженныя въ садахъ долгія дороги, которыя что дальше, то уже и меньше глазу кажутся.

3. Упрощающие комментарии к пояснениям (3 примера)

7. Система. <...> значитъ образъ или способъ, по которому поставляютъ, что части какой вещи оную, или многія вещи одну цѣльную, составляютъ, которой есть причиною всему тому, что въ вещи той происходитъ, или что тѣ многія вещи дѣйства свои производятъ. **Короче сказать:** Система есть избрѣтенной законъ или правило, по которому вещи какой причину и дѣйства всѣ съ околичностями оныхъ изъяснить можно.

Преобладание примеров употребления метатекстовых единиц в поясняющих контекстах позволяет предположить, что переводчик в первую очередь стремился обеспечить читателям максимально полное понимание как оригинального текста, так и излагаемой в примечаниях к нему информации.

Итак, анализ реализации актуализационных модусных категорий и употребления метатекстовых элементов в тексте примечаний Кантемира к «Разговорам о множестве миров» показал, что эти языковые средства направлены на адресатов перевода — русских читателей. Персонализация совмещает Кантемира и читателей в едином текстовом субъекте — инклюзивном «мы», а временная и пространственная локализация объединяют их в одном пространстве и времени. Метатекстовые показатели управляют вниманием читателей, структурируют излагаемую в примечаниях информацию.

Функционируя вместе в тексте примечаний, эти языковые средства составляют единый комплекс, который позволяет Кантемиру взаимодействовать с читателями и воздействовать на них. Объединяя себя с читателями в одном текстовом пространстве и времени, Кантемир повышает наглядность приводимых им примеров и убедительность высказываемых им суждений. Эта функция актуализационных модусных категорий поддерживается метатекстовыми элементами, вводящими в текст примечаний поясняющие фрагменты.

Библиографический список

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, вып. 4.

Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А. Теория текста. М., 2010.

Майоров Ю.И. Фонтенель и его «Разговоры о множестве миров» // Ярославский педагогический вестник. 1998. № 3.

Назаренко А.Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики (на материале английского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 2010.

Уржа А.В. Семантика и прагматика подстрочных комментариев в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 2017. № 1.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. Вып.1.

Источник

Фонтенель, Бернар Ле Бовье де (1657–1757). Разговоры о множестве миров г. Фонтенелла Парижской академии наук секретаря / с французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве 1730 году. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1740.

References

Arutyunova N.D. *Faktor adresataю*. [The Addressee's Factor]. *Seriya literature i yazyka* [Series: Literature and Language]. 1981. Vol. 40. Iss. 4.

Zemskaya Yu.N., Kachesova I.Yu., Komissarova L.M., Panchenko N.V., Chuvakin A.A. *Teoriya tekstaю*. [Theory of the Text]. Moscow, 2010.

Mayorov Yu.I. *Fontenel' i ego «Razgovory o mnozhestve mirov»*. [Fontenel and his Conversations on the Plurality of Worlds]. In: *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 1998. No. 3.

Nazarenko A.L. *Nauchno-populyarnaya literatura kak ob'ekt funktsional'noy stilistiki i lingvodidaktiki (na materiale angliyskogo yazyka)*. [Nonfiction as an object of functional stylistics and linguodidactics (based on the English language)]. Doc. of Philol. Diss. Moscow, 2000.

Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniya*. [Studies in Semantics]. Moscow, 2010.

Urzha A.V. *Semantika i pragmatika podstrochnykh kommentariiev v russkikh perevodakh "Priklyucheniю Toma Soyera"*. [Semantics and Pragmatics of Footnotes in Russian Translations of "The Adventures of Tom Sawyer"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Moscow State University Bulletin.]. Series 9. Philology 2017. No. 1.

Shmelev A.D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost.'* [Russian Language and Extralinguistic Reality]. Moscow, 2002.

Shmeleva T.V. *Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti.* [Semantic Organization of a Sentence and the Concept of Modality]. In: *Aktual'nye problemy russkogo sintaksisa.* [Actual Issues of Russian Syntax]. Moscow, 1984. Iss. 1.

List of source

Fontenelle, Bernard de Beauvier (1657-1757). *Razgovory o mnozhestve mirov g. Fontenella Parizhskoy akademii nauk sekretarya / s frantsuzskago perevel i potrebnymi primechaniyami iz"yasnil knyaz' Antiokh Kantemir v Moskve 1730 godu.* [Conversations about the many worlds of the city of Fontenella of the Paris Academy of Sciences were translated by the secretary], from the French and explained with the necessary notes by Prince Antiochus Cantemir in Moscow in 1730. St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences, 1740.

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» РЕАЛИИ В ТЕКСТАХ ПЕСЕН РЭПЕРА ОКСИМИРОНА

Е.С. Бугрышева, А.Н. Мусеев

Ключевые слова: реалия, классификация реалий, «свои» и «чужие» реалии.

Keywords: realia, classification of realias, «our» and «their» realias.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-15

Как известно, любой язык является динамично развивающейся системой. Эволюция языка происходит с развитием не только науки и техники, но и искусства; особенно бурно процесс изменения языка протекает сейчас, когда научно-технический прогресс за последние десятилетия шагнул далеко вперёд и не снижает своей скорости, а каждый образованный человек может стать творцом культуры, способствовать появлению новых культуроспецифичных реалий, требующих лингвистического исследования.

Повышенный интерес лингвистов к новым реалиям объясняется присущими им характеристиками. Реалии одного языка — это «белые пятна» на семантической карте другого языка. Согласно мнению А.В. Алфёрова, Г.Е. Поповой и И.Г. Тамразовой «реалии в одном языке всегда соответствуют лакунам в другом» [Алфёров, Попова, Тамразова, 2019, с. 96]. Из этого следует, что реалии являются одной из тех лексических особенностей, что отличают один язык от другого.

Современным лингвистам известно, что для полного понимания того или иного текста необходимо осмысление прагматических пресуппозиций, т.е. того, что говорящий считает само собой разумеющимся, понятным и известным «по умолчанию». Авторы статьи придерживаются мнения исследователей, утверждающих, что «для понимания имплицитного смысла прагматических пресуппозиций требуются экстралингвистические знания о персоналиях, реалиях, культурных артефактах» [Радбиль, 2016, с. 152].

Однако прежде чем приступить к анализу реалий в текстах песен Оксимирона, необходимо дать чёткое определение данному термину. Итак, термин «реалия» может означать как предметы, абстрактные понятия и события, характерные для культуры отдельной страны, так и лексические единицы, эти предметы, понятия и события называющие. Осмысление научных источников [Абрамова, Ощепкова, 2013; Барху-

даров, 1975; Вайсбурд, 1972; Влахов, Флорин, 1980; Томахин, 1997; Фененко, 2006] позволяет дать следующее определение этому термину. Реалии — это отдельные слова и словосочетания, а также предложения, по семантике равные слову, называющие феномены социально-культурного пространства страны, организации её граждан, элементы традиционного устройства и быта, точки на географической карте, объекты и персонажи материальной и нематериальной культур, включая имена персонажей, реально не существующих, а также природные феномены, растения и животные-эндемики, понятия, концепты и идеи, имеющие место в словаре определённого языка, сохраняющие связь с одной культурой и нетипичные для другой.

В данной статье объектом, с одной стороны, выступают российские реалии, а с другой, — аналогичные лексические единицы (ЛЕ) других языков, соответствующие предметам и понятиям других культур и стран. Предметом исследования являются качественные и количественные характеристики российских и зарубежных реалий в поэтическом творчестве рэп-исполнителя Оксимирона (Oxxxymiron).

Материалом исследования стали тексты современного российско-го рэпера с псевдонимом “Oxxxymiron” (20 текстов). Его творчество на настоящий момент является актуальным, о чём свидетельствует количество прослушиваний его альбомов; именно в рассмотрении реалий на основе текстов исполнителя песен жанра рэп и состоит новизна данной работы.

Цель исследования заключается в количественном и качественном анализе «своих» и «чужих» реалий в текстах песен Оксимирона и их классификация по семантическим и тематическим признакам.

Свой псевдоним рэпер Оксимирон (Oxxxymiron) (настоящее имя Мирон Янович Фёдоров) создал на основе термина «оксюморон», обозначающего буквально сочетание противоположностей («горячий лёд», «живой труп» и т.д.), изменив, стилизовав его под собственное имя. Тройная латинская буква “x” в псевдониме свидетельствует о наличии традиционно запретных тем в творчестве певца²². Однако благодаря хорошему образованию, которое Мирон Янович получил в Оксфорде, тексты его песен изобилуют реалиями, как зарубежными, так и российскими, как современными, так и ушедшими в историю. Тексты пе-

²² История происхождения псевдонимов русских рэперов. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d14eea491f70500afda085f/istoriia-proishojdeniia-psevdonimov-russkih-reperov-basta-timati-oksimiron-skriptonit-5d87a57b4e057700aee14c29>

сен выбранного артиста представляют интерес для лингвиста-исследователя ещё и потому, что в них певец проявляет своё умение пользоваться приёмом, известным как игра слов.

Первый критерий, по которому создавалась классификация реалий, может быть означен как «свой» – «чужой». На основании данного критерия выделены две подгруппы: 1) ЛЕ, являющиеся частью русской лингвокультуры, и 2) единицы, характерные для зарубежного культурного пространства. Далее проводилась классификация с подсчётом процентного соотношения количества изучаемых ЛЕ определённой группы (к примеру, географических названий) и общего количества «своих» или «чужих» реалий.

Внутри макро-групп российских и зарубежных реалий было выделено одиннадцать подклассов: географические названия; ЛЕ, относящиеся к науке, искусству и медиа; названия исторических событий; реалии-организации; имена музыкантов, политических деятелей; реалии, относящиеся к культурам и религиям; «вымышленные» реалии (существующие в воображаемых мирах географические названия, имена героев книг, сериалов, кинофильмов и т.д.); прочие реалии.

Всего в текстах двадцати отобранных песен Оксимирона было найдено 174 реалии, из них 50 российских (29%) и 124 зарубежных (71%). Внутри российских реалий были идентифицированы следующие группы. Их полный список представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Семантическая классификация российских реалий

Номер	Подкласс реалий	Количество (ед.)	Количество (%)	Примеры
1	Географические	13	26%	<i>Дон, Москвабад</i>
2	Наука, искусство, медиа (включая их деятелей)	17	34%	<i>Демьян Бедный</i>
3	Исторические (кроме организаций и персоналий) + традиционно русские предметы обихода	8	16%	<i>Смута</i>
4	Организации	8	16%	<i>Военкомат, Black Star</i>
5	Политические деятели, религии и культуры, вымышленные реалии	0	0	-
6	Прочие	4	8%	<i>Хрустальные совы</i>

Совокупность отраженных в песенных текстах зарубежных реалий можно проследить с помощью таблицы 2.

Таблица 2

Семантическая классификация зарубежных реалий

Номер	Подкласс реалий	Количество (ед.)	Количество (%)	Примеры
1	Географические	26	21%	<i>Грин Парк</i>
2	Наука, искусство, медиа (включая их деятелей)	26	21%	<i>Олдос Хаксли</i>
3	Исторические реалии (не включая персоналии)	4	3.2%	<i>Хазарский Каганат</i>
4	Организации	6	5%	<i>МИ-6</i>
5	Политические деятели	5	4%	<i>Иди Амин</i>
6	Культы и религии	28	22.5%	<i>Молох, вечный жид</i>
7	Вымышленные реалии (в том числе литературные)	22	18%	<i>Муми-Дол</i>
8	Прочие	7	5.6%	<i>Халяль</i>

На основе сопоставления полученных данных, приведённых в таблицах, были сделаны предварительные выводы:

1. В текстах исполнителя преобладают зарубежные реалии, что может быть отражением биографии певца (Мирон Янович вместе с семьёй с 1994 по 2000 год жил в Германии, затем в Англии, где будущий рэпер закончил Оксфордский университет)²³.
2. Число зарубежных географических реалий в два раза больше аналогичного показателя в российской выборке.
3. Значительное расхождение в качественном составе зарубежных и отечественных реалий в текстах песен заметно и в количестве вымышленных (в том числе и литературных) реалий (22 ед. против 0); а также ЛЕ, относящихся к культурам и религиям (28 ед. против 0); науке, искусству и медиа (26 ед. против 17). Это может свидетельствовать о том, что певец в большей степени ориентирован «вовне», на мир, окружающий его историческую родину. Однако, по нашему мнению, творчество Оксимилона нельзя назвать космополитичным: в поэтических текстах Оксимилона присутствуют такие реалии, как *Смута*, *Табель о рангах*,

²³ Oxxxymiron. Официальный сайт. URL: <https://oxxymiron.com>

Де Габриак (псевдоним русской и советской поэтессы Е.Д. Дмитриевой), «*Голубое сало*» (роман В.Г. Сорокина), что свидетельствует об интересе певца к родной культуре.

4. То, что Оксимирон закончил факультет английского языка и литературы, находит своё отражение в обильном включении реалий зарубежной литературы в тексты его песен: всего обнаружено 16 таких включений, например, *Шир*, *Белерианд* (вымышленные географические наименования Дж.Р.Р. Толкина), *Фальстаф* (герой Шекспира), *Дёрден* (персонаж Чака Паланика). Заслуживает внимания и созвучие названий второго альбома Оксимирона — *Горгород* с вымышленной реалией «*Горгорот*» (у Дж.Р.Р. Толкина большое плато в Средиземье, принадлежит Сауну).

Проведенное исследование подтверждает необходимость детального анализа нетривиальных песенных текстов, изобилующих реалиями. Это позволяет глубже понять культурную направленность их авторов, а также установить взаимосвязь между их биографиями и творчеством. Подобные исследования, на наш взгляд, представляют перспективу для стилистики, теории интерпретации текста, страноведения и переводоведения.

Библиографический список

Абрамова Е.И., Ощепкова В.В. Реалии, обозначающие элементы кельтской культуры, в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. №4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21206535>

Алфёров А.В., Попова Г.Е., Тамразова И.Г. Эфемерные лакуны: релевантность дискурсивной тональности в переводе // Вестник ВГУ. 2019. № 2.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.

Вайсбурд М.Л. Реалии как элемент страноведения // Русский язык за рубежом. 1972. № 3.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М., 1980.

Радбиль Т.Б. Национально-культурные presuppositions как объект этнолингвистики и лингвокультурологии. Карповские чтения-6 // Вопросы региональной фольклористики и этнолингвистики. Арзамас, 2016.

Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре // Иностраный язык в школе. М., 1997. № 3.

Фененко Н.А. Французские реалии в контексте теории языка : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2006.

References

Abramova E.I., Oshchepkova V.V. *Realii, oboznachayushchie elementy kel'tskoy kul'tury, v angliyskom yazyke*. [Culturally specific words denoting elements of Celtic culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow Region State University]. 2013. No 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2120653> (accessed 28.12.2020).

Alferov A.V., Popova G.E., Tamrazova I.G. *Ephemernye lakuny: relevantnost' diskursivnoy tonal'nosti v perevode*. [Ephemeral lacunae: the relevance of the discursive tonality in translation]. In: *Vestnik VGU*. [Voronezh University Bulletin]. Voronezh, 2019. No 2.

Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod*. [Language and translation]. Moscow, 1975.

Vaysburd M.L. *Realii kak element stranovedeniya*. [Culturally specific words as an element of country study]. In: *Russkiy yazyk za rubezhom*. [The Russian language abroad]. 1972. No 3.

Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode*. [The untranslatable in translation]. Moscow, 1980.

Radbil' T.B. *Natsional'no-kul'turnye presuppozitsii kak ob'ekt etnolingvistiki i lingvokul'turologii*. [National-cultural presuppositions as the object of ethnolinguistics and linguoculturology]. In: *Karpovskie chteniya-6. Voprosy regional'noy fol'kloristiki i etnolingvistiki*. [Karpov readings-6. Questions of regional folkloristics and ethnolinguistics]. Arzamas, 2016.

Tomakhin G.D. *Realii v yazyke i kul'ture*. [Culturally specific words in language and culture]. In: *Inostranny yazyk v shkole*. [Foreign languages at school]. Moscow, 1997. No 3.

Fenenko N.A. *Frantsuzskie realii v kontekste teorii yazyka*. [French culturally specific units in the context of the theory of language]. Doc. of Philol. Diss. Voronezh, 2006.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ЭКСПРЕССИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. ЭМИСА

В.Д. Ившин, Ю.М. Зинина

Ключевые слова: синонимический ряд, экспрессивная лексика, Кингсли Эмис, способы выражения эмоций и оценок, индивидуальный стиль писателя.

Keywords: synonymous groups, expressive vocabulary, Kingsley Amis, ways of expressing emotions and evaluations, individual writing style of an author.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-16

В предложенной статье рассмотрены лексические способы выражения эмоций и оценок в высказываниях персонажей, в описании ситуаций и других сопутствующих условий при раскрытии сюжета в романах К. Эмиса «Счастливчик Джим» (*"Lucky Jim"*) и «Игра в прятки по-русски» (*"Russian Hide-and-Seek"*).

Как поэт и писатель К. Эмис принадлежал к литературному течению «сердитых молодых людей», творчество которых развивалось в русле критического реализма послевоенного периода. Он приобрёл в Англии огромную популярность в начале 50-х годов XX столетия после выхода в свет его первого романа «Счастливчик Джим». Первоначально отвергнутый шестнадцатью издателями, роман «Счастливчик Джим» по выходе в свет был провозглашен самым смешным дебютом в английской литературе после «Посмертных записок "Пиквикского клуба"» Ч. Диккенса [Толмачёв, 2003, с. 443].

Литературная критика, особенно в Англии, дала высокую оценку художественным достоинствам произведений К. Эмиса, в результате чего за ним «закрепилась слава наиболее читаемого и популярного из прозаиков современной Великобритании» [Ивашева, 1967, с. 281]. В 2015 году, согласно опросу BBC Culture, роман «Счастливчик Джим» (*"Lucky Jim"*) вошел в топ-сто лучших романов Великобритании по мнению 82 литературных критиков всего мира — от Соединенных Штатов Америки до Африки, от Австралии до Ближнего Востока — за исключением британских экспертов [Ciabattari, 2015].

Как указывает литературовед В.В. Ивашева, «самое ценное в художественном отношении в романах К. Эмиса — это острые и злые сатирические зарисовки, которых много в «Счастливчике Джиме» [Ивашева, 1967, с. 281].

Однако изучение его сатирических приёмов описания, а также непосредственно связанных с ними способов употребления экспрессивной лексики и описание её синонимических рядов, не являлось ещё предметом специального рассмотрения в лингвистической литературе. Поэтому предпринятое нами исследование является актуальным в том отношении, что поможет читателям романов К. Эмиса в подлиннике глубже понять оттенки значений синонимов, эмоционально-оценочных слов и углубить знания в изучении английского языка на художественном уровне.

В последние десятилетия лингвисты показали повышенный интерес к творческой стороне функционирования языка, в основе которого лежит изучение использования языковых средств в художественной литературе. Язык художественной литературы — важная составляющая национальной культуры. Изучение текста литературного произведения позволяет не только передать особенности мышления говорящих на данном языке, но также и описать мир произведений искусства, созданного авторами [Samedov, 2019, p. 62]. Слово как основная единица языка играет важную роль в художественных текстах.

Употребление синонимов — естественное явление в творчестве любого писателя, ибо только разнообразие синонимических рядов позволяет писателю избежать монотонности повествования и неясности выражения, возникающих при повторении одних и тех же избитых слов и словосочетаний. Однако трудность различения синонимов в художественном тексте зависит часто от малого и большого контекста, где в одном случае, синонимы выступают как таковые в приближённом смысле, в то время как в другом — они перестают выступать в качестве синонимов. Поэтому эффект от чтения романов может быть значительно усилен, если читающий имеет специальную стилистическую подготовку. Большое эстетическое удовлетворение от чтения можно получить и, не зная стилистики, поскольку истинно художественное произведение всегда оставляет след в сознании читателя. Но для подготовленного читателя этот след и сопереживание будут и глубже, и полнее.

Недостаточное и неполное понимание художественного текста вызывается рядом причин, одной из которых является невнимание к стилистическим, эмоциональным и оценочным экспрессивным коннотациям, выраженным в тексте. При поверхностном чтении и схватывании смысла читателю кажется, что он всё хорошо понял. Однако такой читатель не умеет подметить иронию или сарказм автора произведения, его отношение к изображаемому герою. Неподготовленный читатель заранее упрощает и огрубляет текст, не может в этом случае реа-

гировать на новые для себя мысли и чувства, иногда попросту не замечая их. Всё это обуславливает непрременную необходимость изучения хотя бы краткого курса стилистики изучаемого иностранного языка и индивидуального творческого стиля отдельных писателей. Это подтверждает и В.В. Виноградов, отмечая, что основной категорией в сфере лингвистического изучения художественной литературы обычно признается понятие индивидуального стиля [Виноградов, 1959, с. 169].

На материале других произведений на английском и русском языках и в общем теоретическом плане функциональные значения экспрессивной лексики рассматривались с точки зрения интонационной, словообразовательной и стилистической [Золотова, 2003; Матыцина, 2013; Селяев, 1995; Бережная, 1974; Biber, 2002; Biber, 2011].

В филологической науке проблема изучения индивидуального стиля писателя продолжает оставаться спорной, поскольку языковеды ещё не определили тот раздел в филологии, который должен заниматься изучением стилей авторов художественных произведений.

Имеется довольно широко распространенное определение стилистики как науки о выразительных, экспрессивных средствах языка. О предмете и задачах стилистики говорилось не раз в ряде работ как по русскому языку, так и по английскому [Кожина, 2008; Арнольд, 2002].

Начиная с Аристотеля, учение «риторики», т.е. учение о правилах построения ораторской речи, расширилось до всеобъемлющего понятия стилистики. Но и здесь не находилось места изучению индивидуального стиля писателя, которое относили то к языкознанию, то к теории литературы. По этому поводу В.В. Виноградов образно заметил, что изучение «языка» или стилей художественной литературы стихийно выделялось в нейтральную зону, в которой разрешалось *охотиться* как языковедам, так и историкам литературы» [Виноградов, 1959, с. 3].

Так как «целью и задачей изучения языка художественного произведения является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [Щерба, 1936, с. 129], мы провели выборку синонимических рядов экспрессивной лексики в «нейтральной зоне», в ограниченных на данный момент рамках двух романов К. Эмиса. Но изучение даже такого небольшого по объему материала помогает, по нашему мнению, дать определённое представление об индивидуальном стиле этого английского писателя.

Как показали наши наблюдения, в его произведениях обнаруживается частое употребление специальных оценочных слов, имеющих положительную или отрицательную оценку, которые закрепились в язы-

ке для выражения тех или иных эмоций, для характеристики персонажей, их поведения или действий. Например:

*I think it should be quite a **good fun*** (Amis, 1992, p. 6). (Я думаю, что это было бы **хорошей забавой**) (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

*Well taught and sensibly taught, history could do people **a hell of a lot of good*** (Amis, 1992, p. 110). (Если преподавать хорошо, преподавать разумно, то история может принести людям **огромную пользу**)²⁴.

*'Yes, that's **badly** all right, isn't it?* (Amis, 1992, p. 21). (Да, **что скверно, то скверно**, ничего не скажешь (переводчик — А. Фридман).

*... that'll do you **a power of good***. (Amis, 1992, p. 74). (Это вам даст **много хорошего**) (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

*'It's **damn** good of you to do this for me,' the girl said with animation* (Amis, 1992, p. 47). (Нет, вы сногшибательно любезны, — с большим оживлением сказала девушка) (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

Характерно, что слово *damn* имеющее обычно отрицательное значение в качестве усилителя, здесь выражает высокую степень положительной оценки действия.

Аналогичную значимость усилительного слова можно наблюдать в целом ряде подобных примеров: *He sensed, as far as he could sense anything at the moment that something would go **badly** wrong if he failed to turn up at the station...* (Amis, 1992, p. 124). (Он чувствовал — насколько он вообще мог что-либо чувствовать в эти минуты, — если он опоздает на станцию, в его жизни произойдет **что-то непонравимое**, он лишится чего-то очень для него важного) (переводчик — А. Фридман).

*It did you **a power of good***. (Amis, 1992, p. 82). (Вам **все пошло на пользу**) (переводчик — А. Фридман).

*If **only** somebody would tell me what I feel!* (Amis, 1981). (**Если бы** кто-нибудь сказал мне (знал), что я чувствую) (перевод наш — В.И., Ю.З.).

*There was not **a great deal of light** in it because the windows were small and half-covered with squares of heavy brocade...* (Amis, 1981). (Там было **не очень много света**, потому что окна были маленькие и наполовину покрыты квадратами из тяжелой парчи) (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

*'No, I've never been **much of a dancing man, I'm afraid**'* (Amis, 1992, p. 23). (Нет. Боюсь, что я **плохой танцор**) (переводчик — А. Фридман).

Модально-оценочным словам и словосочетаниям и вопросу о синонимических рядах с функционально-стилистической дифференциацией членов предложения, как наиболее распространённым способам выражения эмоциональности в современном английском языке,

²⁴ Перевод приводится по изданию книги «Счастливчик Джим» (М.: Книгоиздательская фирма «ЛГ-Бестселлер», 1993; переводчик — А. Фридман).

посвящены специальные исследования [Рожнова, 2014; Атлас, 2012; Князев, 1965].

Так, по мнению Б.А. Князева, основными компонентами экспрессивности являются эмоциональность и образность. В выражении *old cockchafer* — *Look here, you old cockchafer what makes you think you can run a history department, even at a place like this, eh?... (Amis, 1992, p. 42)*. (Послушай, ты, **старый навозный жук**, почему ты, собственно, воображаешь, что можешь руководить историческим факультетом, хотя бы даже в таком неважном университете, как этот? (перевод наш. — В.И., Ю.З.) (ты, старый навозный жук) — оба компонента налицо, где мы имеем ясно выраженный презрительный оттенок, возникший на основе об-разной оценки, т.е. связанный с переносом значения [Князев, 1965, с. 4].

Вот подобные примеры с переносным значением у К. Эмиса: *'You _wordy _old _turdy _old scum, you griping old _piping _old bum ... '* (Amis, 1992, p. 43). (Ты старый, дремучий сморкач) ... (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

'Was that a car I heard then?' he asked, raising his head like an old cob disturbed at grass. (Amis, 1992, p. 66). (Кажется, там какая-то машина? — спросил он, подымая голову, как **старый конь**, потревоженный среди высокой травы).

The night is young (Amis, 1992, p. 8). (Вечер только **начинается** (перевод наш. — В.И., Ю.З.).

Наряду с отдельными модально-оценочными словами пренебрежительного и ласкательного значения в романах «Счастливчик Джим» и «Игра в прятки по-русски» нами обнаружены следующие синонимические ряды усилительных слов и словосочетаний: *considerably, awfully, hardly, badly, damn, a great deal of, a good deal of, much of, the only, damn good, a power of good*.

Сплошная выборка синонимов, относящихся в романах К. Эмиса «Счастливчик Джим» и «Игра в прятки по-русски» к различным частям речи, показала, что наибольшее число синонимических рядов обнаруживают глаголы и существительные, причём глагольных синонимов в романе «Счастливчик Джим» в два раза больше, чем именных, т.е. субстантивных (14 и 7 рядов соответственно).

Разнообразным по составу оказался синонимический ряд усилительных наречий, в который вошли отпричастное наречие *horrifyingly* и слово *damn* с отрицательным, пренебрежительным значением, но употреблённое для выражения высокой степени положительного качества.

В целом стиль К. Эмиса не отличается сложностью синтаксических структур, наличием множества идиоматических выражений и образ-

ных фразеологических единиц, в частности, сравнения, а также наличием множества синтаксических выделительных оборотов. В этом смысле подтверждается тезис английских литературных критиков о том, что *the former writers used to use more idioms* прежние писатели имели обыкновение употреблять больше идиоматических выражений.

Библиографический список

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. М., 2002.

Атлас И.А. Синтаксические средства выражения эмоциональной оценки // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2012. № 11.

Бережная Л.Г. К вопросу выражения эмоций в речи // Лингвистические исследования. Киев, 1974.

Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. М., 1959.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2003.

Ивашева В.В. Английская литература. XX век. М., 1967.

Князев Б.А. Семантические способы выражения эмоциональности в современной английской разговорной речи // Некоторые вопросы романо-германской филологии. Челябинск, 1965.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М., 2008.

Матыцина М.С. Прагмалингвистический аспект речевого акта выражения ревности и речевого акта выражения зависти (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 7 (25). Ч. II.

Рожнова Е. А. Эмоционально-экспрессивная лексика английского языка и ее нагруженность // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2014. № 11 (89).

Селяев А.В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1995.

Толмачёв В.М., Седелник В.Д., Иванов Д. А. и др. Зарубежная литература XX века: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.

Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений П. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Советское языкознание (Сб. посв. В. Ф. Шишмареву). Л., 1936. Т. 2.

Biber D. Corpus linguistics and the study of literature: Back to the future? // Scientific Study of Literature. Vol. 1, Issue 1, 2011.

Biber D., Johansson S., Leech Geof., et al. Longman Grammar of Spoken and Written English. Essex, 2002.

Ciabattari J. BBC Culture polled book critics outside the UK, to give an outsider's perspective on the best in British literature. 07.12.2015. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20151204-the-100-greatest-british-novels>.

Samedov J.S., Borzova S.V., Gasanova M.A., Mayorova G.V. Emotional vocabulary and its functioning in story of Alexander Ivanovich Kuprin "Swamp" // Revista San Gregorio. Special edition-March 2019. № 30.

Источники

Amis K. Lucky Jim. London, 1992.

Amis K. Russian Hide-and-Seek. London, 1981.

References

Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremenny'j anglijskij yazy'k*. [Stylistics. Contemporary English]. Moscow, 2002.

Atlas I.A. *Sintaksicheskie sredstva vy`razheniya e`mocional`noj ocenki*. [Syntactic means of expressing emotional evaluation]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Buryat state University]. 2012. No 11.

Berezhnaya L.G. *K voprosu vy`razheniya e`mocij v rechi*. [On the issue of expressing emotions in speech]. In: *Lingvisticheskie issledovaniya*. [Linguistic studies]. Kiev, 1974.

Vinogradov, V.V. *O yazyke hudozhestvennoj literatury*. [About the language of fiction]. Moscow, 1959.

Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow, 2003.

Ivasheva V.V. *Anglijskaya literatura. XX vek*. [English literature. XXth century]. Moscow, 1967.

Knyazev B.A. *Semanticheskie sposoby vyrazheniya emocional`nosti v sovremennoj anglijskoj razgovornoj rechi*. [Semantic ways of expressing emotionality in modern English colloquial speech]. In: . [Some questions of Romano-Germanic Philology]. Chelyabinsk, 1965.

Kozhina M.N., Duskaeva L.P., Salimovskij V.A. *Stilistika russkogo yazyka*. [Stylistics of the Russian language]. Moscow, 2008.

Matycina M.S. *Pragmalingvisticheskij aspekt rechevogo akta vyrazheniya revnosti i rechevogo akta vyrazheniya zavisti (na materiale anglijskogo yazyka)*. [Pragmalinguistic aspect of the speech act of expressing jealousy and the speech act of expressing envy (based on the material of the English

language)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological science. Questions of theory and practice]. Part II. Tambov, 2013. No 7 (25).

Rozhnova E.A. *Emocional'no-ekspressivnaya leksika anglijskogo yazyka i ee nagruzhenost'*. [Emotional and expressive vocabulary of the English language and its]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. [Almanac of modern science and education]. Tambov, 2014. No 11 (89).

Selyaev A.V. *Sopostavitel'nyj analiz lingvisticheskikh sredstv vyrazheniya polozhitel'nyh i otricatel'nyh emocij v britanskom i amerikanskom variantah anglijskogo yazyka*. [Comparative analysis of linguistic means of expressing positive and negative emotions in the British and American versions of English]: Doc. of Philol. Diss. Nizhny Novgorod, 1995.

Tolmachyov V.M., Sedel'nik V.D., Ivanov D. A. *Zarubezhnaya literatura XX veka*: [Foreign literature of the XX century]. Moscow, 2003.

Shcherba L.V. *Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stihotvorenij II. «Sosna» Lermontova v sravnenii s ee nemeckim prototipom*. [Experiments in linguistic interpretation of poems II. Lermontov's "Pine" in comparison with its German prototype]. In: *Sovetskoe yazykoznanie*. [Soviet linguistics]. Leningrad 1936. Vol. 2.

Biber D. *Corpus linguistics and the study of literature: Back to the future? Scientific Study of Literature*. Vol. 1. 2011. Issue 1.

Biber D., Johansson S., Leech Geof., et al. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Essex, 2002.

Ciabattari J. *BBC Culture polled book critics outside the UK, to give an outsider's perspective on the best in British literature*. 07.12.2015. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20151204-the-100-greatest-british-novels>.

Samedov J. S., Borzova S. V., Gasanova M. A., Mayorova G. V. *Emotional vocabulary and its functioning in story of Alexander Ivanovich Kuprin "Swamp"*. *Revista San Gregorio*. Special edition-March 2019. № 30.

List of sources

Amis K. *Lucky Jim*. London, 1992.

Amis K. *Russian Hide-and-Seek*. London, 1981.

ЛЮДИ. ФАКТЫ. СОБЫТИЯ

НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: ОБЗОР XVIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

Н.В. Бубнова, Н.В. Ланге

Ключевые слова: имя собственное (оним), ономастика, ономатолог, «Ономастика Поволжья».

Keywords: proper name (onym), onomastics, onomatologist, «Onomastics of Volga Region».

DOI 10.14258/filichel(2021)3-17

Несмотря на тяжёлую эпидемиологическую ситуацию, ономатологи страны не могли не собраться в очередной раз на ежегодной конференции «Ономастика Поволжья», которая в 2020 году проходила 9-10 сентября. На этот раз учёных со всей России и других стран принимал Костромской государственный университет. Мероприятие проводилось при поддержке РФФИ.

История конференции насчитывает уже пятьдесят три года. Впервые она была организована в 1967 году по инициативе одного из крупнейших советских ономастов Владимира Андреевича Никонова на его родине в Ульяновске. С тех пор традицией стало проводить конференцию в городах на берегу Волги. Были периоды, когда конференции не проводились, но с 2006 года конференция «Ономастика Поволжья» возродилась окончательно и стала проводиться раз в два года на берегах Волги по никоновской традиции. В прошлом году ономатологов принял Великий Новгород. Казалось, что конференция покинула территорию Поволжья, однако при выборе места проведения конференции было выяснено, что «на востоке Новгородской области протекает крупный приток Волги Молога (общая длина 456 км), а её большим притоком является Кобожа (184 км). Связана с бассейном Волги через свой приток и Тихвинку и Тихвинский канал река Сясь (длина 260 км)» [Ганцовская, Неганова, Супрун, 2020, с. 8]. Конференция была настолько масштабной (в работе её приняли участие

122 ономатолога из 33 российских регионов и 11 зарубежных стран) [Бубнова, Максимчук, 2019, с. 177], что окончательно подтвердилось разумное решение проводить конференцию ежегодно.

В 2020 году «выбор Костромы был оправдан географически, исторически и научными заслугами её жителей», — как справедливо указали авторы вступительной статьи сборника конференции [Ганцовская, Неганова, Супрун, 2020, с. 8]. Красоты старинной архитектуры в сочетании с новейшими постройками и, конечно, широкая величавая Волга — это современная Кострома. Костромская земля — родина многих известных деятелей российской культуры: драматурга А.О. Аблесимова, писателя, поэта и филолога Н.Ф. Грамматина, писателя и журналиста П.П. Свинына, историка и этнографа М.Я. Диева, этнографа-баллетриста С.В. Максимова, писателя и драматурга А.Ф. Писемского. Много лет жил на стыке ярославских и костромских земель Н.А. Некрасов, десятилетия творчества А.Н. Островского связаны с Костромой.

В Костроме очень сильная научная школа. Здесь, помимо других крупнейших филологов, работают и учёные-ономасты. Так, под руководством Нины Семёновны Ганцовской подготовлены три диссертации по ономастике: Е.В. Цветковой «Топонимия Костромской области (междуречье Покши и Мезы)» (2000), И.Б. Горлановой «Топонимия города Костромы» (2006), О.А. Образцовой «Личные имена поунжевской деревни начала XX века (на материале произведений Е.В. Честнякова и живых кологривских говоров)» (2007).

На XVIII конференцию «Ономастика Поволжья» было подано около двухсот заявок российских и иностранных ономатологов [Ганцовская, Неганова, Супрун, 2020, с. 11]. Первый день конференции проходил в пригороде Костромы на Козловых горах — живописном месте в сосновом лесу на берегу Волги, где оборудованы современные гостиницы и конференц-залы. В день открытия на пленарных заседаниях должно было состояться 15 докладов, однако не все смогли приехать из-за пандемии коронавирусной инфекции. Конечно, прежде всего, это зарубежные коллеги — Мачей Рак, Doctor Habilitatus, профессор Ягеллонского университета (доклад «Ономастика и культурыемы»), Ружица Левушкина, доктор филологических наук, научный сотрудник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств (доклад «Агиоантропонимы сербских святых в сербском и русском языках (структурно-сравнительный анализ)'), Шимон Погвизд, магистр, ассистент Института славистики Польской академии наук (доклад «Следы древней семантики праславянского *kvěť в именах собственных и нарицательных славянских языков: из опыта рабо-

ты над XI томом Праславянского словаря»). Все эти доклады были заранее записаны на видео и предложены для просмотра на пленарных заседаниях. Кроме того, из-за неблагоприятной эпидемиологической обстановки не смогла приехать целая группа учёных из Екатеринбурга во главе с Еленой Львовной Березович (доктор филологических наук, член-корреспондент Российской Академии наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина). Однако доклад «Из ономастики заговоров Русского Севера: названия камней и деревьев», выполненный группой учёных под её руководством, был также записан на видео и представлен на конференции. В докладах, представленных очно на пленарных заседаниях, были рассмотрены различные направления ономастики: «Имена собственные в обобщённом употреблении» (В.И. Супрун), «Апеллятивы и топонимы в Беломорье и Ярославско-Костромском Поволжье: опыт сопоставительного анализа» (С.А. Мызников), «Культурно-историческая содержательность региональных топонимов» (В.С. Картавенко), «Изучение урбанонимии в лингворегionalных исследованиях» (В.И. Теркулов), «Проблема нормы в ономастике» (В.И. Мозговой), «Антропонимикон говоров Костромского Приволжья (на материале очерков В.Я. Шишкова)» (Н.С. Ганцовская), «Атрибутивность составных топонимов» (А.С. Щербак), «Коннотативные имена собственные постсоветского периода как объект сравнения» (И.В. Крюкова), «Сумма поэтонимологии: философия дилетанта. В недрах ономастики» (В.М. Калинин), «Тезоименность в русской библионимии» (Л.А. Климкина), «Наименования дней народного календаря весенне-летнего цикла в ярославских говорах» (Т.К. Ховрина).

Второй день конференции был проведён в центре Костромы в Костромском государственном университете. Было предусмотрено 7 секционных заседаний по основным направлениям ономастики: «Теоретические и методологические аспекты ономастики», «Источники ономастических исследований. Ономастическая лексикография», «Современные проблемы антропонимики и этнонимики», «Современные проблемы топонимики и микропонимики», «Городское ономастическое пространство», «Литературная и фольклорная ономастика. Сакральная ономастика», «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье». Были представлены доклады ономастологов Москвы, Краснодара, Улан-Удэ, Пскова, Читы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Смоленска, Волгограда, Вологды, Твери и многих других городов России. Кроме того, некоторые зарубежные учёные смогли посетить кон-

ференцию: так, с докладами выступили представители Донецкой Народной Республики и Китайской Народной Республики. На заключительном заседании были подведены итоги конференции и принята резолюция. Ведущий закрытия XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» В.И. Супрун отметил сложные условия, в которых проводилась конференция, однако то, что конференция состоялась, говорит о том, что ономастика — наука о человеке и для человека — является по-настоящему востребованной и актуальной отраслью лингвистики XXI века.

*Участники XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»
(Кострома, 9–10 сентября 2020 года)*

В завершении конференции участникам была предложена интереснейшая обзорная экскурсия по Костроме и в Ипатьевский монастырь.

Надеемся, что любовь к ономастике будет и далее побеждать любые вирусы, и в следующем году ономатологи встретятся в Оренбурге. Оренбуржцы убедительно доказали свою связь с Волгой. Так, с одной стороны, продолжает соблюдаться традиция, а с другой, «Ономастика Поволжья» постепенно и неизбежно перерастает в «Ономастику России».

Библиографический список

Бубнова Н.В., Максимчук Н.А. Современная ономастика: достижения и перспективы // Филология и человек. 2019. № 4.

Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д., Супрун В.И. Кострома: XVIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» // Ономастика Поволжья. Кострома, 2020.

References

Bubnova N.V., Maximchuk N.A. *Sovremennaya onomastika: dostizheniya i perspektivy*. [Modern onomastic: achievements and perspectives]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2019. No 4.

Gantsovskaya N.S., Neganova G.D., Suprun V.I. *Kostroma: XVIII Mezh-dunarodnaya nauchnaya konferenciya «Onomastika Povolzh'ya»*. [Kostroma: XVIII international scientific conference "Onomastics of the Volga region"]. In: *Onomastika Povolzh'ya*. [Onomastics of the Volga region]. Kostroma, 2020.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Э.В. Малыгина. Лингвоэвокационное исследование педагогической межперсонажной коммуникации: на материале фрагмента художественного текста. Статья посвящена проблеме лингвоэвокационного исследования педагогической (школьной) межперсонажной коммуникации, воспроизведенной во фрагменте текста романа О. Камаевой «Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы». Основу методики составляет параметр двуплановости лингвоэвокационного исследования текста. Первичный план связан с категорией эвокативности художественного текста. В статье исследуются средства воспроизведения модели педагогической коммуникации как продукта эвокации. Описание модели изображенного межперсонажного взаимодействия производится по параметрам вербального коммуникативного акта Б.Ю. Городецкого. Вторичный план изучения педагогической коммуникации связан с категорией интерпретативности текста. Результаты исследования, полученные в ходе лингвоэвокационного описания межперсонажной коммуникации первичного плана, позволяют читателю усмотреть компоненты объекта интерпретации, установить взаимосвязь проблемы речевого имиджа преподавателя и процесса эффе́ктивизации взаимодействия персонажей.

E.V. Malygina. Lingvocation Research of Pedagogical Interpersonal Communication: Based on an Excerpt of a Literary Text. The article is devoted to the problem of linguo-translational research of pedagogical (school) interpersonal communication, reproduced in a fragment of the text of O. Kamaeva's novel "Christmas Tree. From school with love, or The Teacher's Diary". The methodology is based on the parameter of the two-dimensional linguaevoocation study of the text. The primary plan is subordinated to the category of evocativeness of a literary text. An important place belongs to the means of reproducing the model of pedagogical communication as a product of evocation. The description of the model of the depicted interpersonal interaction is made according to the parameters of the verbal communication act proposed by B.Y. Gorodetsky. The secondary plan of studying pedagogical communication is related to the category of interpretativeness of the text.

The results of the study, obtained in the course of the linguistic-evocation description of interpersonal communication of the primary plan, allow the reader to see the components of the object of interpretation, to establish the relationship between the problem of the teacher's speech image and the process of effectuating the interaction of characters.

Г.А. Копнина. Речевая манипуляция в массмедийном тексте / дискурс: проблема распознавания. В статье дается краткий аналитический обзор исследований, выполненных на материале текстов массмедиа, по проблеме распознавания речевой манипуляции. Выявлено, что, помимо традиционных алгоритмов «ручной» идентификации манипуляции в тексте / дискурсе (путем лингвистического анализа), разрабатываются автоматизированные системы распознавания речевой манипуляции в средствах массовой коммуникации. Несмотря на то, что на данном этапе развития науки, автоматизированные системы распознавания потенциально манипулятивных текстов некоторых типов (фейковых; текстов негативной тональности, в том числе с речевой агрессией) с участием филологов уже созданы, в целом названную проблему по-прежнему нельзя считать решенной ввиду «многоликости» манипуляции и существования целого ряда проблем, среди которых отсутствие как единообразия в трактовке ключевых терминов, так и словаря манипулятивных техник и приемов, затрудняющее параметризацию индикаторов (маркеров) манипуляции. Тезис казахстанской группы исследователей о том, что манипулятивность текста определяется степенью интенсивности в нем совокупности индикаторов определенного типа, требует дальнейших экспериментальных подтверждений на различном материале. Автор статьи полагает, что в распознавании речевой манипуляции «последнее слово» должно оставаться за человеком.

Kopnina G.A. Verbal Manipulation in Mass Media Text / Discourse: the Problem of Recognition. The article presents short analytical review of the mass media texts researches devoted to the problem of recognition of verbal manipulation. It has been found that in addition to traditional algorithms of “manual” identification of manipulation in the text / discourse (with the help of linguistic analysis), there are under development automatized systems of verbal manipulation. Despite the fact that at the current stage of science development the automatized systems which can recognize potentially manipulative texts of some types (fake texts; texts of negative tone including verbal aggression) have been already established with philologists' contribution, the problem that has been mentioned cannot be considered as solved in general due to diversity of manipulation and existence of the number

of problems among which there is a lack of uniformity in the interpretation of the key terms and the absence of dictionary of manipulation techniques and devices, all this makes the parametrization of indicators (markers) more difficult. The Kazakh researchers' idea stating that the text manipulativity is determined by its intensity level of the set of indicators of a particular type requires further experimental confirmation using various materials. The author of the article believes that the last word in identification of verbal manipulation should belong to the human.

Е.А. Савочкина. Применение фасетной классификации для уточнения природы речевого жанра (языковой аспект). В статье предпринята попытка описания одного из жанров рекламного дискурса — рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram — в русле теории речевых жанров. Исследование опирается на следующие положения теории: все речевые жанры могут быть описаны на основании их первичности/ вторичности; любой речевой жанр имеет определенную модель. Данная модель может быть описана при помощи фасетной классификации, когда исследуемое дискурсивное пространство разбивается на составляющие фасеты — категории, присущие исследуемому объекту, для характеристики тех признаков дискурса, которые релевантны для конкретного исследования. При исследовании применены и кратко описаны два вида фасетов: фасеты среды и фасеты ситуации дискурса. Особое внимание уделено одному из фасетов ситуации — фасету языкового кода, наиболее важного для лингвистического осмысления РЖ. В качестве самого яркого признака языкового кода рекламы товаров элитных брендов на платформе Instagram была выделена аллюзивность лексики.

E.A. Savochkina. Faceted Classification Scheme Applied to Specify Speech Genre (Language-Specific Aspect). The article is striving to describe one of the genres of advertising discourse — the advertising of elite brand goods in Instagram — through the theory of speech genres. The study is based on the following principles of the theory: all speech genres can be described through their primary or secondary nature; any speech genre has a special model. Here is an attempt to describe the model under the faceted classification scheme, which involves splitting a discursive domain into facets — categories inherent to the object discussed and relevant to the current research. The work has employed two types of facets: facets of discourse setting and discourse situation. Close attention has been given to one of the discourse situation facets — the facet of the language code, as the determiner of a speech genre language understanding.

The allusive character of the vocabulary of the advertising of elite brand goods in Instagram has been stressed as the most vivid characteristics of the language code.

А.А. Шмаков. Риторический идеал поколения Z (на материале социолингвистического эксперимента). В данной статье на стыке риторики, коммуникативистики, психологии и социологии рассматриваются мнения о риторическом идеале представителей так называемого «поколения Z» — молодых людей, родившихся ранее 1995 года. Для этого статье описаны результаты социолингвистического эксперимента, проведенного среди студентов Алтайского филиала РАНХиГС, в рамках которого были определены лучшие, по мнению респондентов, ораторы современности и описаны их качества. Анализируя полученные данные, автор приходит к выводу о том, что риторический идеал для представителей поколения Z в целом похож на аристотелевский и включает в себя такие качества, как открытость, честность, правдивость, искренность, профессионализм, оригинальный стиль подачи, интеллектуальность, логичность мышления и речи, креативность, чувство юмора. Также важны высокий уровень владения речевыми технологиями, легкое ведение спора, владение техниками аргументации, простота и понятность речи; постоянный контакт с аудиторией.

A.A. Shmakov. The Rhetorical Ideal of Generation Z (Based on a Sociolinguistic Experiment). This article at the intersection of rhetoric, communication science, psychology and sociology, examines the ideas about the rhetorical ideal of representatives of the so-called “generation Z” — young people born before 1995. For this purpose, the article describes the results of a sociolinguistic experiment conducted among students of the Altai branch of the RANEPА, within the framework of which the best, in the opinion of the respondents, orators of our time were identified and their qualities were described. Analyzing the data obtained, the author comes to the conclusion that the rhetorical ideal for representatives of generation Z is generally similar to Aristotelian and includes such qualities as openness, honesty, truthfulness, sincerity, professionalism, original presentation style, intellectuality, logical thinking and speech, creativity, sense of humor. Also important is a high level of proficiency in speech technologies, easy dispute, mastery of argumentation techniques, simplicity and intelligibility of speech; constant contact with the audience.

Д.В. Кротова. А. Блок в поэтическом мире В. Шаламова. В. Шаламов неоднократно отмечал значимую роль А. Блока в формировании собственной поэтической системы. О творчестве корифея Серебряно-

го века речь идет в эссеистике Шаламова (более чем в двадцати работах), а также в «Колымских рассказах» и неопубликованных записях о Блоке (РГАЛИ). Шаламов акцентирует, что Блок — крупнейший поэт, в то же время весьма малоисследованный. Эпиграфом к «Колымским тетрадям» послужили именно блоковские строки. В статье анализируются параллели в мироощущении двух поэтов (ощущение теснейшей взаимосвязи личной судьбы с изломами русской истории); в образной системе (в частности, подробно рассматриваются различные уровни интерпретации мотива метели, который обладает особой значимостью в творчестве обоих поэтов. Показана как преемственность Шаламова по отношению к Блоку в истолковании этого образа, так и кардинальные различия в его трактовке). Прослеживается общность в понимании задач искусства (блоковская идея соединения «красоты и пользы» в художественном творчестве близка мышлению Шаламова); в технике стиха (особая значимость фонетического компонента). К исследованию привлекаются не только опубликованные тексты, но и материалы, хранящиеся в архиве Шаламова в РГАЛИ.

D. V. Krotova. A. Blok in the Poetic World of V. Shalamov. V. Shalamov repeatedly noted the significant role of A. Blok in the formation of his own poetic system. The work of the outstanding artist of the Silver Age is discussed in Shalamov's essays (in more than twenty works), as well as in "Kolyma Tales" and unpublished notes about Blok (The Russian State Archive of Literature and Arts). Shalamov emphasizes that Blok is a great poet, at the same time very little studied. It is precisely taken poetic lines of Blok that serve as the epigraph for "Kolyma notebooks". The article analyzes parallels in the worldview of the two poets (a feeling of the closest relationship of personal fate with the turning points in Russian history); in the imagery (in particular, various levels of interpretation of the snowstorm motif, which has special significance in the work of both poets, are discussed in detail. Shalamov's succession in relation to Blok in comprehension of this image is shown, as well as cardinal differences in its explication in the lyrics of the two poets). The unanimity in understanding the challenges of art is analyzed (Blok's idea of combining "beauty and benefit" in artistic work is close to Shalamov's thinking); in verse technique (special significance of phonetic component). Not only published texts are involved in the study, but also materials stored in Shalamov's archive at the Russian State Archive of Literature and Arts.

Е.Д. Трухан. Роман «Бедные люди» в контексте писем Ф. М. Достоевского времён кузнецких событий. В статье показана связь эпистолярного романа «Бедные люди», событий биографии Ф.М. Достоевско-

го и его эпистолярного наследия кузнецкого периода (1855–1857). Роман «Бедные люди» в послекаторжное время творчества рассматривается как эталонное для автора произведение, самореминисценция. А письма Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий, где имеются несколько фрагментов, посвященных «Бедным людям», представлены как рабочая тетрадь, творческая лаборатория, где адресант вырабатывает новые качества художественного слова, свойственные его зрелому творчеству. Для Достоевского роман «Бедные люди» — не просто блистательный дебют, открывший путь в «большую литературу», но и текст, обладающий пророческими и житнетворческими модусами, имеющий связи с кузнецкими событиями его жизни. Неоднократное обращение к нему, наличие нескольких вариантов романа, говорит об особенностях авторского творческого мышления и значимости этого произведения для писателя.

E.D. Trukhan. The Novel «Poor Folk» in the Context of Dostoevsky's Letters of the time of the Kuznetsk Events. The article shows the connection between the epistolary novel «Poor Folk», the events of the biography of F. M. Dostoevsky and his epistolary legacy of the Kuznetsk period (1855–1857). The novel «Poor Folk» created in after -penal colony time is considered as a high standard for the author, as a self-reflection. The letters of F. M. Dostoevsky from the time of the Kuznetsk events, where there are several excerpts about «Poor Folk», are presented as a workbook, a creative laboratory, where the writer develops a new quality of artistic expression characteristic of his mature works. For Dostoevsky, the novel «Poor Folk» is not just a brilliant debut that opened the way to «great literature», but also a text that has prophetic and life-creating modes, and has connections with the events of his life in Kuznetsk. Repeated reference to it, the presence of several versions of the novel, speaks about the peculiarities of the author's creative thinking and the significance of this work for the writer.

У.Н. Текенова. Рай («Ўстиги Ороон») и ад («Алтыгы Ороон») на материале произведений Дибаша Каинчина. Статья посвящена образам рая («Ўстиги Ороон») и ада («Алтыгы Ороон») в философских произведениях алтайского писателя Дибаша Каинчина. На материале рассказов писателя раскрывается авторская концепция «земного рая» и «земного ада», отражающая его мировоззренческую и нравственно-этическую позицию, его отношение к человеку. Рассмотрены такие значимые для поэтики Д. Каинчина приемы, как сновидение и родственные им состояния (бреда, галлюцинаций, видений, возникших под воздействием каких-либо внешних влияний), с помощью которых

автор рассказов более глубоко раскрывает внутренний мир человека. В работе применены сравнительно-исторический, структурно-семиотический методы и комплексный анализ художественного произведения. Используются художественные тексты в переводах самого Д. Кайчина и частично автора статьи.

U. Tekenova. Heaven (“Ustigi Oroon”) and Hell (“Altygy Oroon”) as Seen in Works of Dibash Kainchin. The article gives the analysis of images of heaven (“Ustigi Oroon”) and hell (Altygy Oroon”) in the philosophical works of Altaian writer Dibash Kainchin. It reveals the author’s idea of “earthly heaven” and “earthly hell” in his short stories as reflection of his worldview, morale and attitude to people. There have been discussed poetic techniques significant for D. Kainchin, such as dream and related states (delirium, hallucinations, and quick views under some external influence) which help the author to give an insight into a person. The author of this article uses comparative historical, structural and semiotic methods and the method of complex analysis of fiction. The literary texts employed have been translated by Dibash Kainchin himself and the author of the article.

Л.Л. Шевченко. Способы объективации категории метатекстуальности в художественном тексте и их роль в репрезентации авторской картины мира (на материале романа Айрис Мердок «Дитя слова»). Статья относится к области лингвокогнитивных исследований художественного текста и рассматривает метатекст как один из способов репрезентации авторской картины мира. В ней предпринимается попытка описать и систематизировать способы объективации категории метатекстуальности в художественном тексте. Источником материала для данной статьи послужил роман Айрис Мердок «Дитя слова», в котором метаязыковая рефлексия находит наиболее яркое воплощение в творчестве исследуемого автора. Когнитивный подход, используемый в данной работе, выводит изучение метатекста на уровень метакогниции и расширяет представление как о формах метатекстового повествования, или автокомментария в тексте, так и о его роли в моделировании авторского образа мира.

L.L. Shevchenko. Forms of Metatextuality Actualized in a Literary Text and Their Role in Representation of the Author’s Worldview (Based on the Novel Word Child by Iris Murdoch). The article presents a lingvocognitive research and deals with the study of metatext as a means of representing the author’s worldview. The author of the study describes and systematizes the ways by which metatextuality reveals itself in a literary text. The material is taken from the novel Word Child by Iris Murdoch in which

meta-language reflection is expressed evidently. Cognitive approach, used in the study of metatext, brings the research to the level of metacognition and provides a wider interpretation of both the forms of metatextual commentary in the text and their function in the reconstruction of the author's individual world vision.

В.В. Катермина, Н.С. Соловьева. Религиозные метафоры в спортивном газетном дискурсе: функциональный аспект (на материале британских газет). Статья посвящена изучению функционального аспекта религиозных метафор в спортивном газетном дискурсе СМИ. Материалом послужили религиозные метафоры английского языка, взятые из качественных и популярных британских газет ("*The Guardian*", "*The Daily Telegraph*", "*The Daily Mail*", "*The Daily Mirror*"). В работе показано, что в современном медиапространстве ведущее положение занимают британские СМИ, имеющие наиболее развитую разветвленную сеть в мире. Согласно традиционной точке зрения, современные исследования спортивного дискурса неотделимы от анализа текстов СМИ, т.к. именно средства массовой информации не только наиболее эффективно подают спортивные события, но и определяют их оценку. Доказано, что метафоры обеспечивают информативную точность, необходимую для эффективного общения, и создают образы, влияющие на отношение адресата к событиям, освещаемыми масс-медиа. В статье отмечается, что в спортивном дискурсе британских периодических изданий религиозная метафора выполняет несколько функций. Использование религиозной метафоры посредством отсылки к библейским сюжетам формирует у реципиента готовое оценочное суждение, а сравнение библейских событий со спортивными способствует формированию новых образов, которые при неоднократном повторении в спортивном дискурсе становятся привычными для реципиентов. Установлено, что использование одних и тех же религиозных метафор и в качественной и в бульварной прессе Великобритании свидетельствует о наметившейся тенденции, согласно которой спорт в современном обществе приравнивается к религии.

V.V. Katermina, N.N. Soloveva. Religious Metaphors in Newspaper Sports Discourse: Functional Aspect (Based on the Material of British Newspapers). The article is devoted to the functional aspect of religious metaphors in newspaper sports discourse. The material under analysis is English religious metaphors which are studied in quality and popular British newspapers (*The Guardian*, *The Daily Telegraph*, *The Daily Mail*, *The Daily Mirror*). According to the traditional point of view, modern research

of sports discourse is inseparable from the analysis of media texts, as media do not only cover sports events most effectively but also determine their assessment. Metaphors are considered to provide informative accuracy necessary for effective communication, they create images that affect the attitude of the reader to events covered by the media.

Т.П. Павлюк, З.А. Дубинец. Особенности концептуализации понятия «карантин» в современном интернет-фольклоре. Статья посвящена анализу когнитивных концептуальных признаков рекуррентного концепта «карантин». В ходе исследования были выявлены сопутствующие концепты в современных жанрах интернет-фольклора: маска, самоизоляция, имбирь, коронавирус, а также выделены 24 категории, которые вошли в ассоциативное поле исследуемого концепта: пародия на кино, анекдоты, устойчивые выражения; объявления, реклама; домашнее обучение; быть дома; вопросы на форуме, советы; алкоголь; устойчивые фразы, эвфемизмы, афоризмы; ретроспективная пародия на реалии советского прошлого; шутки, мемы; страх смерти; обогащение на беде; планирование праздников; подпольная работа; брачные знакомства; всеислие политиков; поход в магазин; лозунги; туризм; лингвистические шутки; одежда; приметы; новые социальные и экономические реалии; спорт. Материал исследования репрезентирует следующие особенности концептуализации понятия «карантин»: 1) неэффективность саморазвития и целеполагания в условиях длительной изоляции; 2) избыток времени; 3) повышенное употребление пищи; 4) воздержание от неверности в браке; 5) нагнетание негативной информации средствами массовой информации; 6) адаптация к новым условиям и возможная экстраполяция их на дальнейшую жизнь вне карантина; 7) забота о собственном выживании перед страхом смерти.

Pavlyuk T.P., Dubinets Z.A. Peculiarities of Conceptualization of the Notion "Quarantine" in Modern Internet Folklore. The article is devoted to the analysis of cognitive conceptual features of the recurrent concept «quarantine». The study identifies related concepts in modern genres of Internet folklore: mask, self-isolation, ginger, coronavirus. The author identifies 24 frames that are included in the associative field of the concept under study: parody of movies, anecdotes, idioms; ads, advertising; home schooling; being at home; forum questions, tips; alcohol; collocations, euphemisms, aphorisms; retrospective parody of the Soviet realities; jokes, memes; fear of death; getting rich in trouble; planning holidays; unofficial work; dating; unlimited power of politicians; shopping; slogans; tourism; puns; clothing; omens; new social and economic realities; sports. Research material represents the following features

of conceptualization of the concept of 'quarantine': 1) inefficiency of self-development and goal-setting in conditions of a prolonged isolation; 2) too much time; 3) overeating; 4) being faithful to the spouse; 5) pumping up negative information by the media; 6) adaptation to new conditions and possible extrapolation of them to the future life when quarantine is over; 7) fear of death.

О.В. Лушинская. Структурно-организационные и содержательные характеристики медийного дискурса на примере веб-сайта «The Guardian». В статье рассматривается контент веб-сайта «The Guardian» как медиапродукт конвергентной редакции. Описываются структурно-организационные и содержательные особенности электронного издания на основе применения интегративной методики дискурсного анализа, которая включает формальные, критерии мультимедийных технологий, экстра- и интралингвистические критерии. Анализ репрезентации данных критериев позволил выявить организационную структуру и дизайн издания; степень присутствия и выраженности явления конвергенции на сайте; специфику контента посредством реализации в нем ряда дискурс-категорий, таких, как аудитория, коммуникативная установка, самоидентификация, пространство, время, интертекстуальность, интерсобытийность, интересубъектность. Дискурс-категория «стилистический диапазон» отражает текстовую организацию электронного издания. Методом сплошной выборки проанализированы медиатексты отдельных рубрик на предмет выявления жанров и форматов, используемых в издании, данные выражены в процентном соотношении.

O.V. Luschinskaya. Organizational and Content Characteristics of Media Discourse (Based on the Web-Site *The Guardian*). The article describes the content of the web-site The Guardian as a media product of a convergent type. Structural and organizational as well as content peculiarities of this electronic edition are analyzed on the basis of integrative methods of discourse analysis. These methods include formal criteria, criteria of multimedia technologies, extra- and intralinguistic criteria. The analysis of their representation allows the author to reveal organizational structure and design of the edition; the degree of presence and severity of the phenomenon of convergence; peculiarities of the content via the realization in the site of some discourse categories such as audience, communicative purpose, self-identification, space, time, intertextuality, intereventness, intersubjectivity. The category "stylistic range" reflects the text organization of the online edition. To reveal genres and formats of the electronic edition media texts of several headings are analysed with the method of continuous sampling. The data are expressed by percentage.

А.С. Пчелинцева. Комплекс средств взаимодействия с читателями в примечаниях А.Д. Кантемира к русскому переводу «Разговоров о множестве миров». В статье рассматривается функциональный комплекс средств взаимодействия с читателями в примечаниях А.Д. Кантемира к русскому переводу «Разговоров о множестве миров». Адресованность примечаний русскому читателю выявляется на жанровом, содержательном и языковом уровнях. На языковом уровне это выражается в реализации актуализационных модусных категорий и метатекстовых показателей, которые не только косвенно указывают на говорящего, но и высвечивают в тексте примечаний фигуру читателей. Актуализационные модусные смыслы позволяют Кантемиру объединить себя с читателями в одном текстовом пространстве и времени; метатекстовые показатели, структурируя информацию, управляют их вниманием. Взаимодействуя в тексте примечаний, эти языковые средства организуют взаимодействие комментатора и адресата: метатекстовые показатели маркируют поясняющие фрагменты и примеры, а локализация говорящего в одном текстовом пространстве и времени с читателями повышает убедительность и наглядность излагаемой информации.

A.S. Pchelintseva. Totality of Means of Interaction with the Reader in the Footnotes of A.D. Cantemir to the Russian Translation of Conversations on the Plurality of Worlds. The article deals with functional totality of means of interaction with the reader in the footnotes by A.D. Cantemir to his Russian translation of *"Conversations on the Plurality of Worlds"*. The content, the language and the genre of the footnotes prove them to be addressed to the Russian reader. On the linguistic level, it is expressed by actualization of modus categories and metatextual means that do not only point at the addresser indirectly, but also highlight the reader's figure in the footnotes' text. Actualization of modus categories allows Cantemir to bring him closer to the reader in the same textual space and time, whereas metatextual units control the reader's attention by structuring information. Interaction of these linguistic means within the text of footnotes provides interaction between Cantemir and the Russian reader: their common space and time increase the persuasive effect of explanations and examples introduced by metatextual means.

Е.С. Бугрышева, А.Н. Моисеев. «Свои» и «чужие» реалии в текстах песен рэпера Оксимирона. В статье рассматриваются отечественные и зарубежные реалии на материале текстов песен российского рэпера Оксимирона (Oxxxumiron). Вначале приводится уточнённое с точ-

ки зрения авторов определение понятия реалии. Предметом исследования является сравнительная классификация «своих» и «чужих» культуроспецифичных единиц в творчестве российского рэп-исполнителя. Гипотеза исследования состоит в том, что в текстах певца преобладают зарубежные реалии. Разделение изучаемых лексических единиц происходит по одиннадцати классам: географические названия; слова, относящиеся к науке, искусству и медиа; названия исторических событий; реалии-организации и т.д. В статье представлены таблицы с подробным количественным анализом отобранных реалий. Результаты качественного анализа рассматриваемых единиц приведены в выводах. Авторы приходят к заключению, что выдвинутая на начальной стадии исследования гипотеза верна. Считается, что детальное изучение текстов песен, в которых отмечены реалии, позволяет лучше понять их культурную составляющую, а также влияние личности автора на творческий продукт.

Bugrysheva E.S., Moiseev A.N. Realia (Culturally Specific Lexical Units) as «Ours» and «Theirs» in Rapper Oxxxymiron's Texts. The article deals with domestic and foreign realia (considered as culturally specific units) in the song lyrics by the rapper, called Oxxxymiron. The paper starts with the definition of realia, specified according to the authors' point of view. The research is concentrated on the comparison of classifications of «our» and «their» culturally specific units in the Russian rapper's creative texts. The hypothesis is based on the assumption that foreign realia prevail in the singer's lyrics. The lexical units under discussion are divided into eleven classes: geographical names; words referring to science, art and the media; names of historical events; realia naming various organizations, etc. The charts with a detailed quantitative analysis of the selected realia are presented in the article. The results of the qualitative analysis of the considered lexical units are given in the conclusion. The authors prove that the formulated hypothesis appears to be right. Thorough research of the song lyrics marked with realia is considered to facilitate better understanding of the cultural component in these songs, as well as the influence of the author's personality on their creative product.

В.Д. Ившин, Ю.М. Зинина. Синонимические ряды экспрессивной лексики в произведениях К. Эмиса. В статье отражаются результаты проведенного анализа экспрессивной лексики в работах известного английского критика, поэта, прозаика и драматурга второй половины двадцатого столетия, лауреата Букеровской премии Кингсли Эмиса; представлена краткая оценка художественных

достоинств его произведений; рассматривается индивидуальный стиль писателя, употребление им лексических способов выражения эмоций и оценок при раскрытии сюжетов в романах «Счастливчик Джим» ("Lucky Jim») и «Игра в прятки по-русски» ("Russian Hide-and-Seek»). Исследование показало, что в произведениях Кингсли Эмиса обнаруживается частое употребление специальных оценочных слов, имеющих положительную или отрицательную оценку для характеристики персонажей, их поведения или действий, для выражения тех или иных эмоциональных состояний; а также преобладание среди различных частей речи в функции усилительных слов и словосочетаний, используемых писателем в текстах своих романах, глаголов и имен существительных.

Ivshin V.D., Zinina J.M. Synonymous Groups of Expressive Vocabulary in Works by K. Amis. The article presents the results of expressive vocabulary analysis in the novels by a famous British literary critic, poet, prose writer and playwright of the second half of the XXth century, the Booker Prize winner and a university teacher Kingsley Amis. It briefly presents the artistic merits of his works and deals with individual Kingsley Amis's writing style and the use of lexical ways to express emotions and evaluations when developing the plot of his stunning novels *Lucky Jim and Russian Hide-and-Seek*. The study shows that the language in the works by Kingsley Amis abounds in assessing words which express positive or negative assessment while featuring characters, their behaviour or different actions, describing the expression of certain emotional states. The analysis reveals, that among the various parts of speech of amplifying words and word combinations used in the novels, verbs and nouns turn out to have the largest number of synonymous groups.

Н.В. Бубнова, Н.В. Ланге. Наука о человеке в эпоху пандемии: обзор XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». В статье описывается круг ономастических исследований, обозначенных на XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Эта конференция проходила 9-10 сентября 2020 года в городе Костроме на базе Костромского государственного университета. В течение более пятидесяти лет она объединяет ономатологов России и стран ближнего и дальнего зарубежья. На пленарных и секционных заседаниях конференции были заслушаны и обсуждены доклады о теории и методах ономастических исследований, о различных аспектах изучения разных разрядов имён собственных, об источниках

ономастических исследований, об ономастической периферии. Впервые в круг обсуждаемых проблем вошла сакральная ономастика. Оргкомитет и участники конференции отметили сложные условия пандемии коронавирусной инфекции, в которых проводилась конференция, однако то, что очередная очная встреча ономатологов состоялась, говорит о том, что ономастика — наука о человеке и для человека — является по-настоящему востребованной и актуальной отраслью современного языкознания.

N. V. Bubnova, N. V. Human Science in the Pandemic Era: Rerview of the XVIII International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region". The article describes the range of onomastic research presented at the XVIII International scientific conference "Onomastics of the Volga region". This conference was held on September 9–10, 2020 in the Kostroma city on the basis of Kostroma State University. For more than fifty years, it has united onomastics researchers from Russia and countries of the near and far abroad. Reports on the theory and methods of onomastic research, various aspects of the study of various categories of proper names, sources of onomastic research, and onomastic periphery were delivered and discussed at the plenary and breakout sessions of the conference. For the first time, sacred onomastics was included in the range of issues discussed. The organizing committee and the conference participants noted the difficult conditions of the infection pandemic of COVID-19 in which the conference was held, however, the fact that the annual meeting of onomastics researchers took place suggests that onomastics, the science of man and for man, is a truly demanded and relevant branch of modern linguistics.

НАШИ АВТОРЫ

- БУБНОВА,
Нина
Викторовна — кандидат филологических наук, доцент Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил Российской Федерации им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (Смоленск).
E-mail: 85ninochka67@mail.ru
- БУГРЫШЕВА,
Екатерина — кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета
E-mail: cherchezlafemme2010@yandex.ru
- ДУБИНЕЦ,
Зореслава
Александровна — кандидат филологических наук, доцент Института педагогического образования и менеджмента (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Армянск).
E-mail: zarina46@yandex.ua
- ЗИНИНА,
Юлия
Михайловна — кандидат филологических наук, доцент Академии социального управления (Мытищи).
E-mail: jmzinina@gmail.com
- ИВШИН,
Василий
Дмитриевич — доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета (Мытищи).
E-mail: kaf-perevod@mgou.ru
- КАТЕРМИНА,
Вероника
Викторовна — доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета (Краснодар).
E-mail: veronika.katermina@yandex.ru
- КОПНИНА,
Галина
Анатольевна — доктор филологических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: okopnin@mail.ru
- КРОВОТА,
Дарья
Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: da-kro@yandex.ru

- ЛАНГЕ,
Нина
Витальевна — кандидат филологических наук, доцент Смоленского государственного медицинского университета Минздрава России.
E-mail: boew67@mail.ru
- ЛУЩИНСКАЯ,
Ольга
Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск).
E-mail: olgalu805@gmail.com
- МАЛЫГИНА,
Элеонора
Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева (Санкт-Петербург)
E-mail: <ehleonoramalygina@yandex.ru>
- МОИСЕЕВ,
Андрей
Николаевич — студент Московского государственного областного университета.
E-mail: andymoisev@yandex.ru
- ПАВЛЮК,
Татьяна
Павловна — кандидат филологических наук, доцент Института педагогического образования и менеджмента (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Армянск).
E-mail: flutemix@mail.ru
- ПЧЕЛИНЦЕВА,
Александра
Сергеевна — аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: pchelintsevaa@list.ru
- САВОЧКИНА,
Елена
Александровна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: savochkina71@mail.ru
- СОЛОВЬЕВА,
Наталья
Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.
E-mail: nisanasol@yandex.ru
- ТЕКЕНОВА,
Ульяна
Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: tekenovau@mail.ru

- ТРУХАН,
Елена
Дмитриевна — заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского (Новокузнецк).
E-mail: dostoevski_nv kz@mail.ru
- ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: labrlexis@mail.ru
- ШЕВЧЕНКО,
Людмила
Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: shevchenko_ll@mail.ru
- ШИРОКИХ,
Ирина
Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: shirokih.irina@mail.ru
- ШМАКОВ,
Артем
Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Барнаул).
E-mail: art.schmakow@gmail.com

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 40 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), бло-

ги, форумы и т.п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скреплен-

ные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 3 2021

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета А. А. Карпов

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс П5843 в каталоге Почты России
Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Подписано в печать 03.09.2021.
Дата выхода издания в свет 10.09.2021.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,9. Тираж 500 экз. Заказ № 310.

Издательство Алтайского государственного университета
Типография Алтайского государственного университета
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66